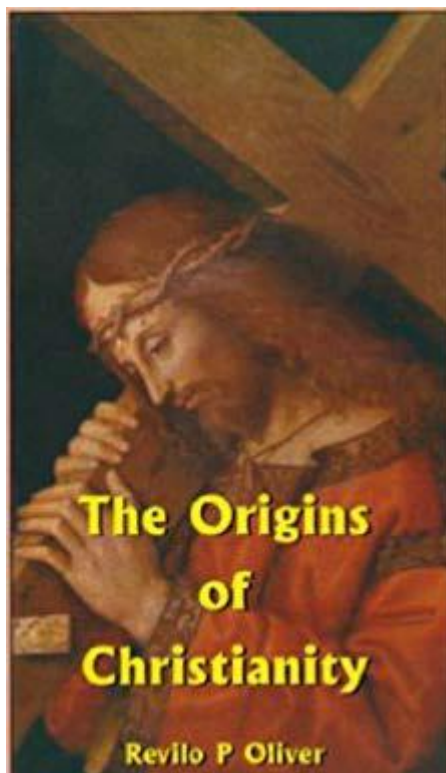
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Ревило П. Оливер

Ревило П. Оливер, профессор классической филологии; Университет штата Иллинойс, Урбана-Шампейн.

Оригинал: Revilo P. Oliver, The Origins of Christianity, Historical Review Press, 1994

Текст оригинала взят с сайта: http://www.revilo-oliver.com/rpo/RPO_NewChrist/toc_ol.htm

ОГЛАВЛЕНИЕ

***

ВВЕДЕНИЕ

Из многочисленных проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня, ни одна не является настолько же раздражающей, как проблема отношения христианства к западной цивилизации. Ни одна из них, определенно, не вызывает более сильный антагонизм и междоусобную враждебность между представителями расы, создавшей эту цивилизацию. Ни одна в более полной степени не противодействует их общему интересу в ее сохранении и не делает их столь бессильными и беспомощными. И это неудивительно: то, о чем идет речь, является сущностной природой нашей цивилизации, и если относительно нее нет никакого согласия, то не может быть никакого действенного согласия и по другим вопросам.

Приблизительно в 1910 году Жорж Матисс в «Руинах идеи бога»[1] предсказал, что самое позднее к 1960 году единственными церквями, оставшимися в цивилизованном мире, будут те, которые были сохранены в качестве музеев из-за их архитектурной красоты или исторического значения. Научные и исторические знания, накопленные нашей расой, сделали веру в сверхъестественные существа невозможной для культурных людей, а всеобщее образование быстро разрушит доверчивость масс. «Мы поднялись из тупика темницы, в которую бросило нас христианство. Сегодня человек ступает под открытым небом и дневным светом. Он обрел веру в себя».

---

[1] Georges Matisse, Les Ruines de l'Idée de Dieu, Paris, Mercure de France, s.a. Все переводы с иностранных языков на этих страницах являются моими, если не указано иное. [Прим. авт.]

В 1980 году – особенно в Соединенных Штатах – имел место сильный «рост» христианства. В ноябре один из многих крикливых евангелистов Америки Орал Робертс провел интервью с Иисусом и воспользовался этой возможностью, чтобы заметить, что рост Иисуса – девятьсот футов. Эта цифра произвела на его последователей такое сильное впечатление, что в течение двух недель, как говорят, они отдали ему дополнительные 5 000 000 долларов, добавив их к тем 45 000 000 долларов, которые они отдают ему ежегодно. Немного ранее другой святой человек, Дон Стюарт, судя по сообщениям, добился большого успеха в евангелизме (собрав за год более 10 000 000 долларов), раздавая пастве лоскутки своего нижнего белья. Правоверные кладут их себе под подушки, так как части ткани, которая находилась в контакте с его плотью, впитали в себя ману его святости. И на проводимом каждые четыре года конкурсе популярности с целью определить, какому актеру должна быть отдана звездная роль в Белом доме, все три кандидата в президенты посчитали целесообразным объявить, что они «нашли Иисуса» и «родились заново».

Важнее то, что как в Англии, так и в Соединенных Штатах значительное число людей, получивших достаточное техническое образование, чтобы называться учеными, были наняты или воодушевлены к тому, чтобы доказать подлинность Святой Туринской плащаницы тем «научным» доказательством, что грубая ткань была обесцвечена сверхъестественным образом – божественной силой [«маной»]. Некоторые из этих ученых утверждали, что расплывчатое изображение возникло на ткани потому, что тело покойного бога было крайне радиоактивным и излучало радиацию такой интенсивности, что она была сопоставима с той, которую произвел взрыв атомной бомбы в Хиросиме, и поэтому очевидно, что лишь крайне сверхъестественная сила могла зарядить клетки органического тела такой колоссальной и даже смертоносной энергией. Во многих американских колледжах преподаватели учебных дисциплин ведут курсы, имеющие целью продемонстрировать, что люди не могут быть продуктом процесса биологической эволюции, но непременно должны были быть придуманы и созданы богом тем способом, который они более или менее явно идентифицируют со знаменитой историей о происхождении человечества от Адама и его запасного ребра. Школа богословия Университета Эмори (основанного в 1836 году) предлагает для обучения методистских пасторов последипломный семинар по богословию самого выдающегося автомобильного вора и насильника Америки, чернокожего проповедника по фамилии Кинг, и, по-видимому, за настолько образцовое христианство она была вознаграждена подарком в 100 000 000 долларов – самым большим частным пожертвованием в истории.

Соединенные Штаты всегда были известны разнообразием и фанатизмом своих христианских сект. В намного меньшем масштабе христианский «охват» (если использовать евангелистский термин) душ и денежных средств может наблюдаться и в нескольких странах Европы, даже включая, как говорят, ряд стран на советской территории. И можно задаться вопросом, поддержал ли бы опрос в

сегодняшней Англии статистику, позволившую профессору А. Н. Уайтхэду в 1942 году прийти к заключению, что «гораздо меньше одной пятой части населения сегодня является христианским в любом смысле этого слова». Мне говорят, что данная прослойка населения должна была бы значительно увеличиться, и что римский католицизм – больше, чем другие секты – постоянно пополняется значительным количеством «новообращённых». Однако число людей, которые посещают церкви или говорят, что верят в одну из многочисленных христианских доктрин, относительно невелико. Внутренняя и внешняя политика всех стран западного мира основана на идеях, которые их население в целом считает само собой разумеющимися и принимает без размышлений или обсуждений – идеях, которые, очевидно – хотя порой и не так явно – выведены из христианского богословия и, если можно так выразиться, являются пережитком тех времен, когда нашу расу, весьма точно, называли христианским миром.

Матисс был в высшей степени неправ. Его поразительной ошибкой была экстраполяция, сделанная логически на основе фактов, доступных ему в 1910 году, когда он пришел к заключению, что «Белая раса завоевала весь мир и убила Дракона [суеверия]. И эта раса должна была это сделать. Если бы человеческий разум был неспособен к этому достижению, самому трудному из всех, то он был бы обречен. Интеллект на этой планете закончился бы крахом. Это был вопрос жизни или смерти интеллекта. … Сегодня бесспорное доказательство врожденно превосходящей силы европейского разума – это атеизм».

Матисс, конечно же, не предвидел катастрофы 1914 года и не ощущал те подпольные и оккультные силы, которые еще в 1910 году тайно работали над развязыванием не просто очередной европейской войны с целью изменения равновесия сил на континенте, но войны, которую эти силы превратили во всеобщее бедствие, еще более разрушительное для сознания, чем для собственности и жизни, и которое, как вполне может оказаться, было началом конца нашей цивилизации и расы. Поэтому вопрос, который Матисс так ясно изложил, остается не измененным теми бедствиями, которых он не мог предвидеть, и более того, сегодня он стал еще более важным и насущным.

Вопрос этот, очевидно, – и, возможно, неотвратимо – вызывает разногласия, но от него нельзя просто уклониться или проигнорировать его. Для такого вопроса даже молчание является ответом, а лицемерие деморализует. Поэтому я и взялся за трудную и практически невыполнимую задачу: представить объективное и беспристрастное резюме проблемы, сконцентрировав на немногих страницах то, что при более правильном подходе могло бы наполнить несколько томов, которые сами являлись бы лишь кратким изложением. По необходимости я воздерживался от обсуждения второстепенных вопросов и от ухода в академические споры. Я попытался ограничиться тем, что с уверенностью может считаться установленными фактами и логическими выводами из них. Полагаю, нет нужды напоминать разумным читателям, что по данной теме категорически невозможно сделать какое-либо заявление, которому бы не противоречило что-то, напечатанное где-то среди

огромного количества страниц, хранящихся на полках даже посредственной библиотеки[2].

Чтобы ясно рассмотреть нашу проблему, нам необходимо начать с ее истоков и кратко указать на ее доисторическое происхождение, ограничившись вопросами, непосредственно относящимися к нашей собственной расе, лишь о которой нам и следует беспокоиться. Так как слово «индоевропейский» лучше всего годится для использования в качестве лингвистического термина, а такие слова как «скандинавский» / «нордический» и «кельтский» являются слишком узкими для обозначения вариаций внутри нашего вида, мы будем использовать единственное доступное слово в общеупотребительном лексиконе, которое определяет нашу расу в целом, хотя жиды и запретили нам его использовать. К тому же, у слова «Ариец» имеется то преимущество, что оно не является географическим термином, и хотя некоторые могут подумать, что оно нескромно описывает нас как *Arya*, то есть «благородных», это слово действительно указывает на диапазон моральных представлений, к которым наша раса, похоже, инстинктивно испытывает специфическое уважение, отличающее ее от других рас так же резко, как и ее физические черты. Жаль, что при текущем уровне знаний мы не можем проследить происхождение нашего вида, *Арийцев*, к виду Человека прямоходящего (*Homo erectus*) или Человека умелого (*Homo habilis*), от которых он происходит.

---

[2] Я свел примечания к минимуму, ограничившись лишь теми, которые, возможно, не являются общеизвестными. Насколько возможно, я цитировал лишь работы, доступные на английском языке, выбирая из них одну или две, которые дают, насколько я знаю, самое сжатое и ясное изложение данной темы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: РЕЛИГИЯ

Религия, которую мы можем определить как веру в существование сверхчеловеческих и сверхъестественных существ, представляет собой явление, ограниченное несколькими человеческими видами, поскольку она зависит от зачаточных способностей к мышлению и относительно развитых способностей к воображению. Мы можем согласиться с Ксенофаном, что если бы волы, лошади или львы придумали себе богов, то каждый вид, как и люди, создал бы себе богов по своему собственному образу и подобию. Но нет ни малейшей причины предполагать, что у других млекопитающих помимо человека имеется какая-либо концепция превосходящих существ, окромя инстинктивного признания хищных видов, которые могут на них охотиться, и инстинктивного подозрения ко всему, что незнакомо и поэтому может быть опасным.

Конечно, Анатоль Франс определил собак как религиозных животных, и у него были на то основания. Собака действительно почитает своего хозяина как существо со способностями, значительно превосходящими ее собственные. Она поклоняется своему богу своеобразным образом, стремясь добиться его расположения примирительными движениями и нежностью, учась повиноваться его пожеланиям и прихотям и даже переживая чувство греха, когда собака осознает, что поддалась искушению сделать что-то, что вызовет недовольство у ее божества. Собака пытается умиротворить гнев своего бога, как это делают люди, смирением и заискиванием, и она готова сражаться за своего бога и даже рисковать ради него жизнью. Но нам не стоит заходить с аналогией Франса слишком далеко. Бог собаки – живое существо, которое кормит почитающую его собаку, при случае наказывает ее физически, и, если этот человек достоин преданности своей собаки, нежно ее ласкает. Никакая собака никогда не поклонялась существу, которого она не могла бы видеть, слышать, чей запах она не могла бы чувствовать и к чьему телу она не могла бы прикоснуться.

Юджин Марей, научные исследования которого, наконец-то, получили высокую оценку, чего они давно заслуживали, провел наблюдения, имеющие самую высокую важность для антропологии. Он обнаружил, что бабуины коллективно демонстрируют уровень интеллекта, который, в определенных отношениях, превосходит интеллект человекообразных обезьян, обычно классифицируемых как антропоиды, и, несмотря на отсутствие у них четко сформировавшегося членораздельного языка, они могут выиграть в сравнении с более примитивными видами, классифицируемыми как человек. У южноафриканских бабуинов, за которыми терпеливо наблюдал Марей, несомненно, имеются элементарные способности к разуму, которому они обязаны своим выживанием в окружающей среде, ставшей к ним всецело враждебной, когда фермеры и правительство предприняли попытку их истребления. В своих статьях, собранных и переведенных под заголовком «Мои друзья бабуины» («My Friends, the Baboons», Лондон, 1939), Марей описывает один весьма примечательный инцидент, который произошел во

время его длительного наблюдения за группой бабуинов. После долгих наблюдений за учеными обезьяны перестали видеть в Марее и его коллеге враждебных представителей вида, которого они оправданно боялись. Когда большое число детенышей бабуинов оказалось поражено эпидемической болезнью, старейшины стаи, ее олигархи, попросили человеческой помощи, найдя способ показать свою веру или надежду, что доброжелательные члены нашего вида, которые, как они знали по опыту, были способны чудесным образом причинить смерть своими винтовками, возможно, также имели удивительную способность спасти от смерти те существа, которые они хотели защитить. И, по крайней мере, одна из самок бабуинов, мать мертвого младенца, явно верила или надеялась, что у людей была способность воскресить мертвых и вернуть их к жизни.

Если этот трогательный эпизод изложен верно, то у южноафриканских бабуинов [вернее, «чакм», или медвежьих павианов] имеется нечто вроде силы воображения, которая является необходимой для религиозности. Но мы не можем назвать их религиозными. Они приписывали виду млекопитающих, который, как они знали, обладал непостижимыми для них силами, властью, которой у этого вида не было. Бабуины действительно боятся ночи и темноты, но если они и придают какую-то форму своему страху, то, вероятно, они представляют его как леопарда. Нет никаких оснований предполагать, что у этих обезьян имеется даже самая примитивная идея богов. Большего нельзя сказать и о некоторых разновидностях антропоидов, классифицированных как «человек», лишь потому, что у них имеется членораздельный, хоть и примитивный язык. Антропологи, у которых была возможность понаблюдать за этими видами до того, как их туземное сознание было развращено «миссионерами» или контактом с более развитыми расами (что обычно вызывает почти обезьяноподобную подражательность), сообщают, что слаборазвитое сознание этих видов – хотя оно и обладает определенными животными инстинктами и способностями, которые слабы или вообще отсутствуют в нашей расе – является строго анимистическим, приписывающим, насколько мы можем судить, эффективность копья некоторой силе, присущей самому копью, а также неспособным различать одушевленные и неодушевленные объекты. Существа эти живут в мире бесконечной тайны, они неспособны к пониманию связи между причиной и следствием. Тщательное наблюдение показало, что арунта и другие племена австралоидов, по общему признанию, являются самым слаборазвитым видом, классифицированным как человек, и они размножались в течение как минимум пятидесяти тысяч лет, даже не предполагая наличие какой-либо причинно-следственной связи между половыми сношениями и беременностью. Насколько мы знаем, бабуины могут обладать б**_о_**льшим врожденным интеллектом. Очевидно, что там, где нет ничего естественного или сверхъестественного, не может быть никакой идеи, которую можно было бы назвать религиозной.

Вышеизложенные факты должны придать нам осторожности при попытках реконструировать неизвестную предысторию нашей расы на основании наблюдений за примитивными расами, дожившими до нашего времени. Они, подобно

примитивному целаканту[3], который прожил намного дольше, могут представлять собой тупики эволюционного процесса. Труд Лео Фробениуса, наиболее известный в английском переводе под названием «Детство человечества» (The Childhood of Man, Лондон, 1909), воодушевил – скорее названием, чем содержанием – одно предположение, которое некоторое время поддерживалось очень многими как рудимент христианской доктрины. Когда догму о том, что все люди являются потомками Адама и его запасного ребра, уже невозможно было защищать, она – как это происходит со всеми культурными рудиментами – подверглась минимально возможным изменениям и была заменена идеей происхождения людей от одной единственной гипотетической семьи предков. Но так как доктор Карлтон Кун в своей книге «Происхождении рас» (Carleton Coon, Origin of Races, Нью-Йорк, 1962) доказал – насколько это позволяют скудные имеющиеся в наличии данные, – что пять основных рас обязаны своим разнообразием различиям между несколькими питекантропоидными видами, из которых они развились независимо друг от друга, то мы больше не можем предполагать, что, например, сегодняшние готтентоты представляют ту стадию развития, через которую некогда прошли и наши предки. Не существует никаких доказательств, что наша раса когда-либо была анимистической; ее религиозность возникла в умах принципиально иного качества.

У нас нет никакой определенной информации о нашей расе до сравнительно недавних времен. Если мы отвергнем мнение ряда несогласных и определим кроманьонцев как Арийцев, то одним этим мы уйдем в наше прошлое настолько далеко, насколько возможно, – причем, судя по большей части имеющихся доказательств, это будет менее чем двадцать тысяч лет назад. Мы можем предположить, что у кроманьонцев, вероятно, была религия, но у нас нет никакой возможности узнать, какой она могла быть. Уверенные заявления на этот счет, которые мы обычно встречаем, являются лишь догадками, сформированными в значительной степени на недопустимых аналогиях с современными примитивными людьми. Причем они полностью базируются лишь на двух видах доказательств: захоронения и наскальные рисунки, раскрывающие художественный талант, делающий кроманьонцев уникальными среди народов мира их временного периода.

Нам часто говорят, что забота о мертвых и тщательно проводившиеся похороны являются доказательством какой-то веры в загробную жизнь и, следовательно, в духов, но это лишь предположение. Похороны могут быть не более чем инстинктивным проявлением уважения или привязанности к покойнику и нежеланию видеть его труп съеденным животными или гниющим около лагеря. Когда имущество человека хоронили вместе с ним, в этом случае, возможно, действительно присутствовала какая-то идея (вроде той, что имела место в Египте), что эти вещи могли быть полезны для человека в его посмертном существовании. Но вместе с тем возможно и то, что некоторые или многие случаи подобного обычая могут указывать на присутствие сильного чувства частной собственности: копье, бусы или золотой рог для питья принадлежали покойнику, и никто не должен был

---

[3] Целакант - рыба из группы кистепёрых рыб, вымерших в меловой период.

украсть их у него после его смерти, когда он больше не мог защитить свое имущество.

На знаменитых наскальных рисунках мы видим мужчин, на которых одеты головы и шкуры животных, и нам говорят, на основе предположительных аналогий, что эти фигуры – шаманы, занимающиеся колдовством с целью добиться успешной охоты. Но в той же самой пещере («Труа-Фрер» (Trois-Frères), «Пещера трех братьев» в Верхней Гаронне во Франции), в которой мы встречаем самое известное изображение такого «колдуна», также присутствует картина, изображающая человека, на котором одета голова и шкура северного оленя и который преследует стадо этих животных; следовательно, у его одежды имеется очевидная практическая цель. Находящиеся поодаль фигуры в костюмах животных, которые, кажется, танцуют, могут просто прыгать с целью развлечения своих товарищей или, возможно, демонстрировать радость после удачной охоты.

В одной пещере (Виллендорф) была найдена маленькая статуэтка, вырезанная с примечательным мастерством из бивня мамонта, которая изображает очень полную женщину с искусно отображенной причёской и на поздней стадии беременности, причем, очевидно, не первой. Какой-то остряк сатирически назвал ее «Венерой», и вскоре после этого у нас появилось сразу несколько диссертаций о культах плодородия и той религии, частью которой они были. Но факт состоит в том, что мы не знаем, кто вырезал эту статуэтку или почему. Она действительно свидетельствует о некотором интересе к беременности – возможно, об интересе мужа, который надеялся на новое потомство, а возможно, об интересе человека, у которого просто возникло желание что-то вырезать из бивня.

Конечно, мы можем строить догадки о происхождении религии. Стаций, несомненно, был прав: *Primus in orbe deos fecit timor* – богов впервые в мире создал страх. Древние люди действительно жили в мире, заполненном ужасами и опасностями, которые они, независимо от своего врожденного интеллекта, не могли понять. Землетрясения поразительны даже тогда, когда они не вызывают разрушений. Бури возникают без видимых причин; ураганы и сильные молнии пробуждают в нас атавистические страхи, даже если мы знаем о том, что они – просто природные явления, и даже если мы находимся в безопасном месте. Даже смены времен года (особенно во время изменения климата после отступления ледников) кажутся в лучшем случае таинственными и даже вызывают страх, когда сопровождаются длительными ливнями, сильным снегом или ужасной засухой. Даже удача – то есть необъяснимые совпадения – делает некоторых из наших современников суеверными, а в случае невезения вызывает предположение о вмешательстве загадочных недружелюбных сил. И – как и бабуины – мы инстинктивно боимся темноты, которая может скрывать все те внушающие страх опасности, которые только способно представить наше воображение. Неведение ужасно, и это очевидно.

Однако мы вынуждены довольствоваться лишь сомнительными догадками, когда мы пытаемся понять, почему наши далекие предки решили, что своими собственными действиями они могли повлиять на те непостижимые явления, среди которых они были вынуждены жить, – что они, например, могли умиротворить что-то, что вызывает бури, или убедить что-то еще вызвать дождь и положить конец засухе. Могло ли это быть потому, что явления, причины которых неизвестны, кажутся капризными и напоминают побуждения и прихоти людей, и именно поэтому люди предположили, что некие невидимые сверхчеловеческие существа сознательно вызывают эти явления? Много ли групп или племен спонтанно и независимо друг от друга стали представлять себе сверхъестественные существа в качестве первопричины необъяснимых явлений, или же эта идея сначала пришла в голову какому-то одному склонному к мечтаниям человеку, чье объяснение было принято окружающими и распространилось среди них, потому что никто не мог придумать объяснение получше? Или же взрослые спроецировали на внешний мир чувства, волновавшие их самих, когда они были детьми и когда с подачи кого-то из родителей они подвергались вознаграждениям и наказаниям? Можно бесконечно размышлять о том, почему люди начали приписывать природные явления каким-то сверхъестественным существам. Единственный несомненный факт состоит в том, что они это сделали, и именно в тот момент родилась религия. То была попытка понять мир, идентифицировать и классифицировать первопричины, и какой бы грубой эта попытка ни казалась нам сегодня, она говорит о чем-то большем, чем о животном интеллекте.

ГЛАВА ВТОРАЯ: ТРОЙНАЯ ФУНКЦИЯ

В наше время много говорят о «религиозной свободе». Предположительно, верования в сверхъестественное являются «личным делом», и каждый человек имеет право сам определять для себя, во что ему верить или нет. Поэтому у нас существует догма об «отделении церкви от государства», которая была одним из основных принципов американской Конституции и которая дожила до сегодняшнего дня как одна из немногих основ этой Конституции, которые не были официально отменены или тайно аннулированы.

Такая концепция религии – недавняя. Она была нововведением, когда писалась Конституция, и то был компромисс, который многие из наших людей приняли с большой неохотой. У этого новшества имеются последствия, которые значительные сегменты нашего населения не желают принимать и сегодня, и оно по-прежнему представляет собой источник бесконечной софистики, лицемерия, уверток и замешательства.

Поэтому мы должны напомнить себе, что в историческом плане религия – это общественное явление, которое в намного большей степени является делом всего общества, чем отдельного человека. С самой ранней истории нашей расы и до настоящего времени религия, в различной степени, исполняла три функции: функцию политической связи, функцию санкции для общественной морали и функцию утешения для людей. Эти три функции настолько тесно переплелись друг с другом, что в любой момент времени – включая настоящий – они кажутся неразрывными, но чтобы ясно их различить, давайте рассмотрим их по отдельности.

СПЛОЧЕННОСТЬ

Как хорошо знают все, кто прочел блестящее изложение биологических фактов в книгах Роберта Ардри «Территориальный императив» и «Общественный договор» (Robert Ardrey, The Territorial Imperative, The Social Contract), у всех животных, охотящихся стаями, должно быть инстинктивное чувство общей цели и элементарной общественной организации, регулирующей отношения между отдельными особями и создающей – по крайней мере, временно – единство между ними, подчиняя отдельную особь группе и ее общей цели. Повиновение закону стаи должно быть автоматическим у волков, гиеновидных собак и всех видов, выживание которых зависит от сотрудничества между отдельными особями.

Мы можем быть уверены в том, что это инстинктивное чувство присутствовало и у наших далеких биологических предков два миллиона лет назад или более – австралопитеков, которые охотились маленькими стаями и даже научились использовать в качестве простого оружия камни и кости животных, которых они убили и съели. Вместе с тем, мы можем предположить, что они, как и

волки, собирались в стаи только для охоты на более крупных животных, и что связь между индивидуумами, помимо «супружеской» связи между самцами и самками, поддерживалась только во время охоты. Этот инстинкт ограниченной конфедерации, должно быть, присутствовал миллион или более лет спустя у различных дочеловеческих видов, обычно называемых *Homines Erecti* (люди прямоходящие), часть которых, как Карлтон Кун показал в своей книге «Происхождение рас», выжила в качестве различных разновидностей антропоидов, которые, в конечном счете, эволюционировали в существующие сегодня расы человека. Разумный и, возможно, неизбежный вывод из имеющихся доказательств состоит в том, что видами, которые выжили и стали людьми, были те, у которых этот инстинкт стал достаточно сильным, чтобы создать более постоянные связи, стаю, сохранявшуюся даже после успешного завершения охоты и поедания добычи, тогда как виды, не сумевшие сформировать постоянные группы – более многочисленные, чем те, которые гориллы создают сегодня – были обречены на исчезновение.

Мы вынуждены предположить, что несколько видов *Homines Erecti*, ставшие предками различных рас, живущих сегодня, обладали таким же уровнем сознания, как и бабуины, и охотились стаями численностью от десяти до двенадцати взрослых самцов. Как и бабуины, они оставались вместе как группа или небольшое племя и общались друг с другом, произнося всевозможные крики и иные звуки, дополненные жестами, опять же, подобно бабуинам. Вероятно, что никакое более крупное объединение особей, чем такая группа, не было возможным в течение многих тысяч лет.

Неандертальцы, которых кроманьонцы мудро – хотя и, без сомнения, инстинктивно – истребили в Европе, как, возможно, и в других местах, в наше время вообще рассматриваются как вымершая раса людей, вероятно, стоявшая еще ниже, чем австралоиды и конгоиды нашего времени, и большинство биологов сегодня включают их в таксономическую категорию, охватывающую несколько рас, которых иронически назвали *homines sapientes* [люди разумные]. Хотя часто предполагается, что неандертальцы формировали более многочисленные группы, чем стаи бабуинов, в действительности, у нас нет никаких доказательств, что они это делали, и то социальное сплочение, которое было у них, должно было быть полностью инстинктивным и подсознательным. И хотя некоторые антропологи нашли новые основания для инакомыслия, большинство полагает, что неандертальцы могли общаться друг с другом посредством очень грубого и примитивного языка, то есть членораздельных звуков определенного значения, в отличие от разнообразных невнятных криков и ворчаний, дополненных жестами, посредством которых бабуины общаются сегодня. Однако крайне маловероятно, что язык неандертальцев мог быть достаточно развит, чтобы позволять делать обобщения или высказывания о прошлом и будущем, а не только о настоящем.

Успех кроманьонцев в охоте на такую огромную дичь как мамонты является достаточным доказательством того, что они должны были проживать вместе в

группах, достаточно многочисленных, чтобы их можно было назвать племенами, и что у них был язык, который склонялся для формирования грамматических времен и таким образом указывал на временные отношения, тем самым делая возможным сознательное планирование и конкретную отсылку на опыт прошлого. Это, в свою очередь, позволяло делать обобщения, являющиеся своего рода грубой классификацией и осознанным пониманием племенного единства, о котором можно было сообщить молодым с помощью устных предписаний и правил, не важно, насколько грубых и элементарных, в итоге формируя то, что антропологи называют культурой.

О том, какие суеверия имелись у кроманьонцев, и какие ритуалы они исполняли, можно лишь строить расплывчатые предположения, однако некоторое размышление может показать, что если у них и была какая-то религия (что, разумеется, вероятно), то она должна была касаться целей племени, таких как успех в охоте, сдерживание эпидемической болезни или вызывание дождя. И религиозные церемонии, которые, возможно, проводились с такими целями, несомненно, были ритуалами, требовавшими участия всего племени или той его части, которой они непосредственно касались, например, всех взрослых мужчин, если речь шла об охоте, или всех женщин, если кроманьонцы просили плодовитости и потомства. Таким образом, ритуал стал подтверждением племенного единства.

Самые ранние религии, о которых мы знаем, являются племенными, и их церемонии – это ритуалы с участием всего племени (кроме детей) или той его части, которой касался этот ритуал (например, всех мужчин возраста воина или всех замужних женщин), или же группы, которая была отобрана с целью исполнения танца или принесения жертвы от имени всего племени. И когда много племен соединялись вместе для формирования небольшого государства, демонстрация единства и общей цели с помощью религиозного единодушия становилась еще более необходимой, что подтверждается фестивалями, в которых, как ожидалось, должен был участвовать каждый гражданин – по крайней мере, он должен был воздержаться от всякой иной деятельности и присутствовать как зритель – и в которых иностранцам, как гостям, так и *метекам* [неполноправным иностранцам], не разрешалось участвовать, и из которых они были в такой степени исключены, что им запрещалось даже просто быть зрителями любой части мероприятий. Сегодня число граждан является настолько большим, что активное участие всех в религиозном ритуале физически невыполнимо, поэтому отбираются сравнительно небольшие группы, действующие от имени всего государства или определенного класса. «*Парфений*» Алкмана, например, был написан для хора девственниц, исполнявших церемонию от имени всех девственных дочерей спартанских граждан с целью добиться для них благосклонности Артемиды. Панафинеи, праздновавшие политическое объединение Аттики, были серией церемоний (одной из которых было чтение стихов Гомера) в честь богини, являвшейся патронессой города, и хотя в гонках на колесницах, музыкальных соревнованиях, хоровых действиях, культовых танцах и в других церемониях принимало участие довольно большое число людей, лишь небольшая часть от общего числа граждан могла принять активное участие в

фестивале, использовавшемся в интересах целого государства, и в последний день, традиционный день рождения Афины, *метекам* даже разрешали присоединиться к великой процессии в качестве сопровождения. В Риме двадцать четыре салия [4] просили для всей страны благосклонности Марса и Квирина, исполняя свой архаичный танец, сопровождаемый унылой литанией на латыни, настолько архаичной, что ее значение было известно лишь в самых общих чертах. А празднество в честь Юпитера на горе Альбан, на котором присутствие обоих консулов было обязательным, отмечало политическое объединение Лация.

Многие из наших неосведомленных современников упускают из виду тот факт, что участие в подобных церемониях, включая простое присутствие на них, было по существу политическим актом, которым граждане подтверждали свое участие в государстве. В действительности, не имело никакого значения, «верил» ли отдельный гражданин в богов, которых во время таких церемоний умиротворяли и почитали: если он не верил в их существование или говорил о них в оскорбительном тоне (кроме как во время самих церемоний), и если боги, к которым относились его слова, замечали это и негодовали на его поведение, то это было делом самих богов (о чем Август должен был напомнить некоторым из своих современников), решить, какие меры против него они считали необходимыми. И не имело значения, были ли эти обряды на самом деле эффективны: важно было то, что люди, которые отказывались в них участвовать, показывали этим свое отчуждение от государства и тем самым, казалось, отказывались от своего гражданства. Если римлянин, являвшийся атеистом, избирался консулом, то его должность обязывала его приносить соответствующие жертвы Юпитеру на Латинских торжествах (*Feriae Latinae*) и председательствовать или же иным образом участвовать в других религиозных обрядах. Вместе с тем, он не чувствовал какой-либо непоследовательности или лицемерия: он исполнял, по сути, политический обряд, для которого религиозная вера была не более необходимой, чем, например, для наблюдения за гонками на колесницах в цирке, что официально также считалось религиозной церемонией.

Эта функция религии имела целью подтвердить политическое единство. И религия сохранила эту функцию практически до нашего времени. Когда единство христианского мира было разрушено Реформацией, и стало ясно, что ни католики, ни протестанты не могли просто истребить противоположную сторону, ранним компромиссом стала доктрина *cuius regio, eius religio* («чья область, того и вера»). Согласившись с тем, что религия правителя должна была быть религией всех его подданных (кроме, конечно же, жидов, которым всегда давали особые привилегии), люди надеялись сохранить единство государства, и это было политической целью, которую могли признать целесообразной даже атеисты. Учреждение англиканской церкви было одним из более удачных применений этого принципа, и с

---

[4] Салии (лат. Salii ← salio «прыгаю, пляшу») — в Древнем Риме жреческая коллегия, состоявшая из 12 жрецов бога Марса и 12 жрецов бога Квирина. Своё название салии получили от военной пляски, совершавшейся ими во время ежегодных празднеств в честь Марса. Также существовала версия о происхождении названия от имени Салия, который якобы научил этой пляске. Салии охраняли двенадцать щитов — анкилов, среди которых один, по легенде, упал с неба, а остальные одиннадцать были точными его копиями. Были также палатинские салии.

политической точки зрения нарушения прав католиков в Англии менее заметны, чем та терпимость, которую они получили. Неправильно было бы отказаться понять позицию Людовика XIV в католической Франции после того, как он стал убежден, что янсенисты (которые, несомненно, всё же были католиками) вносили раскол в политическое единство нации. История о том, что король сначала отказался назначить некоего человека на высокую должность, потому что узнал, что этот человек был янсенистом, однако с радостью назначил его, как только ему сообщили, что этот человек не верил в бога вообще, несомненно, правдива – и она, вероятно, была правдива не только в этом случае. Король, вероятно, вовсе не был заинтересован в том, чтобы богословы таскали друг друга за волосы, и ему вовсе не была нужна жесткая конкуренция между ними, наделавшая тогда много шума, но у него было достаточно здравого смысла, чтобы понять, что назначение атеиста не усиливало фракцию возмутителей политического спокойствия. Если он знал об известном изречении кардинала Дюбуа, что бог – это жупел, которым нужно размахивать, чтобы пугать население и этим заставлять его вести себя хоть сколько-нибудь честно, и – независимо от того, думал ли он о том, что добрый кардинал рисковал посмертными муками – вместе с тем, он понимал, что мнение Дюбуа не умаляло его политической эффективности в поддержании социальной стабильности.

Требование Оксфорда и Кембриджа, до совсем недавних времен обязывавшее приносить клятву верности «Тридцати девяти статьям» Англиканской церкви, было понято совершенно неверно. В течение многих столетий все знали, что многие люди не верили в свои публичные [клятвенные] утверждения, и в обвинении импульсивного сэра Уильяма Гамильтона, что Оксфорд был «школой лжесвидетельства», содержалась некоторая доля истины, однако по своей наивности он так возбудился потому, что не понял, что у этого требования не было фантастической теологической умиротворить бога, в которого не верили многие из приносивших клятву, но требование это имело строго практическую цель отсева фанатиков, эмоционально привязанных к догмам, которые могли разжечь возмущающую спокойствие агитацию из-за вопросов, которые – если и не были полностью иллюзорными – всё же не поддавались рациональному объяснению. Конечно, прискорбно, что такие подростки, как молодой Гиббон, исключались из университета за непослушание, о котором они позже сожалели, а такие умные взрослые как Ньюман развивали эмоциональный энтузиазм и рвение к бесплодным спорам, которое, как считали консерваторы, было намного лучше, чем дарование мятежным фанатикам престижа университетов.

В Соединенных Штатах Бенджамин Франклин, конечно же, не верил ни в какую форму христианского учения, но это не препятствовало тому, чтобы он одобрил – если не вдохновил – конституцию одного штата, требовавшую клясться в вере в Троицу, что практически исключало из политического влияния многих жидов и таких диссидентов как квакеры, которые, например, отказались защищать с оружием в руках общество, привилегиями которого они хотели владеть, и которые были – по крайней мере, пассивно – нарушителями политического единства Пенсильвании. Преследование мормонов, фактически уличающее во лжи

американцев, любящих хвастаться «религиозной свободой», возглавлялось святыми мужами, желавшими искоренить конкуренцию их бизнесу, однако некоторая часть этой истории была вызвана пониманием – вероятно, подсознательным у большинства – что политический консенсус, необходимый для выживания нации, был бы серьезно ослаблен или разрушен, если бы население оказалось расколото на два несовместимых лагеря, один из которых верил, что полигамия [многобрачие] была предписана богом, тогда как другой упорно притворялся, будто бы христианская доктрина запрещала любой вид многобрачия.

Принцип отделения церкви от государства, являвшийся одним из оснований федеральной Конституции, был аннулирован некоторыми штатами и – лицемерно – самим же Федеральным правительством, освободившим от уплаты налогов номинально религиозные организации. На практике же он аннулирован напряженной политической деятельностью фактически всех христианских и иных религиозных сект, которая, конечно же, похвальна, если они агитируют и интригуют за политические цели, одобряемые мной и вами, и омерзительна, когда они используют свою власть, агитируя против них, что может за пять минут доказать любой богослов, зачитав избранные отрывки из Священного писания и лживо умолчав, будто бы противоречащих им отрывков не существуют. На практике отделение церкви от государства оказалось невозможным в Соединенных Штатах. С любой практической точки зрения якобы религиозные организации стали привилегированными политическими организациями, большинство из которых активно занято подрывной деятельностью против той небольшой сплоченности, которой наша нация некогда обладала. Кроме того, они являются заклятыми врагами расы, к которой принадлежим как мы, так и многие из их собственных членов.

Использование религии для выражения культурного единства и политического консенсуса не способно надолго пережить первый опыт терпимости, когда государственная церковь – какой бы она ни была – молчаливо дезавуируется своей неспособностью подавить открыто диссидентские секты. Эта функция религии, некогда самая важная из всех, спустя немногим более одного столетия, оказалась настолько забытой, что некоторые из наших современников удивляются, услышав о ней.

БЕССМЕРТИЕ

Грекам, являвшимся Арийцами, нравилось думать о людях как о разумно мыслящих существах, и поэтому они, насколько это было возможно, пытались вывести социальные явления из деятельности человеческого разума. Критий (дядя Платона) объяснял религию как продуманный метод, изобретенный хорошими умами с целью создания стабильной цивилизации.

Организованное общество стало возможным только благодаря законам, созданным для контроля поведения людей. Но так как от соблюдения законов всегда

могут тайно уклониться люди, скрывающие преступление или свою ответственность за него, то были придуманы боги, бессмертные невидимые существа, которые с помощью экстрасенсорных способностей, не зависящих от зрения или слуха, наблюдают за всеми действиями, словами и мыслями людей. Основатели цивилизации приписывали предполагаемым богам внушающие страх природные явления, молнии и вихри. С помощью этого благородного вымысла они заменили беззаконие законом.

До этого момента Критий просто описывал теологию Гесиода как изобретение номофетов, [5] однако на этом месте доступный нам фрагмент его пьесы заканчивается[6]. Если бы он ее продолжил (и я не утверждаю, что он это сделал), то он бы добавил, что когда люди поняли, что они по-прежнему могли тайно нарушать законы и оставаться безнаказанными, то законодатели усовершенствовали свое изобретение, начав утверждать, что у людей были бессмертные души, и что боги, которые не смогли использовать свои молнии для наказания за преступление в этом мире, непременно ужасно покарают виновного и заслуженно вознаградят невинного уже после его смерти. Так они поместили свой цивилизующий вымысел за грань возможности проверки или опровержения и обеспечили сверхъестественные санкции, чтобы поддерживать свои законы и испугом заставлять народ оставаться честным.

Вне зависимости от того, довел ли Критий свою аргументацию до ее логического завершения или нет, очевидно, что эффективное использование религии как политического инструмента для внедрения в жизнь этики потребовало доктрины, обещающей людям после смерти правосудие, которое боги не смогли свершить в этом мире. Сегодня такое объединение идей считается банальным и настолько само собой разумеющимся, что наши современники часто считают, что религия – причем любая и каждая – должна, прежде всего, касаться раздачи соответствующих наград и наказаний в загробной жизни. Однако это представление было потрясающим и революционным, когда оно дошло до греков в шестом столетии до нашей эры.

Идея о том, что личность человека не полностью погибает, когда умирает сам человек, является, конечно же, очень древней, и она может быть даже старше, чем вера в существование богов. Ее самой древней и самой элементарной формой, которая по-прежнему живет в нашем подсознании, является предположение, что что-то от умершего человека переживает его самого и продолжает жить в его могиле. Лишь позже люди пришли к вере в то, что дух покойника уходит в царство мертвых, расположенном либо под землей, либо, что более поэтично, на западе, по ту сторону заката. Вместе с тем, мертвые были фантомами, бестелесными тенями, навечно обреченными на призрачное существование и оплакивание жизни, которую

---

[5] Номофеты - законодательная комиссия в древних Афинах.

[6] Это цитируется у Секста Эмпирика, Adv.math, IX.55 (= In phys, L 54). Хороший английский перевод Р. Г. Бьюри можно найти в томе III издания Секста Эмпирика в знаменитой Библиотеке Лёба.

они некогда знали и которую никогда не смогут узнать снова. Когда в знаменитой «*Некийе*» Улисс приплыл за пределы Океана к не знающей солнца земле, покрытой туманом и вечными сумерками, он обнаружил лишь неуловимые привидения, остававшиеся безмолвными до тех пор, пока он не позволил им напиться крови недавно убитых овец. [«Там страна и город мужей коммерийских. Всегдашний сумрак там и туман. Никогда светоносное солнце не освещает лучами людей, населяющих край тот, землю ль оно покидает, вступая на звездное небо, или спускается с неба, к земле направляясь обратно». Одиссея, Песнь 11.] И даже Ахиллес, хоть он и был полубогом и сыном богини, стал лишь тенью во мраке, тревожно осознающей, что лучше быть самым жалким и самым несчастным рабом среди живых, чем царем всех мертвых.

Таково было бессмертие, которого могли ожидать герои Троянской войны – бессмертие, в сравнении с которым полное уничтожение было бы благом. И мы можем не без оснований спросить, хватило ли бы сегодня у кого-то из нас храбрости посмотреть в лицо такому будущему, не говоря уже об удивительной силе сделать выбор, как Ахиллес, и умереть молодым с честью, а не прожить долгую посредственную жизнь.

Легко увидеть, почему обещание комфорта после смерти очаровало умы людей и сделало их преданными религиям, обещавшим этот комфорт в качестве награды за соблюдение морального кодекса общества. Однако у способа, которым могло быть получено такое бессмертие, были две крайне различные концепции. Если, как предполагала эсхатология [7] Гомера, наша жизнь на земле – единственная, то даже самый праведный человек мог быть спасен от общей судьбы человечества лишь какой-то особенной и удивительной милостью богов, способных передать ему нечто вроде магической силы. Если же, с другой стороны, мы предположим, что мертвые продолжают жить благодаря метемпсихозу [переселению душ], то мы можем выстроить эсхатологию вроде той, что знакома нам из учения индусов о карме, предположив, что когда человек умирает, искра его жизни входит в другое тело, и таким образом он вечно перевоплощается снова и снова, будучи обреченным – сам того не зная – бесконечно повторять перипетии и печали жизни, которую мы знаем, если только он своим образцовым моральным поведением не найдет какой-то способ вырваться из «печального цикла перерождений» и таким образом достигнуть блаженного существования в находящемся вне этого мира царстве постоянного счастья.

Первая из этих альтернативных теорий была принята многочисленными античными культами мистерий – Элевсинских, Самофракийских, Анданийских и других.

Несмотря на клятву хранить тайну, которую посвященные давали и никогда сознательно не нарушали, мы знаем, что *мисты*, кандидаты на Спасение, не должны

---

[7] Эсхатология - учение о конце света, о конечной судьбе мира и человека.

были быть виновными в грубых нарушениях господствующего морального кодекса, что они подвергались длительной инициации в божественные тайны жрецами (профессиональными святыми мужами, руководившими мероприятиями), и, в конечном счете, «рождались заново» благодаря милости какого-нибудь бога, обычно того, который сам испытал смертность, будучи убитым и воскресшим. Будучи таким образом Спасенным, *мист*, иногда спустя год после своей первой инициации, становился *эпоптом*, видящим бога (или богиню) и испытывающим *энтузиазм* (который, как мы должны помнить, был состоянием иррациональности и восторга, наступавшим, когда смертный становился буквально одержим богом). И хотя подобные галлюцинации часто сопровождают психотические состояния, которые, в свою очередь, могут быть вызваны чрезвычайным аскетизмом или перевозбуждением воображения, количество очевидно разумных людей, которые были приобщены к различным мистериям, является доказательством того, что иерофанты [верховные жрецы], должно быть, использовали галлюциногенные наркотики с целью вызвать временное помешательство.

Арийцы по своей природе относятся с подозрением к энтузиазму и другой подобной иррациональности, и многие из них, естественно, предпочли альтернативу.

Самая разумная и самая красивая доктрина бессмертия, которую я встречал, была описана в несравненном стихе Второй олимпийской оды Пиндара, сочиненной и декламированной в Сицилии вскоре после 476 года до нашей эры. Когда человек проходил три или шесть [8] последовательных смертных жизней, в которых он поступал исключительно праведно во всех своих действиях и жил честно и высокоморально, он освобождался от циклов перевоплощения и выходил за пределы смертности: он проходил за Башню Кроноса в прекрасное царство, куда нельзя попасть по морю или по суше, где мягкое солнце всегда стоит в весеннем равноденствии, а тихие ветры от спокойного океана всегда дуют над полями асфоделя. [9] Если вы прочтете Пиндара, то вы сочтете все другие варианты Рая невыносимо вульгарными. Говорить о них было бы пустой тратой времени.

Выше мы говорили о греческих концепциях, поэтому мы должны отметить, что они, как и наши расовые родственники, скандинавы, не представляли себе какой-то Элизий.[10] [11] Идея метемпсихоза была известна, и некоторые люди

---

[8] Три или шесть зависит от значения греческих слов *****, которых я не знаю. У каждого из комментаторов есть своя версия того, что имел в виду Пиндар, как и у меня, но фактом является то, что ни один из нас не может знать детали доктрины, по-видимому, «орфической», которую Пиндар и Ферон Агригентский считали само собой разумеющейся.

[9] Асфодель - род растений семейства лилейных.

[10] Я знаю, что рай упомянут в описании похорон у Ибн Фадлана, свидетелем которых он был, когда торговал с русами на Волге, но если этот араб рассказал правду и правильно понял своего переводчика, то вера, вроде церемонии, которую он наблюдал, должно быть, была исключением. [Или же русы Ибн Фадлана были не скандинавами, как «знают» все на Западе, а славянами, и верования славян отличались от верований скандинавов.]

полагали, что человек будет рождаться заново как свой собственный внук или правнук, но такое мнение не вызывало общего согласия. Короткий пассаж в «Речах Высокого» (*Hávamál*) подразумевает, что смерть – это уничтожение, однако такого взгляда придерживались немногие. Дух мертвеца, как полагали, оставался в его могиле или же уходил к Хель [богине загробного мира], где все были равны в жалком убожестве, хотя имеется одно упоминание о еще более ужасном местожительстве (Нифхельм) для по-настоящему плохих людей. Возможно, самым оптимистическим представлением было то, что храбрые мужчины, погибающие в сражении, попадают в чертоги Одина, Валхаллу, где они будут пировать и сражаться до тех пор, пока для них и для самих богов не настанет время погибнуть в окончательной катастрофе – «сумерках богов» (Рагнарёк).

МНОГОБОЖИЕ

Если боги существуют, то многобожие (политеизм) – это самая разумная форма религии, потому как оно наиболее близко соответствует реалиям природы и не создает почти неразрешимую проблему построения убедительной теодицеи. [12]

Политеизм предполагает существование многочисленных богов, каждый из которых является, по существу, персонификацией какой-то силы природы и в своих отношениях со смертными может действовать в собственной сфере независимо от других богов. Боги считаются бессмертными сверхлюдьми (*Übermenschen*), формирующими, если можно так выразиться, аристократию, находящуюся на недоступной для смертных высоте, но обладающую человеческим характером и эмоциями, так что их действия легко постижимы и не требуют теологических тайн, поэтому естественно представлять их как антропоморфных (человекоподобных) существ, как телом, так и сознанием, чтобы вера в них не создавала парадокса, присущего религиям, пытающимся вообразить богов, не похожих на мужчин и женщин.

Члены божественной аристократии бессмертны, они намного более могущественны и влиятельны, чем смертные, однако даже они не являются всемогущими. Как и во всех аристократиях, боги не равны – одни из них более могущественные и видные, чем другие, и у них есть глава, имеющий определенную власть над ними, однако и сам он связан общественным кодексом теологии. Юпитер / Зевс представляется как *Pater hominum divomque* [*«Отец мужчин и женщин»*], а Одина называют «Альфадер», но, среди великих богов, как олимпийцев, так и асов, их руководитель – всего лишь *primus inter pares*, «первый среди равных». И хотя он сильнее любого другого бога, его власть ограничена политическими реалиями и в действительности зависит от добровольной преданности его сверстников. В Илиаде ясно говорится, что Зевс благоволит троянцам и желает, чтобы они победили греков,

---

[11] Элизий – в античной мифологии – поле на западном конце земли или острова, где живут легко и в блаженстве бессмертные герои.

[12] Теодицея («богооправдание») – попытка примирить существование зла и несовершенства в мире с благостью, всемогуществом и правосудием Творца.

и некоторые из других богов также разделяют его чувства, но он и его сочувствующие не способны подавить действия богов, которые неравнодушны к грекам, и, в конце концов, конечно же, именно греки одерживают победу.

Каждый из великих богов имеет власть над какой-то силой природы, приводит ее в движение и может управлять ею, чтобы помогать или причинять вред смертным, которые ему понравились или оскорбили его, но в арийских религиях – и это является самым важным – даже все боги вместе взятые не являются всемогущими. Они живут во вселенной, которую они не создавали: один гимн в Ригведе однозначно заявляет, что «боги старше, чем создание мира», и в последующих строках автор задается вопросом, был ли мир создан тогда, когда была придана форма тому, что было «пустым и бесформенным», и была ли творящая сила, если таковая существовала, сознательной или бессознательной. Поэтому боги, хотя они и управляют такими природными явлениями как ветры, молнии и даже сексуальная привлекательность, сами также подчиняются вселенским законам природы, подобно тому, как среди людей правители имеют власть над своими подданными и вместе с тем сами подчиняются законам природы. Греки и скандинавы со своим мифопоэтическим воображением и трехсоставной модальностью нашего расового сознания персонифицировали судьбу как трех женщин, которых называли мойрами / парками / норнами. [13] Но их реальная вера была верой в обезличенную, непреклонную, беспристрастную, автоматическую силу, которая была изначально присуща самой структуре вселенной и которую никакой бог не мог изменить или отклонить: Moros, Fatum, Wyrd, [14] т.е. Рок или Судьба. От той причинной связи не было никакого спасения: за капризными богами с их удивительными способностями существует суровая связь причины и следствия, которая и является действительностью.

Боги, по существу, являются персонификацией сил природы, и, подобно этим силам, они не являются ни добрыми, ни злыми, но действуют с полным безразличием к удобствам и пожеланиям смертных, за исключением особых случаев, когда какой-то смертный заслужил расположение бога или вызвал его недовольство. Доброжелательность или враждебность одного бога к конкретному смертному не влияют на его коллег: они останутся безразличными или же, если у них появится на то причина, помогут тому же человеку. Это дает нам довольно разумную концепцию человеческой жизни, в которой, как мы знаем, человеку, которому «везет» в картах, может «не везти» в любви, в морских путешествиях и в битвах. Религиозная концепция, хотя она и допускает чудеса, то есть вмешательство сверхъестественных существ в природные явления, не полностью скрывает реалии вселенной, которая не была создана для человека. Боги – это не просто объяснение природных явлений, причины которых еще не были установлены: концепции их характеров, за исключением нескольких причудливых мифов, действительно изображены вполне рационально, хотя идеалисты, такие как Платон, часто упускают суть.

---

[13] Три богини судьбы соответственно у греков, римлян и германцев.
[14] «Рок» у греков, римлян и германцев.

Люди всегда создают своих богов по собственному подобию, и боги, хоть они и наделены сверхъестественными способностями, в своем сознании и морали остаются людьми. Идеалисты хнычут о «безнравственности» богов и хотят чего-то лучшего, то есть чего-то еще более фантастического и невероятного. Один – бог войны и аристократии, которая имела относительно высокий кодекс чести, и одновременно с этим Один коварен, поскольку, как это знают его почитатели, победа в сражении зависит меньше от чисто неистовой храбрости, чем от стратегии, являющейся просто искусством обмана врага. Один коварен, он опускается ниже морального кодекса своих почитателей, потому что очевидным фактом является то, что предательство часто способствует победе, а последнюю дарует именно Один. Это, несомненно, прискорбно, и мы можем желать нравственно превзойти наших богов, однако если мы станем утверждать, что Один не является вероломным, то мы будем абсурдно отрицать тот факт, что в этом мире измена зачастую настолько успешна, что никто не смеет называть ее таковой.

Венеру застигли за супружеской изменой с Марсом. Благородные жены не станут подражать богине, которой они молятся, но это факт, без сомнения, прискорбный, что Елена и Парис [15] – отнюдь не единственный пример супружеской измены в этом мире. Печально известно, что неудовлетворенные жены склонны испытывать особенно сильное влечение к мужчинам с военным мастерством и отличием. Без сомнения, со стороны Венеры было неправильно внушать Елене любовь и вожделение к Парису, однако печальным фактом является то, что в нашем мире сила сексуальной привлекательности очень часто игнорирует как мораль, так и благоразумие. Действительно, бывает так, что красивые женщины, даже если они замужем, оказываются желанны и привлекательны для красивых молодых мужчин, а также бывает и так, что молодые люди вовлекаются в любовные связи, которые в обществах, еще не полностью отменивших сексуальную мораль, навлекают беды на себя и свои семьи. Если мы будем представлять себе Венеру идеально целомудренной, то мы будем лгать самим себе о силе сексуальной привлекательности в том реальном мире, в котором мы живем.

Древние Арийцы часто размышляли над самими собой, и мы, несмотря на максимальные усилия здравомыслящих психологов, обнаруживаем «в человеке самый темный туман из всех» и признаем, что «мы – знатоки, которые ничего не знают о самих себе». Каждый автор согласится, что в любом творческом процессе, вроде написания стихов, его лучшие мысли обычно необъяснимым образом приходят в его сознание по воле «вдохновения». Ученые и математики признаются, что они «внезапно увидели» решение проблемы, которая долго не поддавалась их самым систематическим стремлениям решить ее. Люди действия, включая

---

[15] Парис - троянский царевич, сын Приама и Гекубы. Назначенный богами решить, кто из трех богинь - Геры, Афины и Афродиты - должен получить приз за красоту, он присудил его Афродите, которая пообещала ему самую красивую женщину в мире - Елену, жену Менелая, царя Спарты. Он похитил Елену, что привело к Троянской войне, в которой он убил Ахилла, но сам также был убит..

победоносных генералов, рассказывали, как они руководствовались «догадкой» или «инстинктивно чувствовали», какая альтернатива была лучшей из тех, из которых сознательное планирование не позволяло им сделать выбор. У процессов строго логического рассуждения на основе установленных данных имеются свои ограничения, и правильные решения часто принимаются интуитивными импульсами, которые мы сегодня приписываем подсознанию, не имея возможности точно их объяснить. В многобожии мысли, которые приходят человеку в голову из какого-то внешнего источника, являются идеями, внедренными в его сознание каким-то богом. Когда Ахиллес остановил свою руку, поднявшую меч на Агамемнона, он был слишком рассержен, чтобы осознавать, что этим своим действием он ускорит непоправимый раскол внутри армии, который лишит греков шансов на победу, но его остановил импульс: Афина Паллада, богиня разумной деятельности, схватила его за светлые волосы и сдержала его порыв, и, будучи невидимой для всех, кроме него, беззвучно сказала ему, что он не должен прибегать к насилию над командующим войска. Разумеется, боги в своих собственных интересах могут обманывать, поскольку «догадки» часто вводят в заблуждение, и у Агамемнона не раз будет повод пожаловаться на Зевса, обманувшего его «вдохновением», заставившим его совершить ошибку. Такая психология может показаться примитивной, но она выигрывает в сравнении с некоторыми «научными» суевериями, которые сегодня в моде.

Можно много сказать в поддержку многобожия, особенно в Арийских религиях. Существует очень много богов – бесчисленно много, если мы посчитаем разные незначительные и местные божества, например, то, которое контролирует данный конкретный фонтан и заставляет его литься сейчас, но лишь сочиться в другое время, или же то, которое живет в реке и заставляет реку выходить из берегов или съеживаться до скромного ручья, или же дух девственного леса, вселяющий страх или панику во впечатлительного путешественника. Даже главные боги слишком многочисленны, чтобы их всех можно было сосчитать в равной мере и не оскорбить некоторых из них пренебрежением. Арийские народы, с их трехсоставным мышлением, могли выбрать себе троицу богов как достойных особых почестей за их функции, таких как архаичные и Капитолийские триады в Риме, или же триаду богов, которые вместе населяли большой скандинавский храм в Упсале – трех специалистов, которые могли позаботиться о большинстве человеческих потребностей. Если почитатель желал успеха на войне, он, естественно, обращался к Одину; если его беспокоили погода и зависящий от нее урожай, он, конечно же, поворачивался к Тору; а если его проблема была сексуальной, то в этом ему должен был помочь Фрейр.

Города естественным образом выбирали бога или богиню как своего особого покровителя, как центральный элемент своих городских культов, понимая, что в таких случаях учтивость среди бессмертных устраняла ревность. Афина Паллада была покровительницей Афин, и хотя Посейдон надеялся быть выбранным вместо нее, он не препятствовал тому, чтобы Афины стали талассократией [государством, доминирующим на море], равно как и Афина не была оскорблена щедрыми

обрядами в честь Деметры и Диониса. Другие города выбирали себе других богов-опекунов.

Благодарность от почитателей, чьи мольбы оказались удовлетворены, и порой гражданская гордость городов, имевших свое местное божество, часто приводили к гиперболе, на которую другие боги из вежливости не обращали внимания. Несколько минут работы с обширными собраниями надписей позволят любому составить удивительный список богов, включая даже таких, как Осогоа (Осого), покровителя небольшого и идущего к упадку города Милясы. Все эти боги с энтузиазмом описаны на греческом или латыни как *maximus deorum* [«Самые великие из богов»], и когда скандинавы приветствовали одного из своих богов как «самого величественного» (*arwurðost*), они были охвачены такой же экстравагантной эмоцией. Набожные мужчины и женщины, доходящие до гипербол из-за того, что бог услышал их молитвы и создал для них какое-то чудо, не более лицемерны, чем вы сами, когда вам действительно понравился обед, и когда вы говорите хозяйке, что это было самое лучшее, что вы когда-либо ели. Все понимают такие вещи, и ни один бог не чувствует пренебрежения к себе, когда верующий отворачивается от него, «величайшего из богов», и обращается к другому, когда хочет получить что-то, что находится в ведении другого бога.

Эта тенденция, однако, может привести людей и даже целые племена к странной трансформации многобожия, когда они, без малейшего сомнения относительно существования и силы других богов, решают сконцентрировать свое почитание на одном из них. В отдельных людях это известно как монолатрия, [16] и Еврипид в своем «*Ипполите*» описал опасности, которые несет эта тенденция к излишнему пренебрежению другими божествами, представляющими силы природы: Ипполит польстил деве Артемиде, но своим пренебрежением рассердил Афродиту. Такая неосмотрительность была очень редка в античном мире: естественно, можно было демонстрировать особую преданность богу, который был особенно благотворным, однако было очень опрометчиво складывать все сверхъестественные яйца в одну корзину. Такая практика была более распространена среди скандинавов, многие из которых выбирали какого-то бога как своего *fulltrúl* [представителя] и поручали ему заботу обо всех своих интересах, игнорируя тем самым разделение труда среди богов.

Я упоминаю эту редкую причуду лишь в качестве контраста к чрезвычайно неарийской форме многобожия – иудаизму, описанному в том, что христиане называют «Ветхим Заветом». Жиды выбрали себе бога Яхве, который изначально довольствовался тем, что у него не было конкурентов в храме, которым бы поклонялись в его присутствии («предо мной», «*coram me*»). Но, в конечном счете, он потребовал исключительного почитания и заключил договор с этим племенем, чтобы помочь им во всех их начинаниях, если они будут соблюдать все его табу и отдавать ему в качестве жертвоприношения долю от прибыли. Согласно «Ветхому

---

[16] То же что генотеизм - вера во множество богов с одним богом-лидером.

Завету», семитский бог, выбранный таким образом для разновидности религии, которую называют генотеизмом[17], смог убить богов других народов, которых жиды хотели эксплуатировать, таких как Дагон, которого Яхве искалечил и обезглавил ночью, когда никто этого не видел.

Подобный генотеизм совершенно чужд Арийскому уму, который отвергает фанатизм и святую свирепость как проявления дикости и, естественно, не приписывает своим богам подобную ревность и злонамеренность.

[17] Генотеизм – одна из форм политеизма, признающая многих богов с выделением главного среди них.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ:
ЕДИНОБОЖИЕ

Единобожие (монотеизм) – довольно необычная форма религии, создающая трудности даже для самых ловких ее богословов. Если это теизм[18], то его бог должен быть сверхчеловеческой личностью, обладающей сознанием и доступной для своих верующих. Тогда религии, постулирующие обезличенную силу, такую как античный фатум или безличный (среднего рода) Брахма индусов как высшую силу во вселенной, исключаются, как и все формы пантеизма, предполагающие, что вся вселенная – это живое, но не обладающее сознанием единое существо, которое, строго говоря, нельзя назвать богом. И если теизм – моно, то бог должен быть наивысшим и поэтому всемогущим, хотя он и не обязан быть единственным сверхъестественным существом во вселенной. Людям не легко представить себе бога-отшельника, поэтому жизнеспособное единобожие предполагает бога, действительно являющегося абсолютным хозяином, но имеющего свою свиту партнеров, компаньонов и слуг, которые повинуются ему и выполняют его приказы. Однако он должен быть высшим: все другие боги должны считаться его агентами, и никакой другой бог не может быть представлен как его конкурент и враг. Это, конечно же, исключает христианство на протяжении большей части своей истории и в том виде, в каком оно описано в своей Священной книге, предоставляющей христианскому богу бога-конкурента, Сатану, и предполагающей, что эти два бога постоянно борются за власть, хотя и предсказано, что один из них, в конечном счете, одержит победу. В сравнительно недавние годы духовенство большинства христианских сект объединилось в стремлении уничтожить дьявола с целью сделать свою религию единобожием, и выдающийся католический богослов отец Жак Тюрмель жаловался в труде, переизданном в английском переводе под псевдонимом Луи Куланж, что «Сатана... теперь походит на Сына Человеческого, о котором Евангелие говорит нам, что Он нигде не мог преклонить голову». Но пока христианство предполагало существование бога и антибога, оно являлось дитеизмом (двоебожием) – но это лишь при условии, что его троичный бог считался единым, и что антибог являлся сувереном всех других богов, таких как Юпитер, Аполлон, Венера и Дионис, и на такое заявление не вполне могли решиться некоторые из ранних отцов церкви.

Изобретение единобожия обычно приписывается Эхнатону (Акх-эн-Атону, Akh-en-Aton), безобразному, извращенному и полубезумному царю, который правил Египтом (и почти уничтожил его) примерно с 1369 по 1354 год до нашей эры, и который не мог быть достойным своей прекрасной жены Нефертити. Позже он так ее возненавидел, что стер ее имя с их общих памятников. Его изображения показывают, что он страдал от какой-то болезни или уродства, что произвело чрезвычайно раздутый живот и тяжелые бедра, находившиеся в болезненном контрасте с его астеническими конечностями и туловищем. Эхнатон был

---

[18] Теизм - учение, исходящее из понимания и признания Бога как абсолютной личности, стоящей над миром и человеком, и рассматривающее мир как осуществление промысла Божия.

полукровкой. Его бабушка была белокурой Арийкой, возможно, нордической принцессой, череп и волосы которой свидетельствуют о ее расе. Черты его отца могут демонстрировать некоторую примесь семитской крови; раса его круглолицей матери сомнительна: она, возможно, имела одну восьмую или даже одну четвертую часть негритянской крови. А его собственные выпирающие негроидные губы свидетельствует о значительном присутствии черной инфекции в его крови, в то время как его имеющая странную форму челюсть говорит о каком-то конфликте несовместимых генов. Ум, столь расщепленный внутри себя генетически, должен был соответствовать деформации его тела. С полной уверенностью можно сказать, что он почитал Атона, солнечный диск, как высшего бога, и мы должны допустить, что солнцепоклонничество – это довольно рациональное единобожие, так как солнце – очевидно, является источником всей жизни на земле. Признавал ли этот царь существование других и подчиненных высшему богу богов – это вопрос, по которому египтологи не пришли к единому мнению, но этот вопрос, как уже было указано выше, не является особенно важным для претензий Эхнатона на статус первого монотеиста. Существует большая неопределенность относительно того, не следует ли приписать это религиозное новшество его отцу Аменхотепу III, с которым он, возможно, правил совместно в течение нескольких лет.

Религия Эхнатона, ради которой он потряс Египет и лишился своей империи, должно быть, была хорошо известна его современникам-Арийцам на Крите и на микенских территориях в других местах, но нет никаких признаков того, что они были хоть в малейшей степени впечатлены его единобожием. Некоторые предполагали, что через него эта традиция, возможно, дошла до древних жидов, которые, однако, проявили тенденцию к единобожию лишь более тысячи лет спустя, когда перед ними имелся сильно отличающийся набор моделей для подражания.

Первым Арийцем, известным как монотеист, был Ксенофан (родился прим. в 570 до н.э., умер прим. в 470). Он, конечно же, отбросил в сторону антропоморфных богов многобожия, утверждая, что существует лишь один бог – сферический, потому что это идеальная форма, вечная и неизменная; но нам также говорят, что бог был бесконечной сферой, идентичной со вселенной. Но действительно ли вселенная обладала разумом, и могли ли люди, которые, как полагал Ксенофан, были продуктами своего рода химической реакции между землей и водой, молиться бесконечно огромному существу, бесконечно малой частью которого они сами являлись? Нет никаких доказательств, что Ксенофан считал, что они могли вести себя так, и я не вижу, как можно было предполагать, что человек сумел привлечь к себе внимание вселенной. Даже предположив, что Ксенофан думал о вселенной как о живом существе (которое, конечно же, не неизменно), можем ли мы представить себе одну клетку в нашем теле молящейся нам самим? Мое предположение состоит в том, что то, что называли «единственным истинным единобожием, которое когда-либо существовало в мире», было, строго говоря, атеизмом[19]. Если нет никаких

---

[19] Ксенофан известен только из кратких цитат, пересказов и намеков у более поздних авторов, и ведутся бесконечные споры о множестве вопросов; он был джентльменом и поэтом, писавшим застольные песни с обычными отсылками на богов, к которым некоторые решительные теисты

богов, которых люди могут попросить вмешаться в человеческие дела, то это просто неправильное использование терминологии, когда безличную, непреклонную и беспристрастную силу называют «богом». Ксенофан был, конечно же, одним из великих людей, которыми наша раса может по праву гордиться, но я не вижу, как можно корректно называть его монотеистом, хотя он, возможно, и повлиял на более поздних греков, чтобы те приняли единобожие.

Распространение стоицизма в греко-римском мире – одно из самых примечательных явлений истории. Многие обратили внимание на парадокс, что семит, финикийский купец, занимавшийся экспортной торговлей, который прибыл в Афины по коммерческим делам и случайно посетил лекции одного из философов-киников[20], и который не мог говорить на грамматически правильном греческом языке, сумел выдать самого себя за философа, и, несмотря на свои характерные иностранные черты и язык, привлек к себе большое количество последователей-греков. Есть и еще больший парадокс: та доктрина, которая вдохновляла подрывную агитацию и революционные бунты, и которую Роберт фон Пёльман идентифицировал как древний коммунизм, должна была стать философией самых консервативных римлян. Первый парадокс может быть объяснен тем фактом, что, когда Зенон прибыл в Афины во второй половине четвертого столетия до нашей эры, Греция находилась в состоянии длительного экономического кризиса и была культурно деморализована, и многие из граждан чувствовали болезненное влечение к экзотическому и иностранному, которое в наше время принесло известность и признание «высокодуховным» русским и индуистским свами[21]. Что касается второго парадокса, то преемники Зенона настолько изменили его доктрину, что Панетий, грек из Родоса, смог преобразовать ее в философию, ставшую привлекательной для римских умов[22].

На протяжении нескольких столетий стоицизм стал доминирующей философией образованных людей в греко-римском мире по четырем основным причинам.

отнесутся серьезно. Безусловно, лучшая критика и обобщение доказательств, известных мне, содержатся в первом томе У. К. Ч. Гатри «История греческой философии» (W. K. C. Guthrie, History of Greek Philosophy, Кембриджский университет, 1962).

[20] Киники - представители философской школы, основанной Антисфеном в Древней Греции в IV в. до н.э., выдвинувшей идеал безграничной духовной свободы личности как противовес нормам общественной морали и религиозным культам.

[21] Свами – в индуизме – религиозный учитель мужского пола.

[22] Мне не требуется пояснять, что здесь я делаю обобщения, которые считаю правильными, о доктрине, имевшей длинную и сложную историю, и которая представлена очень многими авторами и учителями, вводившими в это учение различные изменения, конечно же, с бесконечными спорами. Наиболее полное и систематическое исследование стоицизма содержится в книге на немецком языке: Макс Поленц, «Стоицизм» (Max Pohlenz, Die Stoa, Гёттинген, 2 тома, 1948). Небольшая книга профессора Эдвина Бивена «Стоики и скептики» (Edwyn Bevan, Stoics and Sceptics, Лондон, 1913) также может быть прочитана с удовольствием и пользой.

1. Стоицизм утверждал, что основывался исключительно на наблюдаемых фактах материального мира, «следовал за природой» и отвергал все суеверия о сверхъестественном. Это требование подкреплялось исследованиями природных явлений, таких как причины течений, предпринятыми несколькими видными стоиками.

2. Требование быть основанным строго на разуме, без уступок религиозной мистике, и это требование подкреплялось очень тщательно продуманной системой логики и диалектики, в которой каждое суждение могло быть непогрешимо выведено из наблюдаемых явлений. Это обеспечивало полную уверенность и удовлетворяло умы, не удовлетворявшиеся просто высокой степенью вероятности, то есть тем результатом, которого нам позволяют достичь эпистемологические ограничения.

3. Стоицизм обеспечивал социальную стабильность, гарантируя основы принятого кодекса этики и клеймя любое пренебрежение кодексом как иррациональное и неестественное.

4. Самым важным для римского ума было то, что стоицизм (после его пересмотра Панетием) был единственной философией, которая поощряла и даже приказывала мужчинам принимать активное участие в политической жизни и посвящать себя служению государству и нации. Патриотизм и этика, создающие великих государственных деятелей и полководцев, осуждались некоторыми другими философскими системами, особенно киренаиками, киниками и эпикурейцами. И они фактически игнорировались Новой Академией, предвосхитившей методологию современной науки и представлявшей собой интеллектуальный апогей греко-римской цивилизации, но требовавшей рационализма и холодной объективности, на которую способны только лучшие умы. Всякий, кто прочел «*De natura deorum*» Цицерона, вспомнит свое удивление при виде того, как Цицерон в самом последнем параграфе высказывается в пользу позиции стоиков, хотя сам Цицерон был Академиком и не мог не видеть, какой из аргументов, которые он резюмировал, был самым разумным. В этом последнем предложении политик заставил философа замолчать из-за *raison d'état* [из-за государственных соображений].

Стоицизм, охвативший большинство образованных и влиятельных людей ко времени Марка Аврелия – периоду сумерек человеческого разума, – был философией, а не религией. У него не было никаких мистерий, откровений, евангелий, храмов, жрецов, ритуалов, церемоний и богослужения. Но вместе с тем, эта чрезвычайно «респектабельная» доктрина, распространившая свое влияние на широкие массы, была единобожием.

Стоики утверждали, что вселенная (которой, как вы помните, для них была Земля с ее атрибутами: Солнцем, Луной и звездами, кружившимися вокруг нее), была единственным живым организмом, у которого Бог был мозгом, «духом мира»

– *Animus mundi*. Этот космический разум предопределял и управлял всем, что происходило, так что Судьба, связь причины и следствия (*heimarmene*), фактически считалась божественным провидением (*pronoia*). Этот *Animus mundi*, которого они обычно называли Зевсом, и которого некоторые из них располагали на солнце, обладал сознанием и имел мысли и цели, непостижимые для людей, которые могли лишь приспосабливаться к ним. Их Зевс, который, конечно же, не был антропоморфным, был наивысшим богом и, возможно, единственным. Немногие, однако, были готовы отвергнуть компромисс с распространенными религиями, и они, соответственно, допускали вероятное сосуществование популярных богов как подчиненных Зевса, некий «орден» живых существ, стоявших выше людей и более или менее антропоморфных, которые также были частями Божественного Плана. Соответственно, они объясняли широко распространенные верования и популярные мифы как аллегории, меняя смысл слов и манипулируя идеями с софистской изобретательностью, которая сделала их опытными богословами. Пойдя на такую уступку государственным культам и народным суевериям, стоики настаивали на способности мудреца постичь то, что различные боги, кажущиеся населению реальными, в действительности все являются лишь различными аспектами одного *Animus mundi*, и что на самом деле существует только Один Бог.

Клеанф, ученик и преемник Зенона в Афинах, известен в первую очередь красноречивой молитвой, обычно называемой гимном, адресованной Одному Богу, которая начинается со слов «Веди меня, о, Зевс!» После слов о величии Вселенского разума он уверяет Зевса, что будет охотно следовать туда, куда бог укажет ему путь и куда поведет его. Но он добавляет, что даже если бы он того не желал, это не имело бы никакого значения, поскольку он был бы вынужден следовать по этому пути. Это, конечно же, просто часто цитируемая строка Сенеки, *Ducunt volentem fata, nolentem trahunt* («желающего судьба ведёт, нежелающего — тащит»), которой, между прочим, Шпенглер уместным образом закончил свой «Закат Европы».

В этом содержится превосходный смысл, поскольку мы признаем в судьбе (*fata*) непреклонную связь причины и следствия в реальном мире. Однако нас озадачивает то, что это обращение адресовано богу, который якобы может услышать молитву, но при этом нас уверяют, что Божественное провидение настолько неизменно установило последовательность событий, что раз уж они предопределены, то так или иначе они всё равно произойдут. Разумный человек немедленно спросит: зачем тогда молиться, если молитва не имеет никакого значения?

У стоиков есть ответ. Добро и зло, боль и удовольствие находятся лишь в сознании человека, поэтому имеет значение именно ваше отношение к событиям: было бы неправильно и бесполезно сопротивляться Божественному Плану, независимо от того, что именно он предопределил для вас. Единственная важная задача состоит в том, чтобы сохранить свою моральную честность, и пока вам это удается, у событий нет никакой власти над вами. Они даже заявляли, что мудрец, ощущающий свою моральную чистоту, был бы совершенно счастлив, даже если бы

его варили в кипящем масле. Насколько мне известно, это суждение никогда не проверялось опытным путем, хотя умные люди, должно быть, часто думали, что это был бы интересный эксперимент: засунуть Хрисиппа или какого-нибудь другого видного стоика в котел, чтобы узнать, изменит ли кипящее масло его мнение.

Стоики утверждали, что так как все вещи происходят «в соответствии с Природой», то есть провидением, то в мире не может быть никакого зла или несправедливости. С целью доказать этот парадокс, они должны были выработать различные аргументы, обычно упаковываемые в длинную последовательность с виду логических суждений, приправленных бесконечно запутанными определениями, некоторые из которых были просто словесным обманом, остававшимся незамеченным в ходе долгих разглагольствований. Самым правдоподобным суждением было то, что, вне зависимости от того, что кажется нам несправедливым или неправильным, это лишь часть целого, которого мы не видим. Это утверждение можно упрощенно объяснить аналогией, что легкие или печень, рассматриваемые сами по себе, уродливы, но в то же время они являются необходимыми частями красивой женщины.

Таким образом стоики выстроили теодицею, которая им самим казалась удовлетворительной. Они, конечно же, были интеллектуалами, занятыми, как обычно, выдумыванием аргументов с целью побороть здравый смысл.

Сказанного выше будет достаточно, чтобы показать, как стоики сделали единобожие чрезвычайно респектабельным кредо, которое стало отличительным признаком Больших Мозгов.

Много истины содержится в наблюдении, сделанном профессором Гильбертом Мюрреем в его известной книге «Пять стадий греческой религии» (Gilbert Murray, Five Stages of Greek Religion). Пересказывая историю о том, как один впечатлительный грек, посещавший лекции последователей Аристотеля и затем услышавший стоиков, сказал, что он испытал своего рода превращение людей в богов, Мюррей замечает: «В действительности, это было превращение греков в семитов, а философии – в религию».

Действительно, известно, что Зенон и некоторые другие стоики были семитами, и мы подозреваем, что довольно многие другие также были семитами, или, возможно, полукровками, наполовину греками и наполовину кем-то из многочисленных народов Малой Азии, эллинизированными после завоеваний Александра Македонского. Но факт состоит в том, что их доктрина действительно привлекала Арийцев (нет никакой причины предполагать, что Панетий был человеком не нашей расы) и без подозрений была принята большинством греков и римлян из образованных классов. Именно это придало стоицизму престиж.

Стоицизм не был просто чуждой идеологией, навязанной доверчивым Арийцам. Он содержал элементы, близкие нашей расовой душе. Профессор Гюнтер

заметил, что «у индоевропейцев (Арийцев) всегда имелась склонность ставить силы судьбы превыше богов», и он говорит о вере в безличную, непреклонную судьбу, рок – Moros, Fatum, Wyrd, о чем мы упоминали выше. Это напоминает *Animus mundi* стоиков с его неизменным провидением. Арийцы принимают действительность видимого, материального мира Природы и инстинктивно отвергают болезненную, гноящуюся семитскую ненависть к этому миру. «Никогда, – говорит Гюнтер, – индоевропейцы (Арийцы) не представляли себе, что могут стать более религиозными, когда кто-то «извне» скажет, что освободит их от «этого мира», униженного до статуса обители горя, преследования и спасения». Здесь опять стоическая вера в то, что этот мир – единственный, и что всё в нем происходит «в соответствии с природой», оказывается совместимой с менталитетом нашей расы. Арийская вера в неизменную связь причины и следствия не приводит к пассивному рабскому фатализму, как *кисмет* ислама, вместо этого судьба является реальностью, которую Ариец мужественно принимает: «Сам факт связи с судьбой свидетельствует о том, что это источник его духовного существования». Таким образом, согласно своей целостной сущности, здоровый индоевропеец (Ариец) «не может даже желать спасения от напряжения жизни, связанного с его судьбой», и Гюнтер цитирует Шопенгауэра: «Счастливая жизнь невозможна; высшее, чего может достичь человек, это героический жизненный путь». Арийским идеалом, продолжает Гюнтер, является герой, который надменно осознает рок, встречает его как свою судьбу и продолжает стоять не сгибаясь во весь рост, и, таким образом, остается верен себе: «Судьба индоевропейцев – стоять гордо, с аристократической уверенностью в себе и решительностью, но всегда знать о своих пределах, смотря в лицо безмерности божественного». Сравните с этим упорство стоиков, настойчиво утверждавших, что поддержание моральной целостности человека – это наивысшая добродетель. Подобный фатализм может показаться пассивным, но стоицизм фактически являлся кредо Катона Утического и многих других римских аристократов, которые жили смело и умерли гордо, встретив свою судьбу с неустрашимой решимостью.

Стоицизм был основан семитами и в значительной степени распространялся ими же, и хотя он включал – случайно или намеренно – очень многое, что соответствовало Арийскому духу и менталитету, это был гибрид, бастардная философия, потому как она также содержала многое, что являлось семитским и было чуждо нашей расе. Как отмечал Гильберт Мюррей, у стоицизма имелся скрытый фанатизм религиозности, и он утверждал, что предлагал несчастному человечеству своего рода Спасение; несмотря на свое показное воззвание к природе и разуму, это был своего рода евангелизм, «исповедание которого ослепляло разум». Стоицизм утверждал, что вывел из биологии такой аскетизм, который был фактически бесчеловечным и, по сути, иррациональным, например, ограничивая половые сношения только целью рождения потомства. Хотя это и было кредо героев, мы не можем не чувствовать, что в этом учении присутствовало что-то больное и испорченное.

Помимо этого, стоицизм стал интеллектуальной катастрофой. Он принес с собой ядовитый космополитизм «Единого Мира», предполагающий, что Божественное провидение сделало всех людей частью Божественного Плана, при котором между людьми не было никаких расовых различий, но лишь различия в образовании и понимании Истины стоиков. Именно поэтому сегодня очень часто мы не знаем расу человека, научившегося говорить и писать на хорошем греческом языке (или латыни), который получил или взял себе цивилизованное имя. Наши источники информации были настолько сбиты с толку бессодержательным бредом об общечеловеческом братстве, что их авторы забыли указать на расовое различие.

Профессор Мюррей прав в своем утверждении, что стоицизм, по сути, был религией, которая, однако, была настолько обильно завернута во множество слоев псевдо-логического дискурса и требовала настолько больших умственных усилий для понимания своих сложностей, что стоицизм считали философией. Я думаю, что мы можем считать его таковой на основании одного критерия: у стоицизма не было ритуалов или церемоний, и у него не было священников. Это важный момент, к которому мы вернемся позднее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ:
ТЕОДИЦЕЯ

Теодицея – это риф, о который разбиваются все религии, постулирующие существование высшего и доброжелательного бога, интересующегося человечеством.

Стоики выстроили для своего *Animus mundi* теодицею, которая, очевидно, удовлетворяла людей, интересовавшихся преимущественно этикой и желавших иметь систему несомненных моральных принципов с целью стабилизации общества. Ответ стоиков походил на ответ, данный в четырнадцатом веке Уильямом Оккамом и другими номиналистами, которые видели единственный выход из тупика в утверждении, что всё, что бы ни предписывал христианский бог, было, *eo ipso* [тем самым], правильно и справедливо. Но ответ стоиков не мог удовлетворить людей, желавших иметь бога, который – если должным образом ублажить его – мог вмешаться в процессы природы и сотворить чудеса для своих любимчиков: какой толк мог быть от бога, который ничего не мог для вас сделать? Ответ Уильяма Оккама не может удовлетворить людей, которым присуще наше врожденное расовое чувство справедливости, и которые отказываются верить, что незаслуженные страдания, муки и смерть, причиняемые невинным и беспомощным людям, могут быть справедливыми и правильными, независимо от того, кто их на это обрекает: кто может почитать бога, вознаграждающего злых и наказывающего добрых?

Это, конечно же, дело богословов – разрабатывать аргументы и риторику, которая запутает проблему, и богословы всех вероисповеданий показали высокий уровень изобретательности. Однако единственный способ успешно уклониться от проблемы теодицеи состоит в допущении, что – как и в случае некоторых индуистских культов – метемпсихоз обеспечивает длинную последовательность воплощений, которые производят духовное и моральное развитие человека от самых простых и самых низших форм органической жизни через идущие по восходящей линии формы жизни млекопитающих к человечеству и затем еще выше к сверхчеловеческим видам, проживающим на Луне или в каком-то другом месте, куда человек не может добраться, и, в конечном счете, к богам на каких-то хорошо обустроенных небесах. На этой огромной шкале страдание, с которым любой человек сталкивается в любой жизни, ужимается до совсем мелкой незначительности и, кроме того, оно является заслуженным, потому как представляет собой наказание за преступления в прежней жизни и необходимый процесс духовного очищения и развития.

Если жизнь в настоящем – единственная, что у нас есть на земле, то бессмысленно говорить, что божественная несправедливость в ней не имеет значения потому, что за этой жизнью последуют несколько сотен тысяч или миллионов лет или даже вечность на каких-то небесах, которые будут обустроены таким образом, чтобы их обитатели не умерли от скуки после нескольких десятков

столетий. Для нашего расового сознания справедливость *действительно* имеет значение, и, кроме того, явно несправедливо заставлять бесконечное будущее зависеть от поведения человека в течение нескольких лет его жизни – человека, который родился с определенными врожденными тенденциями и возможностями, которые более или менее определили реакцию его характера на те ситуации, в которых он оказывался.

Один из критически важных аспектов нашей цивилизации был отмечен коротким трактатом *De libero arbitrio* («О свободе воли»)[23], написанным приблизительно в 1436 году Лоренцо Валлой, обладавшим самым острым критическим умом раннего Ренессанса. Под прозрачной завесой диалога о способности Аполлона предсказывать поведение людей, Валла демонстрирует, что никакой бог не может быть всезнающим, всемогущим, добрым и благожелательным.

Доказательство очень простое. Возьмите один из инцидентов, столь распространенных сегодня. Невинная маленькая девочка пяти или шести лет – в достаточном возрасте, чтобы чувствовать боль – была изнасилована и лишена зрения или изнасилована и убита одним из дикарей, которых садомазохистские британцы и американцы сегодня обожают до безумия. Так вот, если существует какой-то бог, который следит за жизнями людей, то предвидел ли он поведение дикаря, которого он сам создал и, по-видимому, наделил дикарскими инстинктами? Если он этого не предвидел, то он не является всезнающим. Если же он это предвидел, то разве он не был в состоянии предотвратить муки ребенка? Если нет, то он не является всемогущим. Если же он имел могущество и не использовал его, тогда он допустил это преступление и страдания ребенка, и тогда он не может быть добрым и благожелательным.

Богословы, конечно же, объяснят, что если девочка не была бы убита в тот момент, она, возможно, выросла бы и стала атеисткой – или что ее папа, должно быть, оскорбил божество, которое захотело излить свой гнев на невинного ребенка и ее мать (которая, разумеется, сама могла сделать что-то, чтобы досадить ему)[24]. Или

---

[23] Текст трактата был хорошо отредактирован Марией Анфосси (Флоренция, 1934); я не слышал о переводе на английский язык. Почти все ученые, которые интересуются гуманистами Ренессанса, полагают, что Валла не мог быть настолько нечестивым, чтобы сказать что-то, что бы шло против интересов бизнеса спасения. Действительно, в конце диалога Валла говорит, что он доказал, что человеческий разум не может совладать с Божественной Тайной. Но я предполагаю, что это является предвосхищением концепции «двух истин», которая позволила Пьетро Помпонацци и многим другим философам той эпохи утверждать, что они верили своей верой в то, что они, как они только что доказали, было невозможно. В пятнадцатом веке люди с пытливым умом должны были принимать меры предосторожности, чтобы не быть замученными до смерти, вызови они раздражение у богословов. Псы Небес действительно достаточно часто преследовали Валлу с громким лаем, и однажды он был спасен лишь вмешательством короля Неаполя Альфонсо.

[24] У каждого такого инцидента есть последствия для людей, непосредственно в них не вовлеченных. Несколько лет назад один старик, с которым я обсуждал усилия профессиональных святых мужей приписать совпадения, которые называются удачей, вмешательству их божества, сказал мне, что его жизнь определила встреча, на которую он пришел, когда был еще молодым

же они скажут, что мы не должны думать об этом, потому что думать – это плохо для души. Ни одно из таких объяснений не удовлетворит чувство справедливости Арийца.

Объяснение Валлы не очень тревожило церковников его времени, так как христианский дитеизм тогда приписывал такие вещи своему антибогу, который либо обладал на этой земле такой властью, которую его небесный антагонист не мог перебороть, либо же он тайком прокрадывался и проворачивал грязную работу за спиной у бога. Все знали, что дьявол был настолько могущественным, что он был способен поднять одну треть христианского бога на самые высокие горы, чтобы там попытаться подкупить его. Однако с текущей тенденцией сделать христианство единобожием столкновение с этой проблемой неизбежно.

Вероятно, выработать для единобожия теодицею, которая бы удовлетворила Арийский ум, невозможно. По крайней мере, никто пока еще этого не сделал.

Есть еще одна тема, которую необходимо рассмотреть в нашем быстром обзоре развития религий, и тема эта касается того, что, предположительно, является врожденным менталитетом нашей расы. Когда мы говорим о любой религии сегодня, мы автоматически думаем о ее священниках – специализированном и профессиональном духовенстве. Но такая связь необязательна.

человеком. Он решил прибыть на эту важную встречу в столице, сев на поезд, который проходил через его город рано утром. В то утро его будильник почему-то не зазвонил, и когда он проснулся, он набросил на себя одежду и побежал к станции, хотя и знал, что не сможет добежать туда вовремя. Он опоздал на пятнадцать минут, но в то самое утро поезд, впервые за многие месяцы, опоздал еще больше: прибытие поезда задержалось, потому что он столкнулся с автомобилем на железнодорожном переезде, убив пассажиров. «Если бы я был суеверен», сказал он, «я решил бы, что Иисус любит меня так сильно, что он убил трех человек, мужчину, его жену и их ребенка, чтобы позволить мне прибыть на свою встречу. А если бы поезд не опоздал, то я был бы уверен, что мои грехи так сильно раздражали его, что той ночью он проскользнул в мою спальню и что-то сделал с механизмом будильника. Но последнее бы кардинально изменило жизнь моей жены, на которой я женился позже, и наши дети никогда бы не родились. Конечно, она и я, возможно, вступили бы в брак с другими людьми, изменив как их жизни, так и наши собственные, и у каждого из нас были бы совсем другие дети, которые выросли бы и изменили бы жизни многих других, и они сами родили бы детей. Последствия того несчастного случая на железнодорожном переезде почти бесконечны, поскольку нам также придется учесть жертв и результаты их смерти».

ГЛАВА ПЯТАЯ:
РИТУАЛ И АРИЙСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

РИТУАЛ

Религиозный ритуал – неизменная последовательность действий (часто включающих речь), выполняемых с целью совершить волшебство, повлияв на сверхъестественные силы. Большинство ритуалов началось в настолько далекую эпоху и среди столь примитивных людей, что они могли предшествовать нашей расе. О происхождении и первоначальном значении этих ритуалов забыли задолго до появления самых ранних письменных материалов, тогда как сами обряды оказались увековечены продолжающейся традицией, так что даже функция, которой служили эти обряды, возможно, сильно изменилась, ибо модель ритуала передавалась через неисчислимые поколения. Процесс может быть проиллюстрирован частичной аналогией развития языка. [Далее автор приводит примеры из английского языка, когда слова со временем изменили свое значение. Аналогом в русском языке могут быть такие выражения как «выстрелить из пушки» или «выстрелить из пистолета». Произнося их, мы вовсе не задумываемся о том, что слово «выстрел» происходит от слова «стрела», а ни пушка, ни пистолет не стреляют стрелами. – прим. перев.] Многие люди не могут и подумать о наличии какой-либо связи между человеком с сильными мышцами и мышью, и действительно, редко можно встретить человека, который вспоминает египетского бога Амона Ра при встрече с женщиной по имени Мария.

Ритуалы – общий источник мифов, во многом аналогичный тому, как одна фаза германского празднования рождества породила миф о Санта-Клаусе, который, между прочим, является типично Арийским мифом. (Предвосхищая одну проблему, которой мы займемся позже, давайте спросим себя: «верим» ли мы в Санта Клауса? После чего представьте, что какой-то наблюдатель прибыл на Землю с далекой планеты – подобно пришельцу Микромегасу Вольтера – и пришел к выводу, что мы действительно «верим» в Санта-Клауса.) Как все знают, обычаи, связанные с Санта Клаусом, значительно старше приданного им христианского оттенка. Наконец, у нас имеется один этиологический миф, объясняющий другой миф в истории, имеющей некоторый успех в качестве альтернативы «Рождественской песне» Диккенса. Это рассказ малоизвестного автора популярной беллетристики, который предположил, что Клаус был римлянином по имени Клавдий, «обратившимся в христианство» во время распятия Христа и затем ставшим первым миссионером в северных странах. В менее грамотную эпоху рассказ Сибери Куина, написанный для низкопробного журнала несколько десятилетий назад, вероятно, мог стать предметом широко распространенного верования.

Хороший пример постоянства ритуала можно найти в тесмофории (фесмофории) – церемонии, которую Аристофан так восхитительно спародировал в своей знаменитой комедии. Это не был Арийский обряд: его проводило туземное

население Греции, когда туда пришла первая волна Арийцев, и имеются признаки того, что в течение долгого периода времени многие или большинство греков отказывались иметь какое-либо отношение к культу «пеласгов», которых они покорили. Цель ритуала, насколько мы можем ее определить по церемониям в исторические времена, состояла в том, чтобы гарантировать, что семена, посаженные осенью, прорастут весной, но мы не имеем представления о том, какого духа или духов должен был умилостивить этот ритуал. Когда греки переняли ритуал, они, вполне естественно, решили, что он должен быть связан с Деметрой, их богиней плодородия, покровительницей урожая, и поэтому в первом дне трехдневной церемонии они увидели отсылку на ее спуск в подземный мир. Были созданы подходящие этиологические мифы. Вероятно, запрет на гранаты [фрукты] в ритуале стал важной частью мифа о Персефоне. Жертвоприношение свиней, конечно же, породило миф об Эвбулее. То, что, вероятно, было просто схожестью между названиями объектов секретного культа и греческими словами, означавшими «закон и порядок», убедило греков, что эта церемония в некотором роде ознаменовала становление цивилизованного общества. В свое время один антрополог (профессор Агнес Вон) разработала «научное» объяснение тесмофории, которое является просто еще одним этиологическим мифом.

Ритуалы рационально необъяснимы. Некоторые ритуалы, особенно культовые танцы первобытных племен, могут представлять собой «метектическое [подражающее, изображающее] сотрудничество с автохтонными духами», согревающее умы некоторых антропологов, но это объяснение, в лучшем случае, не заведет нас очень далеко. Когда, например, кто-то из арвальских братьев[25] обещал пожертвовать безупречно белую телку - без единого пятнышка – Юноне, в том случае, если богиня выполнит свою часть договоренности, почему Юноне это должно было быть интересно? Ах, да, животное – телка, потому что Юнона – женщина, и ее деликатность была бы оскорблена даром животного-самца; телка белая, потому что Юнона – богиня мира света, и черное животное подошло бы лишь божеству подземного мира; и животное должно быть безупречным, потому что теология требует того, что является прекрасным и редким. Но какое возможное удовольствие Юнона могла получать от созерцания пира своих почитателей, поедающих «венский шницель», в то время когда несъедобные части животного сжигались на ее алтаре? (Этиологический миф об ошибке Зевса является, конечно же, юмористическим, в стиле пародии Аристофана на эту идею.) Можно попытаться придумать объяснение странным вкусам Юноны, но после наших рассуждений о тотемах, тероморфных [звероподобных] духах и тому подобном, мы закончим заключением, фундаментальным для всех религий: в данном случае, боги довольны жертвой животного, потому что принесение в жертву животного приятно богам. Q.E.D. [*quod erat demonstration*, что и требовалось доказать.]

---

[25] Братья-пахари (Fratres Arvales) - двенадцать жрецов в Древнем Риме, молившихся о ниспослании урожая.

Примитивные ритуалы сравнительно просты – они, например, не сложнее действий и стиля традиционного английского танца «моррис». Любой может изучить ритуал, внимательно наблюдая за тем, кто его исполняет. Чтобы таким образом совершать магические действия, не требуются никакие особые технические знания. Даже весьма тщательно продуманные ритуалы продуманы не более тщательно, чем, например, ритуал масонской ложи, требующий настолько небольшого напряжения мнемонических способностей, что местный парикмахер, продавец автомобилей или кабатчик могли бы запомнить свой путь к возвышению до статуса Почитаемого Гроссмейстера или Величайшего Властелина, если бы только им это позволяли их финансы.

И это самый важный момент. Если мы ограничим значение слова «священник» «специалистами по сверхъестественному», то религия ритуалов не требует никаких священников. Если священник – это просто человек, выполняющий религиозный обряд, то в такой религии любой человек, если он не младенец и не представитель неправильного пола, может исполнять роль священника всякий раз, когда это потребуется.

Поэтому то, что представляется исконным Арийским богослужением, полностью выполнимо.

АРИЙСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

Если мы взвесим имеющиеся свидетельства об общественной структуре и религиозных обычаях Арийцев из того периода, когда они впервые появляются в истории – самые старые гимны в Ригведе, практики ранних греческих культов, изначальную религию римлян, то, что мы можем узнать об обрядах доисторических скандинавов, и рассеянную информацию из таких источников как материалы на тохарских языках и даже следы на хеттском языке – мы неизбежно придем к заключению, что в ранней и подлинной Арийской религии *не было никакого места* для профессиональных святых мужей.

Основы исконно Арийской религиозной практики могут быть кратко изложены в нескольких строчках. Глава каждого домашнего хозяйства был его священником (жрецом), который сам исполнял для своего домашнего хозяйства такие обряды, которые предписывала семейная традиция, обычно или всегда включая какие-то священнодействия, например, жертвоприношения, традиционные именно для этого рода, и другие церемонии, которые казались ему подходящими. Если человек был богат и предан какому-то конкретному богу, то он мог построить открытый алтарь или скромный храм (то есть здание) для этого божества на своей собственной территории, и это святилище передавалось его наследникам обычным способом. Владелец сам определял, нужно ли было допускать других почитателей этого бога на свою частную собственность.

Племя или государство было, в некотором смысле, одной большой семьей и, естественно, имело свои собственные обряды и богов, которых оно удостаивало племенного или национального почитания. Обряды неизменно исполнялись гражданами, но никогда – профессионалами. И, конечно же, у сообщества были свои собственные святилища и храмы, которые могли быть всего лишь участком земли в открытом поле или в лесу, но обычно представляли собой здание, по-простому или искусно оснащенное, как того диктовало благосостояние общины.

Ритуалы проводили и жертвы приносили лично люди, временно или постоянно отобранные из числа граждан. Эти выбранные люди посвящали своим обязанностям немного времени, периодически отвлекаясь ради этого от своих обычных занятий. У этих граждан не было никаких помощников кроме уборщика, который содержал храм в чистоте, и, возможно, если они тяготели к комфорту и роскоши, раба или временного работника, исполнявшего более грязную работу вроде ритуального забоя скота. Тесмофории, которые упоминались выше, были обрядами, исполнявшимися замужними женщинами. В Афинах замужние женщины, жены афинских граждан и обязательно также дочери афинских граждан, в каждом аттическом деме [территориальном округе] каждый год отбирали двоих из своих рядов, способных в финансовом отношении понести скромные расходы, чтобы организовать и осуществлять контроль над церемониями, в сотрудничестве, конечно же, с женщинами, избранными другими демами. В Риме всё великое жречество комплектовалось путем выборов или кооптации [приглашением со стороны уже существующих членов] мужчин (или, где это было уместно, женщин) из видных семей, обычно семей патрициев. Посты обычно занимались на всю жизнь, но они не были наследственными, и были исключения. Например, жрицей Bona Dea («доброй богини») в любом году была *ex officio* [по должности] жена председательствующего судьи в течение того года. Жреческие посты были высокими политическими должностями, и к ним стремились как ради почестей, так и ради политической власти, которую они давали.

Зараза религиозного профессионализма еще не появилась. Верно, что один из фламинатов, из Flamen Dialis, был ограничен традиционными табу (о цели которых давно забыли), и это жестко сдерживало политические и особенно военные карьеры тех, кто занимал эту должность: именно поэтому молодой Цезарь разумно отказался от этого. На поздних этапах Республики какой-то политик поднял конституционный вопрос, можно ли было бы помешать одному из других фламинов принять командование армией вне Италии, но в целом римский жрец был гражданином выдающегося положения, и никто никогда не предполагал, что у него должна была быть какая-то религиозная квалификация для своей должности, окромя подходящего происхождения, обычно рождения в роду патрициев.

Если у племени или государства была определенная церемония для общности, то священник всегда был, *ex officio* [по должности], руководителем племени, царем государства или судьей, заменявшим царя, если монархия была устранена. В Риме при Августе одним из признаков того, что государство

постепенно и почти тайно преобразовывалось в монархию, было то, что Август (и его преемники) стал *ex officio* [по должности] Великим понтификом.

Арийское общество, несомненно, включало людей, заявлявших о наличии у них некоторых специальных умений в интерпретации предзнаменований (вы сразу вспомните о прорицателе Тиресии), и религиозных энтузиастов. Такие люди были вольны сообщать свои мнения, и их совета могли спрашивать в запутанных ситуациях. Но они были просто гражданами, не получали жалования, не имели никакого официального положения и могли лишь дать совет, которым царь или ответственный судья могли счесть целесообразным или нецелесообразным воспользоваться (делом Агамемнона было решить, стоит ли ему обратить внимание на предостережения Тиресия). Не существовало никаких профессиональных святых мужей. Никто не мог получить богатство или захватить власть, утверждая, что является опытным специалистом по сверхъестественным делам.

В общем, доказательства поддерживают заключение профессора Ганса Ф. К. Гюнтера: «Жречество как более священный класс, поднятый выше остальных людей, не могло развиться среди изначальных индоевропейцев. Представление о жрецах как о посредниках между божеством и человеком противоречило индоевропейской религиозности»[26]. Но не всё так просто.

Жорж Дюмезиль, проницательный и выдающийся исследователь Арийских религий, идентифицировал «трехсоставную» модальность мышления - инстинктивное группирование понятий в трех единицах - как особенность нашего расового менталитета. Она проявляется во всем от наших сказок и другой беллетристики, в которой третья попытка решить проблему непременно оказывается успешной, до группирования богов в триадах, например, Капитолийская троица в Риме (первоначально Юпитер, Марс и Квирин; позже Юпитер, Юнона и Минерва) и две скандинавские триады (Один, Тор и Тюр; Ньёрд, Фрейр и Фрейя), которые были уменьшены до одной триады, которой поклоняются в знаменитом храме в Упсале (Один, Тор и Фрейр). Дюмезиль находит ту же самую трехсоставную модель в общественной организации, состоящей из воинов, жрецов и простых людей (крестьян-общинников), делая тем самым священнический класс изначальной и необходимой частью раннего Арийского общества. Мы можем ответить на это теоретическое утверждение, аргументируя возражение либо тем, что трехсоставные взгляды не распространялись на общественную организацию, либо тем, что

---

[26] Religious Attitudes of the Indo-Europeans, переведенная Вивьен Бёрд и Роджером Пирсоном (Vivian Bird and Roger Pearson) (Лондон, Clair Press, 1967). Вопрос этот рассмотрен несколько более полно в «Нордической расе у индогерманцев Азии» Гюнтера (Hans Günther, *Die Nordische Rasse bei den Indogermanen Asiens*, Мюнхен, 1934), которая, насколько я знаю, не была переведена на английский язык. Наиболее спорными частями работы Гюнтера являются датирование культа Одина и предполагаемая религиозная терпимость в Исландии, но ни один из этих вопросов здесь не важен. Возможно, порой он недостаточно строг во взвешивании данных, поддерживающих его тезис. Действительно, он относится к нашей расе с большим уважением, и мне не требуется пояснять, что сегодня это считается большим грехом.

Дюмезиль неправильно идентифицировал эти три элемента, которыми могли быть король (или его эквивалент), дворянство и простые люди или даже аристократия, плебеи и рабы. Существуют убедительные доказательства, согласно которым самые ранние Арийские общества, о которых мы знаем, не демонстрируют присутствия жреческой касты.

Реальная трудность состоит в том, что никакие общества не находились больше во власти священников, чем Индия после Арийского завоевания, когда каста жрецов добилась практической монополии на все религиозные обряды, и кельтской Галлии, где друиды фактически имели неограниченную власть. В других Арийских обществах мы находим касту профессиональных святых мужей, как в древней Персии, или жречества, которое, хотя и не было наследственным, добилось господства над гражданами и государством.

Столь решительное изменение представляется, на первый взгляд, невероятным. *A priori* [на первый взгляд, т.е. без опыта] это кажется крайне маловероятным, что в Индии, например, на территории, которая определенно была завоевана Арийскими захватчиками и управлялась ими, и которой они навязали свой индоевропейский язык и, по-видимому, культуру, которую этот язык представлял, причем в такой степени, что всё, кроме самых размытых воспоминаний о том, что было до них, исчезло, Арийские княжества и царства смогут развить религию и социальную структуру, которая бы «противоречила» Арийской религиозности. Для этого парадокса, однако, у профессора Гюнтера есть разумное объяснение. Во всех частях мира Арийские переселения, насколько мы можем понять, следовали модели, которая должна была определяться нашими расовыми особенностями. Арийское племя вторгалось на желаемую территорию, подчиняло намного более многочисленное туземное население другой расы и удовлетворялось тем, что правит ими, вместо того чтобы истребить их и даже их домашних животных, что, судя по их собственным утверждениям в Библии, делали жиды в Ханаане или ассирийцы, возможно, делали в других местах. Туземцы, сохранившиеся, таким образом, благодаря тому, что можно считать биологическим просчетом, становились подданными, но большинство из них не становились рабами и даже не оказывались униженными до состояния крепостных крестьян. Их обычаи и их самих, вероятно, рассматривали с определенной мерой терпимости и защиты, вроде той, которую римляне позднее предоставляли своим подданным. Неизбежным результатом было смешение рас, как биологическое, так и культурное. Следствием длительного и тесного контакта доминирующих Арийцев с их подданными другой расы, как говорит профессор Гюнтер, было то, что «чуждый по природе дух», в соответствии с разжижением и гибридизацией расового генофонда, «проникал в первоначальные религиозные идеи» Арийцев и «затем выражал на их языке религиозные идеи, которые уже не были чисто или даже по большей части европейскими» (то есть Арийскими). Он идентифицирует определенные элементы в менталитете нашей расы и, в особенности, в ее религиозности - прежде всего, нехватку фанатизма – которые сделали нашу расу особенно уязвимой перед инфекцией чужеродных суеверий. Другими словами, произошедшее было своего

рода духовным расовым смешением, которое, по всей вероятности, в значительной степени предшествовало биологическому расовому смешению и, конечно же, облегчило его.

Можно привести хороший пример этого процесса в лице тесмофории, которая была упомянута выше. В Пелопоннесе эти обряды осуществлялись туземным населением до вторжения дорийцев; после него в течение нескольких столетий церемонии сохранились только в области горного пояса Аркадии, которую дорийцы не потрудились захватить. Но затем завоеватели-дорийцы, включая общеизвестно консервативных спартанцев, начали практиковать у себя чужеродный ритуал тесмофории, дав ему имя, которое было, по крайней мере, частично греческим, связав этот обычай со своими собственными религиозными понятиями[27].

Процесс, так ясно проиллюстрированный тесмофорией, вероятно, имел место на каждой территории, которую покоряли Арийцы, и совокупным эффектом должно было стать религиозное и культурное извращение, которое, возможно, произвело в Индии, например, такое решительное изменение как постепенное подчинение потомков завоевателей касте профессиональных святых мужей. В качестве экстремального и пугающего примера того, что расовое смешение способно сделать с умами нашей расы, будет достаточно рассмотреть лишь народ гуаяки (аче) в Южной Америке, который, как это окончательно доказано антропологическими и особенно антропометрическими исследованиями, содержит большую примесь скандинавской крови и демонстрирует культурное вырождение, примечательное даже среди индийского населения того континента[28].

Эти соображения - и особенно печально известная нехватка расового сознания у нашей расы и сопутствующее этому великодушие к другим расам - адекватно объясняют разложение ее изначальных религиозных тенденций, и поэтому мы можем назвать описание профессором Гюнтером нашей древней религиозности в высокой степени вероятным, хотя ограниченность доступных нам данных не позволяет быть полностью уверенными. Вместе с тем, можно пойти еще дальше в предположениях, которые, однако, не более чем догадки.

---

[27] У этой греческой традиции, о которой первым сообщает Геродот (II.171), есть несомненное историческое основание. Греки, естественно, никак не могли узнать, откуда пеласги (которые были Белыми, но неопределенной расы [этноса?]) получили этот ритуал, или о том, какое суеверие пеласги связывали с ним. [Происхождение пеласгов крайне спорно. Их корни пытались отыскать на Балканах, в Северном Причерноморье, на Кавказе, даже в Северной Африке и других местах. Российский ученый Александр Соболевский, например, отождествлял пеласгов с населением трипольской археологической культуры.]

[28] См. Жак де Майё, «Агония бога солнца» (Jacques de Mahieu, *L'Agonie du Dieu Soleil*, Париж, Laffont, 1974); есть немецкий перевод (который я не видел), но, насколько я знаю, издания на английском языке не существует. Ср. *Nouvelle École*, #24 (март 1974), стр. 46 и далее. Пессимисты, полагающие, что нынешние тенденции в обществах Великобритании и Соединенных Штатов останутся неизменными, и имеющие храбрость делать на основании этого прогнозы, могут увидеть в гуаяках пример того, что, вероятно, останется от нашей расы через два или три столетия.

Л. А. Уодделл был выдающимся ученым, несмотря на то, что его достижения и репутация померкли из-за его первопроходческой попытки прочесть шумерский язык как индоевропейский, которая была столь же ошибочна, как и труды его многочисленных современников, которые пытались прочесть шумерский язык как семитский[29]. На своем неправильном прочтении шумерского языка он основал тщательно продуманную реконструкцию ранней истории, которая, несмотря на большую эрудицию, продемонстрированную в этом начинании, непременно рухнула вместе с крахом фундамента. Однако это не обязательно делает неверным его потрясающее предположение, что название жреческой касты, проложившей себе путь к власти в Индии – брахманы или брамины (*Brãmana*) – является словом, взятым из семитских языков; что учреждение класса профессиональных жрецов в Шумере было работой семитов, постепенно захватывавших в свои руки контроль над шумерским обществом; и что жреческая каста в Индии происходила из Шумера. [30]

Эта этимология, вероятно, является ошибочной, но это предположение стало еще более впечатляющим ввиду того, что в 1925 году Уодделл, похоже, был наделен даром предвидения, потому что последующие раскопки доказали без тени сомнения присутствие в Долине Инда относительно развитой цивилизации. Эта цивилизация процветала еще до Арийского вторжения и была очень тесно связана с шумерами, настолько тесно, что возможно, что сами шумеры пришли в Месопотамию из Долины Инда. [31]

---

[29] Сегодня мы, конечно же, знаем, что шумерский язык не является ни индоевропейским, ни семитским языком. Расовая принадлежность шумеров вызывает споры; нельзя исключать возможность того, что они были Арийцами.

[30] «Индо-шумерские печати расшифрованы» (L. A. Waddell, Indo-Sumerian Seals Deciphered, Лондон, 1925), полностью; «Создатели цивилизации в расе и истории» (The Makers of Civilization in Race and History, Нью-Дели, Chand, 1968, Лондон, 1929), стр. 386 и далее. Если Уодделл закончил и издал специальный труд, обещанный на стр. 399, то я его пропустил. Я считаю вероятным, что санскритский brãhmana является родственным латинскому flámen и является поэтому индоевропейским словом, но мне не стоит говорить никому, кто даже поверхностно знаком с индоевропейской филологией - в которой всё, что не очевидно, чрезвычайно неясно - что ни одна этимология любого из этих двух слов не принята большинством ученых. Важно здесь не происхождение слова, а идея, которую оно представляет. Заметьте, что в санскрите есть несколько связанных слов, которые необходимо тщательно различать: brãhma (средний род), возможно, лучше всего переводится как «божественный»; Brãhma или Brãhman (средний род), безличная, непостижимая космопоэтическая сила, которая рассматривается как окончательная и единственная вечная действительность; Brãhman (мужской род), бог-создатель, который является членом индуистской троицы; Brãhmana (мужской род с женским родом Brãhmani), член самой высокой и самой почтенной касты, родившийся святым, и первый из дважды рожденных; Brãhmana (средний род), один из комментариев к Ведам, некоторые из которых интересны как демонстрирующие ранние стадии процесса, в ходе которого ритуалы стали такими сложными и с такой тщательно разработанной интерпретацией, что помощь специалистов требовалась даже еще до того, как ритуалы стали монополией экспертов. Неясно, какое из этих слов должно рассматриваться в качестве того, от которого произошли все остальные.

[31] Попытки идентифицировать цивилизованных людей Долины Инда как дравидов на лингвистических основаниях являются напрасными; чтобы познакомиться с самой тщательно продуманной попыткой такого доказательства см. Arlene Zide and Kamil Zvelebil, The Soviet

Это заставляет задать вопрос, который поразит ученых, всё еще наивно цепляющихся за старое представление, будто бы расовую принадлежность раскрывают география или язык. [32]

Какова была раса людей, которые изобрели институт жреческих каст в древней Индии и Персии? То, что этот захватывающий дух вопрос не совсем праздный, следует из намеков на то, что доминирующее жречество, возможно, изначально было расовым.

Великий герой жреческой касты брахманов в Индии – это Парашурама, воплощение бога Вишну и великий воин (!), искоренявший кшатриев, Арийскую касту воинов и правителей, убивая каждого члена «царской *расы*» двадцать один раз – феноменально кровожадное убийство, предлагающее присутствие семитского воображения! Это благословенное описанное таким образом событие, конечно же, является мифическим, но что-то *действительно* искоренило касту воинов (если некоторые из них не убежали, чтобы стать предками раджпутов (rãjaputras), что утверждают последние). Самое позднее к третьему столетию якобы Арийскими государствами управляли цари, которые были шудрами, то есть потомками темнокожей расы, которую Арийцы, и, вполне возможно, их предшественники в Долине Инда, покорили и подвергли цивилизации. Вероятно, правящая каста была уничтожена так, как всегда уничтожаются Арийские аристократии – смешением рас, войной, внутренней враждой, революцией и суевериями – однако расовый дух брахманского Спасителя и самих брахманов, которые создали и увековечили эту историю, безошибочен.

Маги также были наследственной кастой святых мужей, которые утверждали, что происходили по прямой линии от некоего особенно благочестивого клана или племени в Мидии. Язык магов и их святых книг вызывает споры. Возможно, это был арамейский – семитский язык, который был общим языком

Decipherment of the Indus Valley Script (The Hague, Mouton, 1976). У этих надписей и надписей ронго-ронго с Острова Пасхи есть потрясающие общие черты, и их слишком много, чтобы они могли быть случайными; на основе этого факта желающие могут выстроить любые романтичные фантазии о том, почему это могло бы быть.

[32] Насколько я знаю, даже самые передовые «либералы» сегодня не станут идентифицировать как англичан всех, кто пишет на удовлетворительном английском языке, или всех, кто живет в Великобритании, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Однако почти до совсем недавних времен историки беспечно полагали, что все, кто писал на санскрите, по крайней мере, до сравнительно недавнего времени, были Арийцами. И они же считали, что все, кто жил в Риме или даже на всей обширной территории Римской империи, были римлянами, если только эти люди не были четко идентифицированы как принадлежащие другой национальности и расе, и это на протяжении всего времени, пока Империя продолжала существовать как политическая единица и даже после того, как римляне уже практически вымерли. Это правда, что очень часто – и даже обычно – мы никак не можем узнать о расе человека, который взял себе цивилизованное имя. Например, мы, естественно, могли бы предположить, что Л. Цецилий Юкунд, богатый банкир из города Помпеи, был римлянином, если бы его тщеславие не заставило его поручить создать в бронзе свой вызывающий отвращение портрет, показывающий, что он прибыл откуда-то из Малой Азии.

Персидской империи (включая ее правительство), так как многие ее подданные не понимали персидский язык. Как известно, один из магов попытался захватить Персидскую империю, пытаясь выдать себя за покойного брата Камбиса, и когда имитатор был разоблачен и убит, считалось, что он был лидером или агентом заговора магов с целью захватить в свои руки власть в империи. После чего народное негодование в столице привело к знаменитой «магофонии», избиению магов, которое очень походило на погром, потому что эти события, похоже, никак не касались собственно религии. Нет никакого намека на религиозный раскол, вроде раскола между католиками и протестантами в Европе, и сам Дарий оставил свидетельства своего неизменного благочестия в дошедших до нас надписях. Иностранная каста жрецов, естественно, тем или иным способом завербовала членов господствующей расы как сообщников, и последние, возможно, продолжили ее дело, вероятно, даже с удовольствием, после того как их руководители или начальники были уничтожены. Если, например, все католические священники в Италии сегодня были бы уничтожены по религиозным причинам, то невозможно представить, как Италия могла бы после этого оставаться католической страной; но если бы иерархия и ее фавориты состояли не из итальянцев, а из иностранцев – например, ирландцев – и они были бы уничтожены по расовому признаку, то национальная религия не обязательно оказалась бы под угрозой, и это могло бы даже пойти ей на пользу.

Это верно, что и брахманы, и маги громко утверждали, что они были Арийцами (*ãrya*), но весьма возможно, что они начали с использования этого слова в его общем значении «благородный, превосходный» и претендовали для себя на выдающееся превосходство в своей святости с помощью речевых уловок, характерных для богословов, придав неоднозначному слову расовое значение. Такой *supercherie* [обман, подлог - франц.] мог быть возможен и для умных Белых людей какой-то другой расы, живущей среди Арийцев, которые демонстрировали такое физическое разнообразие в цвете волос и глаз, какое считается само собой разумеющимся сегодня. Как все мы знаем, многие жиды в наши дни не только выдают себя за англичан, французов или американцев, но, если их не слишком разоблачают явно чужеродные черты, и если они умеренно осторожны в своем поведении, то их фактически принимает как таковых остальное население, демонстрирующее этим характерное Арийское игнорирование расы. Подобный маскарад, возможно, был возможен и в Индии, и в Персии.

Эти замечания, разумеется, имеют целью навести на мысль, какие предположения можно выдвинуть на основании ряда проигнорированных частей фрагментарной информации о ранней истории Арийских наций. Если бы на них была основана какая-то гипотеза, то она поставила бы ряд потрясающих вопросов, например, не основывалась ли изначально кастовая система Индии не на различии между Арийцами и не-Арийцами, а на различии между Белыми и темнокожими расами? Это потребовало бы пересмотра всех свидетельств о ранней истории Индии, причем пересмотра столь решительного, что одна его перспектива заставит застыть кровь в жилах современного историка.

Такие предположения, однако, здесь не важны. Никто не стал бы утверждать, что Арийцы не были пиратами, разбойниками и жуликами, эксплуатировавшими своих расовых родственников; было бы абсурдно спрашивать и о том, не могли ли они стать также профессионалами в религии!

Этого будет достаточно, чтобы указать на вероятность того, что наша расовая душа, хотя и очень восприимчивая к чужеродным идеям и суевериям, врожденно несклонна давать власть и влияние профессиональным святым мужам. Это может помочь нам понять некоторые эпизоды нашей расовой истории, которые без учета этих фактов кажутся нам загадочными.

ГЛАВА ШЕСТАЯ: ШАМАНЫ

Вне зависимости от происхождения профессионального духовенства и их утверждений о необходимости некоего странного искусства посредничества между их человеческими клиентами и невидимыми сверхъестественными существами, предположительно имеющими власть над природой, его появление также стало началом бесконечной истории отвратительных уверток, мошенничества и фальсификаций. Процветание святого человека и даже его пропитание зависит от его способности – или способности касты или профессиональной организации, к которой он принадлежит – убеждать обычных смертных, что у него есть полномочия, которыми он не обладает.

В третьем из своих «Диалогов» Ренан, размышлявший о последствиях научных исследований, которые даже в его время давали правительствам постоянно растущую власть контролировать и принуждать население, отмечал непригодность религии как средства общественного контроля. Структура индуистского общества, заметил он, в конечном счете зависела от претензий брахманов на обладание сверхъестественными способностями, включая возможность уничтожить человека одним взглядом их святых глаз. «Но ни один человек никогда не был взорван брахманом. Брахман поэтому использует воображаемый страх, чтобы поддерживать лживое верование». Власть брахмана (и его доход), поэтому, зависят от блефа. Для объяснения этого вопроса Ренан упростил свое высказывание, проигнорировав распространенный (не-Арийский) менталитет масс полифилетической [произошедшей от более чем одного общего эволюционного предка] Индии в то время, когда было твердо установлено превосходство брахманов. Однако с помощью резкого контраста он ясно показал проблему, с которой сталкивается любое профессиональное духовенство, будь то класс отдельных людей без формальной организации или структура дисциплинированных профессионалов, управляемых одним человеком или центральным офисом, обладающим почти деспотической властью над ними.

Престиж (и доход) брахманов зависел, в первую очередь, от их богословия, их предполагаемой близости с богами и их экспертных знаний о богах и средствах влияния на них. Они раздували этот престиж историями о брахманах, возможно, особенно одаренных из них (*rishis*), которые в каком-то отдаленном месте или времени взорвали неучтивого человека одним взглядом, оплодотворили девственницу, сосредоточив на ней свою мысль, или воскресили мертвеца колдовством. Эти рассказы поучали легковерных, однако особенно до периода господства брахманов, существовало много злых и греховных людей с материалистическими склонностями, которые могли усомниться в том, чего они на самом деле не видели, и поэтому нужно было произвести на них впечатление. Умные и ловкие святые мужи нашли способы это сделать, и так родилась магия, из-за которой Индия приобрела репутацию, которая когда-то была, без сомнения, заслуженной, хотя наши собственные более ловкие фокусники расценивают те

методы как грубые, примитивные и почти детские по их более сложным стандартам. Ни один индус-факир не смог бы конкурировать с обычным опытным фокусником, не говоря уже о таких мастерах, как Гарри Гудини и Джеймс Рэнди.

Единственный вопрос – степень сознательного мошенничества и обмана во всех религиях. И этот вопрос непростой. Хорошо известная религиозная практика, которая была изучена некоторыми очень компетентными антропологами, используется эскимосскими шаманами. Наблюдатели отметили, что шаманы, хотя они и обладают более живым умом, чем их соплеменники, всегда являются невротическими людьми, в душе охваченными завистью к мужчинам, которыми их племя восхищается за храбрость, умение в охоте, мужество, которое привлекает женщин, или даже удачу. Поэтому шаманы втайне испытывают злорадство к обществу, уважающему те качества, которыми они сами не обладают. Шаманы поддерживают свой престиж, применяя к легковерным людям гипноз и исполняя нетрудные для понимания трюки ловкости рук и иллюзии, используемые нашими цирковыми фокусниками. Несколько более сложный трюк состоит в проглатывании тонкого пузыря, наполненного кровью тюленя. В психологически важный момент шаман разрывает пузырь, сокращая свои брюшные мышцы, и его тошнит небольшим потоком крови, что производит сильное впечатление своей святостью на его открывших рот и выпучивших глаза клиентов.

Эта уловка – очевидный обман, и шаман должен это знать, однако некоторые серьезные антропологи сообщают, что, насколько они могут определить, шаман действительно верит, что обладает некоей властью, данной ему сверхъестественными силами, с которыми он общается в трансах. На первый взгляд это кажется нам невероятным, пока мы не вспомним, что шаманы принадлежат расе, менталитет которой настолько отличается от нашего собственного, что мы поступаем нелогично, если ожидаем логичного поведения от них или пытаемся установить границы того, во что могли бы верить умы таких людей.

Арийцы, если они вменяемые, не вводят самих себя в заблуждение, когда используют обман. Например, когда маленькие хитрые девочки, сестры Фокс, которым было скучно лежать в кровати и которые имели склонность к озорным проделкам, думая о способе напугать свою глупую маму и свою взрослую сводную сестру, проницательно осознали способность духов умерших родственников приносить доход, они запустили одно из самых успешных и прибыльных мошенничеств современности, которое наполняло простаков волнением на протяжении почти столетия, и породило некоторых «медиумов», обладавших действительно примечательной изобретательностью и ловкостью – некоторые из них, в действительности, обманули даже таких удивительных простофиль как сэр Артур Конан Дойл и сэр Оливер Лодж, в тот момент, когда эти в остальном очень умные господа были эмоционально переутомлены. Сегодня абсолютно бесспорно, что все успешные «спиритуалистические медиумы» – начиная с девочек-подростков, с шуток которых началось бредовое повальное увлечение людей, сегодня пытающихся восстановить дискредитированный бизнес – являются

сознательными мошенниками, эксплуатирующими легковерие слишком доверчивых и горе понесших тяжелую утрату. Среди них были и психопаты, галлюцинации которых убедили их в том, что они могли общаться с призраками, однако их одурманенным умам не хватало хитрости, чтобы суметь обмануть много людей.

«Медиумы», однако, составляют для нас очень важную психологическую проблему, так как мы имеем дело с Арийцами. Не может быть сомнений относительно большинства известных специалистов по вызыванию духов: они были очень ловкими фокусниками и компетентными актерами (или чаще актрисами), цинично эксплуатировавшими человеческую доверчивость и неразумность ради прибыли или удовольствия славы. Но карьеры некоторых заставляют поверить в то, что они обладали определенной извращенной искренностью. Конечно же, они знали, что совершали обман, но они, очевидно, имели религиозные убеждения и убедили себя, что делали важное и благочестивое дело, вводя в заблуждение других людей, прививая им веру в существование и цели сверхъестественных существ, в реальность которых сам «медиум» действительно верил благодаря акту веры. Часто бывает, что искреннюю веру может сопровождать возмутительный обман, каким бы парадоксальным этот факт ни казался холодному рациональному уму. И если мы не примем во внимание этот факт, весьма вероятно, что в истории религий мы многое поймем неправильно.

Существует другой фактор очень большой важности, который мы обязаны принять во внимание: способность многих растений вызывать галлюцинации. Исследования Р. Гордона Уоссона (R. Gordon Wasson) сделали фактически бесспорным, что основой сомы брахманов и хомы (хаомы) магов был священный гриб (красный мухомор, *Amanita muscaria*), который, вероятно, является самым большим источником религиозных переживаний, хотя существуют, конечно же, и многие другие. Возможно, также стоит упомянуть о том, что Уоссон считал, что этот священный гриб не использовался жрецами на знаменитых Элевсинских мистериях, которые давали очень многим грекам гарантию бессмертия. После поверхностного просмотра документов он пришел к мнению, что, возможно, целых четыре других галлюциногенных наркотика использовались в разное время[33]. Само собой разумеется, благочестивая фармакопея [достоверная информация о лекарственных средствах] всегда была профессиональной тайной святых мужей, везде, где бы она ни использовалась, и исследователи должны в основном опираться

---

[33] См. статью Уоссона в сборнике «Плоть богов», отредактированном Питером Фёрстом (*Flesh of the Gods*, edited by Peter Furst, Нью-Йорк, Praeger, 1972), стр. 194 и далее. Множество книг и сотни статей были посвящены попыткам раскрыть природу Элевсинских мистерий по намекам, случайно оброненным посвященными, которые клялись самыми страшными клятвами не раскрывать пережитое ими, но я не могу вспомнить ни одну работу, которая приняла бы во внимание вероятное использование галлюциногенных наркотиков. Недавние археологические раскопки позволили дать более точное описание святилища; см. Джордж Милонас, «Элевсин и Элевсинские мистерии» (George Mylonas, *Eleusis and the Eleusinian Mysteries*, Принстонский университет, 1961).

на события, о которых сообщают посвященные, часто неосторожно, так как в большинстве культов они клялись сохранять церемонии в тайне.

Галлюцинации, вызванные такими наркотиками, частично зависят от уже сложившихся представлений сознания, которое их испытывает. Другими словами, люди, проглотившие наркотик, видят в значительной степени то, что они ожидают увидеть, обычно в сопровождении визуальных иллюзий чрезвычайной яркости и красоты и, возможно, слуховых иллюзий, которые в некотором роде искажены или усилены. Другими словами, человек, выпивший соответствующее количество *сомы* с целью «расширения своего сознания» к восприятию «более высокого мира», вероятно, увидит богов такими, какими он их себе представлял, но, будучи частью галлюцинаций, они будут настолько яркими и интенсивными, что будут превосходить всё, что он переживал в своем бодрствующем состоянии, отчего всё это покажется ему замечательными сверхъестественными откровениями. Если бы сому налили ему без его ведома, например, в бокал обычного вина, то он, вероятно, увидел бы картины и образы из своего подсознания, сопровождаемые, конечно же, иллюзиями, настолько яркими, что они вселили бы веру в тех, кто не обладает никакими знаниями о психагогической силе некоторых «лекарственных» средств. Профессиональный святой муж, дающий подобную микстуру своим клиентам, должен (по крайней мере, если он Ариец) знать, что он делает, однако вполне возможно, что он сам испытывал такие галлюцинации и сам был убежден в их реальности, полагая, что у священного гриба или любого другого галлюциногена, который он использует, действительно имеется удивительная способность раскрывать смертному восприятию чудесные реалии сверхъестественного мира. Он может вводить в заблуждение других, будучи сам введенным в заблуждение. Конечно же, мы никогда не можем быть уверены относительно скрытых мыслей и тайных верований любого человека, и есть много обстоятельств, при которых было бы несправедливо утверждать о мошенничестве, когда вероятны иные объяснения, особенно когда у нас имеются научные знания, делающие мир для нас несколько менее таинственным, чем он был для человека, о котором мы судим.

Практически до недавних времен таинственная сила священного гриба и других подобных ботанических ядов была строго охраняемым секретом определенных орденов святых мужей, которые передавали эти знания устно или исключительно через таинственные или зашифрованные намеки в письменном виде[34]. Даже сегодня мы не знаем, каким образом вызывались галлюцинации с помощью многочисленных наркотиков, которые часто определяются отвратительным неологизмом «психоделические»[35]. Мы лишь знаем, что они

---

[34] Существует вполне удовлетворительное объяснение данного метода, которое представил Джон Аллегро в «Священном грибе и кресте» (John Allegro, The Sacred Mushroom and the Cross, Нью-Йорк, Doubleday, 1970), хотя я боюсь, что этот эрудированный и выдающийся ученый, к сожалению, слишком переусердствовал по части своей этимологии.

[35] Этот неологизм, если это не невежественная ошибка вместо «psychodeletic», не только сформирован ненадлежащим образом, но еще более ненадлежащим образом выведен из *****,, «ясный, явный», очевидно, с целью намекнуть, что припадки безумия «расширяют понимание

вызывают у жертвы галлюцинации, настолько яркие, что они кажутся человеку столь же или даже еще более реальными, чем его ежедневное восприятие действительности, от которой они отличаются настолько сильно, что кажутся сверхъестественными.

Такой бред часто включает видения сверхчеловеческих существ, очевидно, извлеченных из подсознания жертвы[36]. Другими словами, наркотики вызывают временное безумие, от которого жертва может оправиться, не понимая, что с ней произошло, и некоторые из наркотиков – по крайней мере, если часто их принимать – имеют совокупный эффект постоянного умопомешательства. Мы также знаем о различных психопатических заболеваниях, включающих навязчивые мании, как говорят, менее захватывающие, чем те, что вызваны наркотиками, но более или менее постоянные и деформирующие только часть сознания, так что эти формы безумия не препятствуют вынужденной рациональности поведения и часто сопровождаются очень высокой степенью хитрости. Люди, страдающие от этих психических заболеваний или деформаций, возможно, не кажутся своим современникам безумными и даже могут заработать престиж пророков и т.п. Несмотря на то, что они часто используют мошенничество и обман, мания, от которой они страдают, не может быть классифицирована как намеренная.

Зачастую мы обязаны ставить под сомнение выдающиеся личности из истории религий, даже недавние. Эммануил Сведенборг был человеком самых высоких интеллектуальных способностей, и он прославился как один из самых великих и самых всесторонних людей восемнадцатого столетия. Он писал на латыни стихи исключительно высокого уровня, он был знаменитым математиком, блестящим гражданским и военным инженером, влиятельным членом шведского Дома дворянства («Рыцарского дома») и прославился своими исследованиями в области политической экономии и теории торговли. Сведенборг был экспертом в металлургии и горной промышленности, он сделал открытия в палеонтологии, оптике, физике, химии, которые предвосхитили открытия, сделанные столетие спустя после того, как его работы в этих областях оказались омрачены его более поздними действиями; и он был пионером в изучении структуры и функционирования человеческого мозга. Во всей Европе его времени не было более выдающегося ученого. Это правда, что он имел религиозные интересы и пытался установить, каким образом душа управляла мозгом, но это не может объяснить, почему в 1745 году, когда ему было пятьдесят семь лет, к нему внезапно обратились

сознания» или делают видимой «более высшую действительность». Этот обман, естественно, нравится разнообразным и многочисленным шайкам, сильно заинтересованным в рекламировании суеверий о «духовном мире» или в подавлении рационального мышления у наших людей.

[36] В одном случае, студент университета, которому было около двадцати пяти лет, проглотив синтетический галлюциноген большой силы, тартрат диэтиламида лизергиновой кислоты, побежал в панике по улице, пока не столкнулся с женщиной средних лет, которую он дико умолял спасти его от преследовавших его демонов. В своем нормальном состоянии он, как говорили, не был суеверным, но, вероятно, его подсознание сохранило истории о чертях и демонах, которые он слышал в детстве или даже позже.

различные ангелы, которые провели его на экскурсию по Раю и Аду и представили его «Богу, Господу, Создателю и Избавителю Мира», который поручил ему спасти человечество от кровавого благочестия различных христианских сект, тогда всё еще занятых бесконечной войной ради искоренения ереси. Любой, кто прочтет девять томов его «Тайн небесных» (*Arcana coelestia*) и их адского продолжения, будет впечатлен изобретательностью, с которой автор использует теологический прием аллегорической интерпретации не меньше, чем дикую фантасмагорию своих галлюцинаций. Сведенборг, обладавший высокой и, очевидно, заслуженной репутацией личной честности, был слишком известен, чтобы искать славу, он не искал и не стремился извлечь какую-либо выгоду. Таким образом, нам остается выбор из трех возможных объяснений: (а) он совершил расчетливый и блестящий обман в надежде покончить с религиозными антагонизмами, которые по-прежнему бессмысленно растрачивали кровь и энергию Европы; (б) он, возможно, по неосторожности, принял какой-то экстракт священного гриба или сопоставимый препарат, вызвавший галлюцинации, которые он принял за фактические события; или (в) его разум, перевозбужденный размышлениями или оглупевший от преждевременной старости, перешел в одну из форм безумия.

К таким людям как Сведенборг, будь то древним или современным, нужно испытывать сочувствие и определенное уважение, как бы мы ни объясняли их действия, но таких людей немного. На протяжении всей истории с печальной постоянностью святые мужи оказывались мошенниками и жуликами, отличаясь друг от друга лишь умениями и степенью изощренности. Но наши современники, похоже, расценивают упоминание об этом факте как социальную бестактность, если не непристойность.

Возможно, ни одна археологическая находка в Западном полушарии не известна больше, чем огромные головы девять футов высотой, умело вырезанные из твердого базальта, которые были раскопаны в Ла-Венте в Табаско в Мексике. Обычно датируемые между 800 и 350 гг. до нашей эры, они упоминаются в любой дискуссии о раннем мореплавании из Средиземноморья до Мексиканского залива и являются главным фактом в любой теории о расе таких посетителей Западного полушария и причинах их прибытия. Даже помимо таких споров эти головы, естественно, вызывают любопытство сами по себе. Большинство упоминаний о них, однако, опускают тот факт, что в центральной голове через базальт было терпеливо просверлено маленькое отверстие ото рта до точки за ухом как своего рода удобный рупор для жреца, который таким образом сообщал Слово божье своим верующим, кем бы они ни были.

Поощрение святости часто требовало устройств, более изобретательных, чем отверстия-рупоры, что вдохновляло большое разнообразие механических, акустических и химических приспособлений. Даже наши скудные источники о чудотворной технологии древнего мира описывают некоторые из них. Герон Александрийский в своем известном эссе по механике описывает конструкцию многих творивших чудеса машин, но мы знаем, что еще более тщательно

продуманные машины использовались в различных храмах с целью раскрыть человеку пути бога. К сожалению, у нас нет описания аппарата, использовавшегося для того, чтобы заставить богов и других сверхъестественных существ появляться на широком занавесе из дыма или пара, но, должно быть, там использовалась оптическая линза. Появления божеств не ограничивались храмами. Распространенной уловкой было привести набожного человека в центр чистого поля безлунной ночью, когда ожидался приход какого-нибудь божества, например, Гекаты [Геката – греческая богиня темных мест]. Простофилю просили накрыть голову и не смотреть на божество, но он, конечно же, всегда нарушал просьбу, когда спрятавшийся сообщник святого мужа поджигал сокола или ястреба, который был обмотан веревкой и смолой или окунут в масло. Мучительный крик ярко вспыхнувшей птицы, когда она в отчаянии улетала прочь, всегда помогал привить верующим страх перед богом и соответствующую щедрость.

Было бы пустой тратой времени множить примеры религиозных методов античного мира в среде первой великой цивилизации нашей расы, но мы можем упомянуть один показатель ее упадка. Тит Ливий из собственных источников знал тайну чудесных факелов, которые несли истеричные женщины во время Вакхического помешательства, устроенного говорящим на греческом языке евангелистом в 186 году до нашей эры. Во втором столетии Светоний, Дион Кассий и Павсаний упоминают химически аналогичные чудеса, не указывая, что они не верили в то, что те чудеса были сверхъестественного происхождения. Можно надеяться, что эти авторы не были настолько доверчивыми, однако они жили в эпоху, когда и сама наша раса, и ее сознание приближались к своему концу в расово смешанной Империи, которую по-прежнему называли римской.

Там, где не хватало умения для совершения чудес, визуальная демонстрация заменялась обращением к воображению. Искусство красноречия и творческого письма, с риторикой, хорошо приспособленной к мышлению и предубеждениям аудитории, могут оказать почти настолько же сильное влияние, и они имеют то большое преимущество, что они способны воплотить в уме слушателя или читателя такие чудеса, которые не могли быть исполнены даже на наиболее продуманно оборудованной сцене. Нет ничего более убедительного, чем рассказы якобы свидетелей о чудесах – предпочтительно поддержанных теологическими объяснениями – сотворенных божественно вдохновленным пророком или даже самим богом.

Исследователь религий должен внимательно различать мифы и тот вид сочинений, который мы можем назвать евангелиями. У Арийцев мифы не претендуют на то, чтобы считаться историей, и не рассматриваются как таковые разумными взрослыми людьми, тогда как евангелия утверждают, что являются правдивыми и точными изложениями событий, которые произошли, и слов, которые были произнесены на самом деле.

Поэмы Гомера иногда называют «Библией» греков. Но этот эпитет является очень обманчивым. Эти две эпопеи действительно были произведениями, которые прочел каждый грамотный грек, который, однако, вовсе не предполагал, что они были историей. Он знал, что они были поэзией. Он знал, что Троянская война имела место, и он более или менее верил в существование богов, упомянутых Гомером, и был готов поверить, что греческие боги активно вмешивались в войну, некоторые на греческой стороне, а некоторые на троянской, поскольку у него не было иррационального фанатизма, чтобы предположить, что эта война была соревнованием между правильным и неправильным, или что существовали злые боги. Но он знал, что сам Гомер не был в Трое и не знал никого, кто мог там бывать. Поэт работал на основании неопределенных и часто противоречивых преданий, из которых он выбрал те, которые удовлетворяли его целям, и он уточнял и приукрашивал их подробностями, которые были в такой же степени его собственным изобретением, как и сами гекзаметры. Эпопеи были красивыми и незабываемыми описаниями того, что, возможно, произошло на самом деле, но никто не был обязан верить, что они были правдивы. Умный грек верил в «Илиаду» и «Одиссею» подобно тому, как мы верим в «Гамлета», «Короля Лира» или в «Бурю» Шекспира. Они были литературой.

Греки разумно понимали, что все истории об их богах были мифами. Никто не знал – да и никто не мог знать того, что происходило на самом деле. Боги, вероятно, существовали, и определенные традиционные ритуалы и церемонии, как полагали греки, умиротворяли их или нравились им, и намерения богов можно было узнать от определенных оракулов. Кроме того, люди с выдающимися способностями и достижениями, несомненно, пользовались божественным благоволением и могли бы проследить свое происхождение до героев – то есть, детей богов от смертных. Но никто не мог знать, похитил ли Зевс Европу, убил ли Персей Горгону и спас Андромеду, или спас ли Геракл Алкестиду от Танатоса. И так как никто не мог знать, что произошло (если что-то действительно произошло), то каждый поэт, каждый рассказчик был волен изменить историю в соответствии со своими собственными артистическими наклонностями и своей целью при написании произведения.

Такое же разумное отношение проявляется и в скандинавских мифах. Боги, вероятно, существуют, и в их честь нужно выполнять традиционные церемонии, если вы не готовы принять возможные последствия своего отказа поступать так. «Прорицание Вёльвы» (*Völuspá*) вполне может быть правильным, и оно отражает наше мировоззрение и внутренне присущий нам пессимизм, но, в конце концов, никто не может быть уверен в том, что пророчица была права, или что ее рассказ был передан правильно. Что касается «Песни о Риге» (*Rígsþula*), то нужно быть совсем глупым, чтобы предположить, что история Хеймдалля была предназначена для того, чтобы в нее верили. [37] Сразу же очевидно, что это была фантазия на тему

[37] Кто мог всерьез поверить в то, что бог создал человечество, посещая различные домашние хозяйства и определенным образом влияя на потомство принявших его хозяина и хозяйки?

(вероятно, историческую), что примитивные жители Скандинавии были саамами, которые были подчинены мигрировавшими туда Арийцами с темными волосами, а они, в свою очередь, были вынуждены принять умеренное верховное правление группы белокурых, нордических скандинавов. Когда скальды рассказывали свои стихи перед скандинавским вождем и свитой воинов, слушатели, которые должны были обладать высоким природным интеллектом[38], знали, что скальд выдумал значительную часть своей истории о богах и героях, и, более того, что многие из эпизодов намеренно были сделаны юмористическими и имели целью вызвать смех[39].

По крайней мере, для Арийского сознания мифы *toto caelo* [полностью] отличаются от евангелий: первые – тренировка воображения; последние же претендуют на то, чтобы считаться историей.

---

[38] У слушателей, большинство из которых были неграмотными, должна была быть очень хорошая память, чтобы они могли хранить в ней огромную устную литературу, и чрезвычайная гибкость ума, чтобы понять «кеннинги» скальда, то есть метафоры, обозначающие общепонятные вещи краткими намеками, многие из которых были придуманы скальдом как часть его поэтических приемов. Современный читатель, даже если он прочитал изрядное количество древнескандинавской литературы, вероятно, будет приведен в замешательство такими выражениями как «размахивающий Гунгниром» (= Один), «бремя виселицы» (= Один), «кровь Квасира» (= искусство поэзии), «кровь Имира» (= океан), «речь гигантов» (= золото) и сотнями других подобных выражений. Без описания Снорри Стурлусоном этого искусства и современных комментариев, основанных на его произведении, мы бы ничего из этого не поняли. Но аудитория скальда была рада его остроумию.

[39] Иногда нам откровенно говорят, что данные саги были «хорошим развлечением» (góð skemmtan) или рассказывались «для развлечения» (til gamans). Вопрос состоит в том, какая часть эпизодов в приключениях богов, которые кажутся нам настолько гротескными, воспринималась аудиторией всерьез, а какая часть была тем, что мы называем «комическим контрастом»?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ: ЛОЖЬ РАДИ БОГА

Когда профессиональные священники пытаются поддержать веру своих паств, представляя исторические документы с целью доказать свои доктрины, они сталкиваются с препятствиями, обратно пропорциональными невежеству их клиентов. Создание сносной подделки требует аккуратной, педантичной и кропотливой работы, и обычно происходит так, что святые мужи, движимые то ли благородным желанием распространить свою собственную веру, то ли естественным желанием увеличить свой доход, в действительности делают ровно столько, сколько достаточно для обмана их непосредственной аудитории. Это, однако, странно, потому как у них имеется ядро фанатичных последователей, и они могли бы воспользоваться их навыками и услугами в создании подделок для распространения благих вестей. Но даже в таком случае успех будет зависеть от общего уровня интеллекта группы или сообщества, которое должно быть обращено в веру.

Одна из самых интересных иллюстраций этого правила заслуживает пары параграфов.

Как все знают, Пифагор, родившийся на греческом острове Самос в начале шестого столетия до нашей эры, и который, возможно, не был Арийцем, был и философом, и основателем пуританского культа, учение которого могло в значительной степени основываться на религиях Ближнего Востока, который, как говорили, Пифагор посещал. Его секта была сопоставима с сегодняшними масонскими ложами, так как участники должны были пройти беспристрастное испытание и трудную инициацию, прежде чем их допускали к тайным доктринам, которые они клялись никогда не раскрывать посторонним. Но важным различием было то, что пифагорейцы допускали женщин наравне с мужчинами. Все, кто был в Риме, посещали подземную базилику[40] под железнодорожными путями, которые сходятся на центральном вокзале, и, пока экспрессы ревели наверху, стояли в зале, в котором две тысячи лет назад набожные неопифагорейцы собирались для богослужения и серьезно размышляли о трансцендентальном значении аллегорических чисел, вылепленных в штукатурке на стенах. Пифагор, конечно же, намного раньше получил обычные атрибуты божества: ему приписывали рождение от девственницы, бога (Аполлона) как его отца и странное отождествление в виде воплощения своего собственного отца, взявшего смертное тело, чтобы обучить свою элиту путям к спасению и блаженному бессмертию через правильное поведение в их последующих жизнях на земле.

---

[40] Базилика - античный и средневековый тип постройки (обычно храм) в виде удлинённого прямоугольника с двумя продольными рядами колонн внутри, расчленяющими пространство на три помещения.

Почти за два столетия до того, как эта базилика была построена под землей, неопифагорейцы в Риме прилагали значительные усилия, чтобы увеличить свое влияние или, возможно, распространить свою веру. Были изготовлены два каменных ларца, приблизительно восемь футов длиной и четыре фута шириной, они были запечатаны расплавленным свинцом, украшены выгравированными надписями на латинском и на греческом языке, и далее были зарыты в месте, где их должен был найти фермер, пашущий глубже обычного. Один из ларцов, согласно надписи, был саркофагом Нумы Помпилия, легендарного преемника Ромула и второго царя Рима, который, согласно преданию, установил официальную религию Рима. Этот ларец был пуст, несомненно, как следствие теории о том, что Нума, будучи набожным пророком, вознесся на небеса, чтобы присоединиться к своим божественным родственникам. Другой ларец содержал семь книг на латыни и семь на греческом языке, написанных Нумой с целью описать истинную структуру вселенной в том виде, в котором она была раскрыта ему Пифагором, и истинную религию, которую он установил в Риме, и которая - как это могли увидеть все, кто прочел его святые книги - очень отличалась от испорченных и извращенных обычаев того периода времени, в который фермер, возможно, благодаря божественному вдохновению, обнаружил ларцы. Что именно предписывали драгоценные слова Нумы, и какие за ними стояли политические цели, мы знаем не больше[41], чем о том, к каким этническим группам принадлежало большинство пифагорейцев, обосновавшихся в Риме. Книги Нумы, между прочим, отлично сохранились, потому что из предосторожности он пропитал папирус кедровым маслом, чтобы сохранить их на протяжении столетий.

В 181 году до нашей эры римская аристократия всё еще была по большей части Арийской, рациональной и практичной. Когда они узнали о чудесном открытии, подделки их не обманули. Скептически оценив способность человеческих тел взмывать на небеса, они осознали, что какие-то остатки трупа всё равно должны были остаться в запечатанной каменной шкатулке, даже после пяти столетий. Кедровое масло не сохранило бы папирус так хорошо такое длительное время, и были, несомненно, и другие признаки подделки[42]. Аристократия расценивала любую религию как, по сути, настолько же хорошую, как и любую другую, вместе с тем, они осознавали разрушительное воздействие религиозного возбуждения и излишне эмоционального состояния на низшие классы и на легковозбудимых женщин и «интеллектуалов» из их собственного класса. Поэтому провокационные религиозные книги сжигались. Неизвестно, были ли тайно сохранены их копии, однако вера пифагорейцев в Риме, похоже, не поколебалась, так как Цицерон во второй книге своей *De republica* посчитал ее ценной, но *ob iter* [мимоходом] указал, что хронологически Нума не мог быть учеником Пифагора.

---

[41] Об одной догадке о содержании см. статью А. Делатта в Бюллетене Бельгийской королевской академии наук, (A. Delatte in the Bulletin de l'Academie royale de Belgique, Lettres, 1936, стр.19-40).

[42] Наши источники (преимущественно Тит Ливий и Сенека) не сообщают нам, пытались ли набожные пифагорейцы воспроизвести греческую и латинскую манеру письма, шрифты, которые соответствовали бы времени Нумы, или орфографию той эпохи, которая, особенно на латыни, очень сильно отличалась от той, с которой они были знакомы в свое время.

Трудность обеспечения религиозной документации может быть далее проиллюстрирована двумя из новых христианских евангелий, каждое из которых по-своему поучительно.

Когда Джозеф Смит, инициативный молодой человек из Пальмиры, штат Нью-Йорк, осознал, что его попытка обмануть фермеров, будто бы его волшебный каменный монокль позволяет ему видеть зарытые под землей сокровища, привела к неприятным разбирательствам в суде, он сосредоточился на более высоких материях и произвел на свет совершенно новый «Новый Завет» с помощью малоизвестной книги, которая была издана в небольшом городе в Вермонте за несколько лет до этого, а также (вероятно) рукописи неопубликованного романа, и (конечно же) своего досконального знания стиля и содержания английской Библии и собственного богатого воображения. С помощью своего каменного монокля, который теперь служил благочестивой цели, Смит смог перевести на библейский английский язык пятнадцать книг своих дополнительных священных писаний с иероглифов, написанных на массивных золотых скрижалях, которые любезный ангел учтиво забрал на Небеса, как только Смит завершил свое вдохновленное задание. Смит нашел несколько лжесвидетелей, главным образом, членов его собственной семьи, которые были готовы поклясться, что они видели золотые скрижали, до того как их забрали в город бога за облаками. Позже, когда Смит решил написать «Книгу Авраама», он попытался добиться большего правдоподобия, но был менее осторожным. Он достал часть одной из дешевых копий папируса египетской Книги Мертвых из оберток египетских мумий. Эти папирусные обертки использовались в то время как топливо на пароходах по Нилу. Смит показал этот папирус своим таращащим от удивления глаза верующим как собственноручную рукопись. Это был грубо написанный иероглифический текст, в котором он смог распознать почерк самого Авраама. На основании рисунка мертвого Осириса, который обычно присутствует на таких копиях, Смит развил фантазию о том, как жрецы египетского фараона в Халдее (именно так!) после принесения в жертву группы девственниц подумали о том, чтобы засунуть молодого Авраама на алтарь в положении, показанном на картинке, которой Авраам проиллюстрировал свое собственноручно написанное произведение. Это, естественно, вызвало немедленное вмешательство Господа Бога, и рассказ пришел к счастливому концу. Но Смит был настолько неосторожен, что он не только сохранил папирус (который после его смерти был подарен Метрополитен-музею в Нью-Йорке как бесценное сокровище одним правоверным с большей верой, чем образованностью), но взял говорящие картинки (только с грубо измененной головой Анубиса), скопировал их на деревянных клише и напечатал вместе с текстом своей последней священной книги, чтобы произвести впечатление на деревенщину. Единственное разумное объяснение такой поразительной неосмотрительности состоит в том, что Смит всю свою жизнь интересовался лишь наслаждением собственной известностью (и женами других мужчин) и нисколько не заботился о том, что произойдет с его сектой после его смерти.

У Смита был проницательный преемник, который стал основателем самой сплоченной и самой сильной христианской церкви в Соединенных Штатах, которая пережила безумное преследование со стороны конкурирующих святых мужей и их последователей, и ей почти удалось создать свою собственную страну на тех землях, которые сегодня принадлежат штату Юта. Главная мормонская секта насчитывает более трех миллионов членов в Соединенных Штатах и, по крайней мере, один миллион в других частях мира. Три меньшие по размеру секты, продукты различных расколов, вероятно, насчитывают в общей сложности не больше двухсот тысяч человек. И мы должны отметить, что членами мормонской церкви как в ее ранние дни, так и сегодня, по большей части были и остаются почти исключительно люди английского происхождения.

Другой недавний автор евангелия – приятный контраст к Пророку Святых Последних Дней. Нельзя избежать впечатления, что главным объектом преданности Джозефа Смита был сам Джозеф Смит, и потребовалось бы много веры, чтобы полюбить его. Однако преподобный Уильям Деннис Мэхэн – симпатичная фигура, человек, которого мы должны уважать за очень искреннюю христианскую веру и за его усилия защитить ее. Я признаюсь, что у меня были предубеждения против него, когда я только начал изучать его карьеру, но в конечном итоге этот человек мне понравился, и я стал жалеть его. Он был посвященным в сан пресвитерианским пастором, родившимся в 1824 году. В 1879 году он был бедным пастором местной церкви в Бунвилле, небольшом городке, едва больше деревни, в центральном Миссури. На протяжении многих лет он с горем и тревогой смотрел из своего скудно меблированного дома священника в захолустье, как неверующие, особенно полковник Роберт Ингерсолл, поносили его бога и вызывали сомнения, заставлявшие многих овечек Иисуса отбиваться от стада Христова. Затем в 1879 году Ингерсолл расширил одну из своих известных лекций «Ошибки Моисея» до книги на 270-ти разрушающих душу страницах и издал ее. Много лет самые выдающиеся богословы Америки визжали со своих богатых кафедр о красноречивом Вельзевуле и проповедовали горестные тирады об отступничестве страны, не представлявшей возможность содрать кожу с живого Ингерсолла или, по крайней мере, отрезать ему язык, но их взывания к богу и людям оказались тщетными. И тогда бедный Мэхэн подпоясал чресла, чтобы защитить свою веру. Мэхэн издал «Правильный протокол суда Пилата», драгоценный исторический документ, который он получил из Ватикана благодаря добрым услугам некоего странствующего немецкого ученого, которому он оказал поддержку, когда беднягу-немца засыпало снегом в Миссури за двадцать три года до этого.

Книга создала сенсацию, и стала быстро по-пиратски распространяться священнослужителями по всей стране. В 1883 году Мэхэн начал всё заново, и произвел на свет значительно улучшенную версию документа, теперь названного «Протоколы Пилата» (*Acta Pilati*), а в следующем году поддержал его целой серией хронологических записей, которые окончательно установили правду «Нового Завета», включая беседу «Ионафана с вифлеемскими пастухами», «Разговор Гамалиила с Иосифом и Марией», подлинные «сообщения Каиафы Синедриону»

относительно (а) «Казни Иисуса» и (б) «Воскресения Иисуса», речь, произнесенную Иродом перед римским Сенатом, когда его судили за его «поведение в Вифлееме», и другие в равной степени драгоценные документы, которых в общей сложности было шестнадцать. И затем, конечно же, были письма от европейских ученых со странными именами, которые помогли Мэхэну найти эти сокровища в Ватикане и «Библиотеке Святой Софии» в Константинополе, а также письма от других ученых, подтверждающие подлинность тех писем. Этому собранию Мэхэн дал название слишком длинное, чтобы привести его здесь, но некоторые из более поздних издателей публиковали его под странным, но кратким названием «Том Арчко» (The Archko Volume).

Этот сборник пользовался значительным успехом; я не знаю, как часто его переиздавали, да и не пытался узнать, но я заметил четырнадцать изданий между 1884 и 1942 годами, включая несколько публикаций у «Eerdmans», одного из самых видных религиозных издательств в Соединенных Штатах. Отчет Понтия Пилата императору Тиберию был самой популярной частью в коллекции и часто переиздавался отдельно, последний раз, насколько мне известно, в 1974 году, когда священник, который издал его, утверждал, что его «запись» была сверена с оригиналом Британским музеем! Я не могу не упомянуть замечательное издание, напечатанное на длинной полоске промасленной ткани, приложенной к маленьким деревянным цилиндрам с выступающими наружу головками палки, на которые в древности наматывали книжные свитки. Такое издание должно было напоминать древние свитки папирусов.

Любой почувствует жалость к Мэхэну. Он был бедным человеком, и, хотя на своей первой подделке он заработал немного денег (несмотря на пиратство со стороны братьев-священников), ему пришлось одолжить у банка 150 долларов, чтобы он мог скрыться в штате Иллинойс в деревне под названием Рим (Rome), чтобы подготовить свое большее достижение и дать возможность его жене утверждать, что он уехал в Рим, откуда он регулярно посылал ей письма. Он так мало знал о мире, что его рассказы о своих путешествиях в Европу, встречах с «доктором Макинтошем» и «доктором Туайменом», об «Антикварской (Antiquerian (именно так!)) ложе в Генуе в Италии», об их исследованиях в Ватикане и Святой Софии и т.д. были бы смехотворны, если бы не вызывали жалость. Он был невежественным человеком, знал только то, что изучил в пресвитерианской семинарии и, вероятно, не имел под рукой даже самых элементарных справочников. Он, кажется, даже не знал, что первые христиане уже подделали множество писем от Пилата к Тиберию или Клавдию, множество докладов римского консула Сенату о распятии на кресте, и писем, написанных Иисусом и Девой Марией, а также множество других документов, из которых он мог бы собрать настоящий букет священных цветов, в случае с которыми он смог бы правдоподобно утверждать о почтенной древности и смог бы предъявить тексты на латыни или греческом языке. Большой слабостью его обмана было то, что он мог показать только английские «переводы». Преподобный господин Уильям Овертон Клаф, один из первых святых мужей, пиратски укравших работу Мэхэна, перевел части ее на латынь, чтобы она

казалась более подлинной его читателям, но Мэхэну, очевидно, это было не под силу. Сочинения Мэхэна полны диких анахронизмов и гротескных ошибок, не заметить которые мог лишь глаз Веры, но для своей религии он сделал всё, что смог, и, возможно, это потребовало подлинно каторжного труда. Он, несомненно, добился успеха в том, чтобы поддержать веру и воодушевить эмоции многих тысяч христиан, которые прочли его книги.

Нет никаких признаков того, что Мэхэн стремился к выгоде или славе. Есть доказательства, что он был искренне набожным христианином и, в отличие от столь многих пастырей Иисуса, действительно верил в религию, которую он исповедовал. Он попытался защитить ее, когда священники, более образованные и более богатые, чем он, оказались не в состоянии опровергнуть неверных. И, учитывая привязанность Мэхэна к своей вере, я вижу что-то трагическое в его декларации в своем издании 1887 года: «Мои основания верить в подлинность содержания этой книги так же сильны, как и те, по которым я должен верить в подлинность Священных писаний, если смотреть на этот вопрос с человеческой точки зрения».

Путь фальсификатора труден, и бедняга Мэхэн сделал попытку добиться невозможного. Одна книга, недавно изданная в Англии, представляет пересмотренную христианскую доктрину, включая утверждение, что Святой Павел, вместо того чтобы впустую тратить много времени в Средиземноморье, быстро побежал в Лондон, чтобы провозгласить благую весть своим сторонникам-англосаксам на территории Собора Святого Павла, строительство которого, однако, ему не приписывают. Эта доктрина, несомненно, будет привлекательна для многих христиан, но чтобы быть действительно эффективной, она потребовала бы подтверждения подходящим евангелием или, по крайней мере, своевременно обнаруженным посланием. Но такое подтверждение не может быть получено. Вероятно, в мире есть пара десятков ученых (я такой не один), которые могли бы сочинить соответствующее техническим требованиям евангелие или послание на несколько специфическом диалекте, используемом авторами посланий, нынче приписанных Павлу. Я надеюсь, что ни одного из этих ученых не удастся нанять на такую работу, но если бы лингвистически надежная подделка и была создана, то невозможно было бы создать папирус, который мог бы сойти за древний. Если и можно говорить об использовании пергамента в далекой Британии в те давние времена, то я сомневаюсь, что можно так подготовить и химически состарить пергамент, что строгие тесты не выдадут его современного происхождения. Древние чернила, вероятно, могут быть скопированы, но затем мы столкнемся с гигантской задачей поиска опытного палеографа, который после месяцев практики смог бы сымитировать рукописный шрифт, соответствующий предполагаемому времени. Затем нам придется сделать герметично запечатанный контейнер, неотличимый от древнего, в котором якобы сохранился документ. А если бы это было сделано, то нам потребовалось бы где-нибудь пристроить этот контейнер – в земле или в стене здания. Сегодня методы археологии настолько усовершенствовались, что нет никакого шанса подбросить что-то, что сразу бы не было идентифицировано как обман. И даже если бы все эти препятствия были преодолены – и одно это было бы

самым большим из чудес – то всё равно останется радиоактивный изотоп углерода, который выдаст дату самой лучшей подделки.

Ложь ради бога – нормальное проявление благочестия, но это дело становится всё более и более трудным.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ:
ТЕОКТОНИЯ И ВЕРА

ТЕОКТОНИЯ (СМЕРТЬ БОГОВ)

В заключение этого чрезвычайно краткого *пролегоменона* [введения] мы должны отметить один факт огромной важности в истории религий: среди бессмертных наблюдается относительно высокая смертность.

Основа всех религий – вера в существование богов, которые управляют природными явлениями и которых можно убедить использовать их власть и силу на пользу своим верующим, если умиротворить богов ритуалами и молитвами. Но что происходит, когда проверенные методы оказываются неэффективными?

Некоторые племена американских аборигенов заканчивают периоды засухи, устраивая метектические [43] танцы, чтобы сподвигнуть духов дождя к действию. Наблюдатели сообщают, что танцы часто оказывают желаемое воздействие, так как в хорошо управляемых племенах они исполняются именно тогда, когда старцы ощущают близящиеся изменения погоды. Христиане, между прочим, менее осмотрительны и часто молятся о такой услуге несвоевременно. Все помнят *bon mot* [остроту] молодого герцога Кларенса, который позже стал королем Вильгельмом (Уильямом) IV. На церковной службе, на которой священнослужители призывали Иисуса сделать дождь, он *sotto voce* [вполголоса] заметил своему окружению: «Ей-богу, это не сработает, пока ветер дует с юго-запада».

Любой почтенный богослов сможет сходу дать дюжину объяснений, почему боги остаются черствыми в любом конкретном случае, а верующих, как азартных игроков, не обескураживает серия неудач, потому как они надеются, что сорвут божественный джек-пот в следующий раз. Постоянное разочарование, однако, принуждает политеистических верующих передавать свои просьбы от черствого бога какому-нибудь другому, пока непроверенному, а когда накопленный опыт породит сомнения относительно доброжелательности ряда богов, они приветствуют новых, которые могут легче поддаться убеждению. Это, несомненно, в значительной степени было причиной потери популярности многих богов и возможных изменений в пантеоне народов. Можно вспомнить о норвежцах, которые, когда христианские миссионеры обхаживали скандинавские народы, отмечали, что так как Один ничего для них не сделал, они попробуют нового бога. Некоторые исследователи полагают, что в более раннее время Один вытеснил Тюра по той же причине.

Бессильный бог – это внутреннее противоречие, и когда бессилие бога демонстрируется на практике, то он прекращает вызывать страх и благоговение. Когда христианская секта под хитрым руководством отцов церкви приобретала

[43] Когда в ритуале также участвует аудитория.

влияние на деспотов распадающейся империи, которая когда-то была римской, христианские толпы начали разграблять дома богатых граждан в некоторых городах и грабить и разрушать святилища богов, которых они ненавидели. Это было, безусловно, самой эффективной христианской пропагандой. «Язычники», как хитрые отцы церкви их назвали,[44] естественно, рассуждали, что если их боги были неспособны защитить величественные и красивые храмы, которые были построены в их честь и украшены невосстановимыми шедеврами самых великих художников в мире, значит, те боги должны быть менее могущественными, чем бог той религии, которая с таким постоянством захватывала власть в государстве. Когда один храм за другим по всему миру осквернялся и разрушался бунтующей чернью, симмахиям [45] и другим членам «языческой аристократии» потребовалось много веры, чтобы оставаться верными вере своих предков. И им, возможно, не хватило бы этой веры, если бы некоторые из них не подумали о том, чтобы приписать дерзкой нечестивости христиан те бедствия, которые наваливались на умирающую империю, когда она всё больше поддавалась мужественным варварам с севера, которые непременно должны были являться инструментами оскорбленных богов. Нужно помнить, что так как отцы церкви еще не получили контроль над полицией и армией государства, чтобы начать серьезные преследования, Августин попытался ответить на этот аргумент своим известным *De civitate Dei* [«О граде Божьем»] и подтолкнуть одного из своих последователей, Орозия, к компилированию искаженной истории, которую в наше время помнят, потому что она содержит некоторые фрагменты работ древних историков, труды которых были утеряны. И когда Отцы, наконец, смогли использовать армию для беспощадных преследований, они не только искореняли почитание дискредитированных богов, но и приобретали теологический аргумент, который был неоспоримым и еще более эффективным, чем терроризм огня и меча в деле уничтожения конкурирующих христианских сект. Паства тех сект, естественно, рассуждала, что христианский бог, должно быть, одобрял богословие Отцов, раз уж предоставил им такую власть. Есть правда в американской пословице, что ничто так не способствует успеху, как успех.

Обратное явление можно заметить в христианской Европе в шестнадцатом и семнадцатом веках. Раскол, который навечно сломал единство христианского мира, был, по сути, религиозным, и представлялся обеим сторонам как деяние антибога, хотя мнения, естественно, разделились относительно того, вдохновил ли дьявол Лютера и других ересиархов, или же он был вынужден отступить из-за атак на церковь, которую он доселе контролировал. Результатом стала долгая череда религиозных войн, когда правоверные верующие на каждой стороне сплачивались для поддержки своего осажденного бога и с энтузиазмом убивали миллионы своих соплеменников-Арийцев, разоряли большие города и опустошали земли целых богатых провинций *ad maiorem gloriam Dei* («к вящей славе Божией»). Однако после двух столетий благочестивой резни и разрушений фанатики с обеих сторон должны были остановиться хотя бы просто от истощения, и каждый должен был признать,

---

[44] Об этом изобретательном методе в пропаганде см. ниже.

[45] Симмахия - военно-политический, преимущественно наступательный (в отличие от эпимахии), союз, заключавшийся между полисами.

что бог или не мог, или не хотел помочь им истребить слуг Сатаны. Это признание не могло не подорвать их веру, и агностицизм и атеизм, который до того времени был тайной верой очень немногих ученых людей, постепенно распространялся во всё более широких кругах. Мы можем вспомнить об одном исландском вожде. Он, как говорит нам Сага о Храфнкеле, был особенно предан Фрейру, которому он построил храм и посвятил дорогого племенного жеребца, который, властью бога, породил превосходную породу лошадей. Когда его враги разрушили храм и бросили жеребца в море, вождь пришел к заключению, что не было никаких богов, и религия была всего лишь большим обманом. Религиозные войны – даже больше, чем постоянный прогресс научных знаний в восемнадцатом столетии – вызвали растущую волну скептицизма и неверия, которая остановилась только тогда, когда свирепость и ужасы Французской революции продемонстрировали, как сказал Гиббон, «опасность подвергнуть старое суеверие презрению слепой и фанатичной толпы».

Есть, однако, еще один фактор, который не должен быть упущен, когда мы имеем дело с нашей расой, главная особенность которой – способность к объективному мышлению, которую профессор Хаас называет философским менталитетом, и которая сделала возможным то, что мы называем наукой, являющейся всего лишь систематическим исследованием природных явлений с целью установления их естественных причин. Это начинается, как все знают, с самых ранних греческих философов, и особенно с Фалеса, хотя некоторые ученые сегодня подвергают сомнению традицию, что он еще в такие давние времена не только понял причину затмений, но и имел достаточные данные, чтобы точно их предсказывать. Как бы то ни было, когда физические причины природных явлений определены, власть богов уменьшается.

В 168 году до нашей эры Л. Эмилий Павел приказал, чтобы собрание его армии выслушало лекцию, в которой Г. Сульпиций Галл объяснил причины затмений и то, почему он знал, что лунное затмение произойдет в установленный час следующей ночью. Так Эмилий, проницательный военачальник, предотвратил панику или тревогу, которая разрушила бы эффективность легионов, с которыми он два или три дня спустя в битве при Пидне разбил македонскую фалангу на открытом поле и тем самым обеспечил господство Рима в цивилизованном мире. У Эмилия, мудрого римского аристократа, не было никакого желания ослабить религиозность, которую он считал незаменимым основанием организованного общества, но в действительности он, конечно же, сделал именно это. В умах простых солдат одна большая и важная область была отобрана у богов и возвращена к взаимосвязи причины и следствия, которая управляет реальным миром, и на которую ни один бог не может повлиять.

От Фалеса до настоящего времени, будучи прерванным лишь длительным упадком в раннем Средневековье [«темные века» - 500-1100 гг.], рост научных знаний устойчиво вынуждал богов отступать из реального мира в невидимый мир сверхъестественного, вне времени и пространства, с последовательной потерей их

власти неизбежности. В 1902 году, когда извержение вулкана Мон-Пеле, так ярко описанное Эдвардом Дикманом-младшим, в его «*Volcano Mondo»* (Лос-Анджелес, Pinnacle, 1977), опустошило одну десятую часть острова Мартиники, включая столицу, духовенство, коллеги которого в городе Сен-Пьер старательно молились, начиная с тех дней, когда вулкан начал показывать признаки активности, оказались в очень затруднительном положении. Они не смели утверждать, что Иисус сжег больше пятидесяти тысяч человек, включая самых набожных, которые нашли убежище в его соборе. Поэтому они вынуждены были признать, что феноменальная огненная буря произошла ввиду естественных причин, и лучшим, что они могли сделать, было эксплуатировать то совпадение, что в руинах полностью разрушенного собора одно священное изображение было найдено неповрежденным. Это, как они утверждали, доказывало, что Иисус запоздало вмешался, чтобы спасти пеструю статую, тогда как он, очевидно, не уделил внимания своим самым набожным верующим и даже не приложил усилий, чтобы спасти своих собственных рукоположенных священников. Но это придуманное экспромтом доказательство божественной деятельности принесло больше вреда, чем пользы, для веры людей, способных хотя бы к минимальному логическому мышлению.

Мы не должны забывать, что отступление сверхъестественного соответствует врожденным наклонностям Арийского ума, демонстрируемым всеобщей Арийской верой в судьбу – Moros, Fatum, Wyrd – от природы присущую материальному миру и вне власти любых потенциальных богов. Этот расовый инстинкт был столь силен, что он, в конечном счете, породил англосаксонскую пословицу: «Христос силен, но судьба сильнее».[46]

Судьба – просто греческая *heimartene* («эймармене»), связь причины и следствия, которая неизменно управляет материальным миром. Ничего удивительного, что атеизм очень рано появился в мышлении нашей расы.

Общий абрис [контур], по крайней мере, греческой философии слишком известен, чтобы описывать его здесь. Мы уже упоминали Ксенофана и Крития, и имя нарицательное «эвгемеризм» напомнит каждому об Эвгемере, произведение которого, иронически названное «Священный список», было переведено на латынь как «*Sacra Historia*» Эннием, когда Рим всё еще был преобладающе Арийским. Мы должны отметить, что Критий был так откровенен в своей пьесе, исполнявшейся для всех афинских граждан, как будто специально намеревался ослабить социальную полезность религии.[47] Аристотель удовлетворился тем, что отметил в своей «*Метафизике*», что, так как общество зависит от морального порядка, религия необходима, «чтобы убеждать массы». Этого взгляда придерживалась значительная часть римской аристократии в великие дни Республики. Катон Старший говорил,

---

[46] Цитируется Гюнтером, указ. соч., стр. 33.

[47] Мы не знаем о том, в какой части его «*Сизифа*» происходил этот сохранившийся эпизод, и при этом мы ничего не знаем и о сюжете пьесы. Персонаж, который произнес эти многозначительные слова, возможно, был наказан за свой рационализм, что удовлетворило бы религиозных людей.

что удивляется тому, как гаруспик [48] может не усмехаться, когда встречает коллегу: он мог свободно говорить об иностранцах;[49] но было бы дурным тоном говорить так грубо о членах римской религиозной коллегии и, в любом случае, воспитанный римлянин, как предполагалось, должен был поддерживать свой *gravitas* [авторитет] на публике. У Цицерона, который достиг желанной чести кооптации в коллегию авгуров, не было никаких иллюзий о религиозной действенности этой должности, высоко ценимой за ту политическую власть, которую она давала в качестве конституционного контроля действий определенных судей.

Здесь мы подходим к очень важному фактору в истории религий: вера, возможно, правильная, в необходимость религии для выполнения той функции, которую ей приписал Критий. Этот фактор, конечно же, обладал большим весом, не только у мудрых исследователей политики, таких как Макиавелли, но и у многих церковников, хотя немногие были столь искренними, как знаменитый кардинал Дюбуа, мнение которого мы упоминали выше. Вспомните, например, протестантского пастора Алламанда, которого Гиббон знал в своей юности, и который искусно способствовал интеллектуальному развитию молодого человека, но так как Гиббон всё еще был христианином, «предпринял некоторые меры, чтобы скрывать» и никогда не показывал ему «истинное лицо своего тайного скептицизма». Алламанд, как знаменитый отец Жан Мелье, который оставил – замаскировав его под завещание – признание в своем собственном атеизме, был человеком высоких моральных принципов, и в старину, как и в наше время, такое описание *est sacrificulus in pago et rusticos decipit* [«В селе совершается жертвоприношение, которое обманывает крестьян»] может иногда совпадать с высоким чувством социальной ответственности, хотя, конечно же, оно куда чаще описывает лишь циничную эксплуатацию доверчивости масс.

Атеизм, кроме того, вовсе не ограничен «мейнстримом» нашей цивилизации. Среди скандинавов было много «безбожных» (goðlauss) мужчин, и, хотя мы можем быть абсолютно уверены лишь в тех, кто определенно говорил, что они верили *только* в свою собственную силу и храбрость (*á mátt sinn ok megin*) и судьбу (auðna), очень маловероятно, что кто-то из них сохранил какое-либо суеверие о сверхъестественном, хотя некоторые специалисты по древним скандинавам хотели бы спасти своими догадками некоторые остатки религиозности.

Некоторых читателей может удивить тот факт, что атеизм также появился среди Арийцев Индии. Из-за большой неопределенности, которая окружает все попытки установить хронологию ранней истории Индии, ни в чем нельзя быть

---

[48] Гаруспик – в Древнем Риме: прорицатель, гадавший по внутренностям жертвенных животных

[49] Официальные гаруспики были благородными этрусками, и их вызывали из Этрурии, когда считалось необходимым проконсультироваться с ними о пожеланиях богов. В одном известном случае в 162 году до нашей эры, когда они высказали политически нецелесообразное мнение, Тиберий Семпроний Гракх (отец знаменитых «идеалистов»), в то время консул, осудил их как иностранных варваров и выгнал их, но ему, в конечном счете, пришлось уступить суеверию населения.

уверенным, но я уверен, что строгий материализм и атеизм под названием *локаята* сопровождали распад ведической религии и были предпосылкой к подъему буддизма; поэтому я датирую его, по крайней мере, уже началом шестого столетия до нашей эры, датой, одобренной Полем Массоном-Урселем. Он, конечно же, старше, чем Майтраяния-упанишада (безотносительно ее даты!), которая упоминает (iii.5) атеизм (конкретно *настика*) среди человеческих несчастий. Он, конечно же, старше, чем самые древние части Махабхараты, которые упоминают атеизм. Некоторые пассажи, вероятно, вставленные, содержат угрозы: люди, которые не верят в «духовный мир», понесут заслуженное наказание, и один забавный эпизод (XII.clxxx.47) представляет нам шакала, который жалуется, что в его предыдущей жизни он был «неверующим» (пасанда) и настолько порочным, что он был рационалистом (хайтука), приверженным «бесполезному искусству рассуждения», и настолько извращенным, что сомневался в том, что ему говорили профессиональные жрецы. Точно неизвестно, сколько времени Арийский (философский) менталитет сохранялся в Индии после того, как он был, наконец, перемешан с буддизмом, и доминирующим менталитетом стал тот, который Хаас назвал *philousian*, который способен, какими-то непостижимыми нам мысленными действиями увидеть самого себя в облаках, солнце и во всей живой вселенной, частью которой он себя ощущает.[50]

Уже в четырнадцатом столетии (нашей эры) Мадхава включил в свой труд «Сарвасаргана-самграха»[51] главу о материалистах (чарвака), которые отрицали существование богов, душ и прочих призраков и утверждали, что религия «была создана природой для получения средств к существованию людьми, которые лишены и учености, и мужественности», и поэтому является мошенничеством, предоставляющим профессиональным священникам гарантированный доход. Сомнительно, действительно ли Мадхава в столь позднюю эпоху знал людей, которые придерживались такого мнения; он, возможно, получил свою информацию о таких греховных идеях из письменных источников.

Все три независимые Арийские культуры, о которых у нас имеются хорошие письменные материалы, уже рано развили атеизм в качестве мировоззрения некоторых людей. Чего и следовало ожидать, профессиональные святые мужи, по понятной причине встревоженные угрозой своим доходам, громко утверждают, что

---

[50] Гюнтер, который считает, что пантеистический мистицизм также является исконно присущим нашим умам, возразил бы против моего вывода, что «philousian» ум является полностью чуждым. Можно обсуждать этот вопрос и так, и этак.

[51] Есть в основном хороший перевод (E.B. Cowell, A.E. Gough, London, Kegan Paul, 1904), где, однако, переведены как «демоны» и т.д. (то есть сверхъестественные существа) слова, которые в действительности означают «дикарей» - то есть темнокожие туземные расы Индии в их родной среде обитания - существа, которых Арийцы считали злыми и описывали такими словами (пайшачи и т.д.), которые также означают «демонов». Есть странная традиция, будто бы Гунадхья написал свою Брихаткатху (источник знаменитого Океана сказаний, изящно переведенного Ч. Х. Тоуни и прокомментированного Н. М. Пензером, 10 томов, Лондон, 1924-1928) на языке пайшачи, что абсурдно, если это слово там не означает какой-то ухудшенный чуждыми примесями диалект, сопоставимый с современным урду; ср. древний хеттский язык.

атеисты являются ужасно злыми и безнравственными людьми. Они, кажется, даже не пытаются сделать паузу и задуматься о том, что атеист, у которого нет никаких моральных принципов, естественно, сам станет евангелистом и получит значительный доход и лестную известность, продавая спасение массам или иным способом эксплуатируя их доверчивость. В нашем обществе общепризнанный атеист явно ставит свою преданность интеллектуальной честности выше материальных наград, к которым он, как материалист, должен был бы стремиться в первую очередь! Объясняйте этот парадокс, как хотите. Учитывая врожденную склонность Арийского ума, мы остаемся с тем неудобным фактом, что мы вообще не можем сказать, какая часть святых мужей является в глубине души атеистами, и какая часть атеистов следует догмам официальной религии, чтобы предотвратить разрушение общественной структуры.

ВЕРА

Психологи бесконечно размышляли об истинном характере человеческой души [52] и, следовательно, о ее восприимчивости к систематическому суеверию, обычно называемому религиозностью. Нам нет нужды рисковать входить в этот непроходимый лабиринт, и мы даже не станем уделять время тому, чтобы обрисовать в общих чертах то, что является самой убедительной из неисчислимых теорий. Может случиться так, как утверждает Карл Юнг, что религиозность – врожденная и унаследованная тенденция нашего характера, определенная архетипичными символами, скрытыми в нашем подсознании в качестве нашего наследия коллективного бессознательного той расы, к которой мы принадлежим – экстрасенсорный субстрат, который был сформирован коллективным опытом нашей расы в течение всех тысячелетий, с тех пор как она стала человеческим видом. Но хотя аргументы Юнга вероятны, его теория, в лучшем случае, не более доказуема, чем многие другие, которые являются более поверхностными.

[52] Мы должны помнить, что, по сути, душа (psyche) – это жизненный принцип, жизненная сила, которая отличает живой организм от неживой природы. Как это определяет Аристотель в *De Anima,* у всех живых существ обязательно есть душа соответствующей степени сложности. Простая душа растений позволяет им поглощать питание, расти и воспроизводиться. У животных есть более сложная душа, которая дает им также способность движения и восприятия через пять чувств. У человеческой души есть, помимо этого, разновидность сознания, которая дает познавательные и мыслительные способности. Когда наступает смерть, душа (включая, конечно же, личность человека) прекращает свое существование, так как она была неотъемлемой от функционирования организма, без которого у души никакого отдельного существования быть не может. Энергия, которая производит такие способности, конечно же, является частью структуры вселенной; современный читатель очень легко поймет спорный пассаж в конце III.5 по аналогии с учением Шопенгауэра о выживании воли как обезличенной силы. Аристотель логически отрицает возможность личного бессмертия, так красиво сформулированного в поэзии Пиндара, который, как полагают, был первым, кто использовал душу (psyche) (в известном пассаже, указанном Платоном, Meno, 81a), чтобы определить некую личную данность, которая, как предполагается, продолжает жить после смерти человека и способна к перевоплощению (реинкарнации).

Однако имеются два несомненных фактора, которые нам стоит упомянуть, так как они иногда настолько очевидны, что упускаются, считаясь просто само собой разумеющимися.

Хотя у всех высших млекопитающих есть определенные элементарные способности к разуму и коммуникации, несколько видов, которые обозначаются как человек, в различной степени обладают способностью сформировать язык, в котором определенным произвольным звукам даются определенные значения, и они могут быть собраны в высказывания, которые становятся заменой визуального, слухового или осязательного восприятия. Слово «копье» заставляет воображение слушателя представить картину определенного инструмента, а высказывание «Я метнул копье в тигра» заставляет слушателя визуализировать в своем сознании не только оружие, тигра и меня, но также и действие, в котором я, по моим собственным словам, участвовал. В этом высказывании или в образной реакции слушателя на это высказывание нет ничего, что указывало бы на правдивость или лживость данного изречения. Другими словами, язык дарует способность лгать, и правдивость любого высказывания, если оно обладает внутренней последовательностью, может быть определена только внешними критериями, проверкой здравым смыслом на правдоподобие в свете нашего собственного практического опыта, и, если этот тест пройден, то возможностью независимого подтверждения высказывания. Если я скажу вам, что этим утром я был в Лондоне, то вы сразу же поймете, что я лгу, потому что я, очевидно, не смог бы возвратиться оттуда за такое короткое время. Но если я скажу вам, что я думал о Лондоне этим утром, то вы никогда не сможете определить, сказал ли я правду.

Если мы почитаем «Жизнь Свифта» сэра Вальтера Скотта и его же «Уэверли», то ни в одном из этих повествований мы не найдем ничего, что позволило бы нам отличить биографию от беллетристики. Однако из нашего базового образования мы знаем, что был такой выдающийся писатель по имени Свифт, который жил в то самое время, которое обозначено в первой из этих книг, и то, что мы знаем о его произведениях и обстоятельствах его жизни согласуется с тем, что нам говорит Скотт. Поэтому мы принимаем «Жизнь Свифта» как рассказ о фактах, правдивых и точных, за исключением того, что Скотт, возможно, упустил или неправильно понял данные, которые мы можем получить из других надежных источников. [53] Но когда мы читаем вторую из этих книг, у нас нет никаких возможностей сразу же узнать, жил ли человек по имени Эдвард Уэверли в то время, которое указано в книге. И мы никак не можем это узнать, окромя как с помощью длительного и трудоемкого поиска в обширной массе соответствующих документов, которые могли бы содержать упоминание о нем и подтвердить, по

[53] Мы можем мимоходом отметить, что обычно мы не производим проверку всех подробностей, особенно если работа недавняя, и поэтому предположительно основанная на всех соответствующих знаниях, доступных в наши дни. Таким образом, мы оказываемся уязвимы для продуманной методики умственного отравления, ныне осуществляемого профессиональными лгунами, которые создают в основном точный и поддающийся проверке рассказ и искусно вставляют в него одну решающую ложь, которую они хотят внедрить в сознание своих жертв.

крайней мере, некоторые из приписанных ему действий; однако сэр Уолтер сообщил нам в своем предисловии, что Уэверли – просто плод его собственного воображения.

Если мы почитаем «Энтони Несчастного» Герви Аллена, то мы узнаем, что это роман, потому что так нам сказал сам автор. Если бы эта книга была обозначена как биография, то мы могли бы задаться вопросом, каким образом некоторые из эпизодов и личных переживаний, описанных в книге, стали известны автору, и мы могли бы скептически отнестись к некоторым частям повествования; понадобились бы масштабные исследования, прежде чем мы смогли бы подтвердить, что главный герой никогда не существовал в действительности. «Оливер Уисвелл» Кеннета Робертса представлял бы собой еще более трудную проблему, так как почти все основные персонажи книги, кроме главного героя – исторические фигуры, которые действительно участвовали в событиях, описанных в книге с исторической точностью, что может быть подтверждено по некоторым или многим подлинным источникам, а главный герой – по существу наблюдатель, так что мы должны были бы доказывать, что он не мог быть очевидцем тех событий.

Если теперь мы обратимся к знаменитым работам Дж. Р. Р. Толкиена, то мы найдем его повествование *per se* [как таковое] таким же обстоятельным и внешне реалистичным, таким же убедительным, как и любая из книг, упомянутых выше. Мы, однако, сразу же поймем, что читаем беллетристику – и мы обязаны это понять, независимо от того, как бы категорично автор ни уверял нас, что это правдивый рассказ о реальных событиях, потому что из нашего базового образования мы знаем, что такие существа как хоббиты, эльфы и волшебники никогда не существовали, и что многие из описанных эпизодов нарушают установленные и несомненные законы природы. Мы знаем, вне возможного сомнения, что книги Толкиена – грандиозные сплетения вымыслов, того, что было бы наглой ложью, если бы автор выдавал свои романы за правду. Однако его работы – это произведения блестящей и почти поэтической фантазии, и поэтому они служат духовной потребности, которая является основной частью нашего характера и которую невозможно безнаказанно отрицать.

Поэтому ради нашего эстетического удовлетворения мы практикуем то, что называют «поэтическим подавлением недоверия»: пока мы читаем то или иное повествование, актом своей воли мы предполагаем, что оно – это правдивый основанный на фактах рассказ, и в своем сознании, если можно так выразиться, мы временно приостанавливаем законы природы и нашу собственную рациональность, чтобы мы могли насладиться восхитительной иллюзией и удовлетворить нашу эмоциональную потребность вырваться на какое-то время из мрачных ограничений действительности. *Dulce et decorum est desipere loco* [«Приятно и нормально иногда подурачиться»]. В конце чтения - как будто в конце симфонии, испытав духовное и эмоциональное облегчение, в котором нуждалась наша душа - мы возвращаемся к действительности, в тот страшный мир, из которого мы на какое-то время

вырвались в своем воображении. Мы возвращаемся к мучительному здравомыслию в мире, в котором, увы, нет никакого волшебства.

Если бы мы были склонны к суеверию и не могли бы вынести отказ от сладких иллюзий, если бы мы были готовы верить тому, что явно невозможно, тогда только четкое заявление автора, что написанное им является вымыслом, спасло бы нас от восприятия книг Толкиена как правдивых евангелий религии, более правдоподобной и внутренне последовательной, чем любые другие. Книги Толкиена – труд единственного и особенно ясного ума, а не простая масса мифов, придуманных в совсем разные времена в совсем разных целях множеством неизвестных авторов и никогда не подвергавшихся компетентной редакционной проверке, которая устранила бы внутренние несоответствия внутри каждой истории и грубые противоречия между ними, которые теперь вынуждены объяснять богословы всех религий, у которых есть свои священные писания. Когда Толкиен написал свою трилогию, он переработал «Хоббита», чтобы этот роман согласовывался с тем, что он рассказал в более поздней работе. Но его «Сильмариллион» был издан посмертно из многочисленных более коротких рассказов, написанных в разное время – просто предварительных набросков, которые бы автор пересмотрел и согласовал с уже изданными томами, если бы он дожил до того, чтобы объединить их в связный рассказ.

Поэтому там присутствуют некоторые несоответствия, но их гораздо меньше, и они намного менее неприятны, чем скандальные внутренние противоречия, которые обнаруживаются в святых книгах каждой религии откровения. [54] Действительно, можно предсказать крах нашей цивилизации и новые

[545454] Библии, которые являются работой единственного автора, вероятно, будут содержать меньше несоответствий. Очевидное исключение – Коран, который я прочитал только в английских переводах Дж. М. Родуэлла (Everyman’s, 1909) и Р. Белла (Эдинбург, 1937-39). Создается впечатление, что слово Господне почти полностью было сочинением Магомета (Мухаммеда). Но его главы были перемешаны без малейшего учета логического или хронологического порядка, и каждая Сура, похоже, сохраняет ту форму, в которой Бог продиктовал ее Пророку в какой-то момент долгой и полной приключений карьеры Магомета, отмеченной многими превратностями и радикальными изменениями обстоятельств. [Суры, кроме первой, «Аль-Фатиха», размещены в Коране по чисто формальному признаку – от самых больших к самым маленьким. – прим. перев.] Он часто считал целесообразным сделать так, чтобы Бог передумал; и хотя он порой и вспоминал, что именно Бог говорил ему за месяцы или годы до данного момента, он никогда не пытался пересмотреть или согласовать утверждения, сделанные на протяжении приблизительно двадцати двух лет. Результатом, конечно же, оказывается трудно перевариваемая масса гротескных внутренних противоречий, которую, однако, набожные мусульмане читают в трансе, очень подобном тому, в котором христиане читают свою Библию. При таком чтении те мыслительные способности, которыми читатель, возможно, и может обладать от природы, оказываются замороженными и парализованными религиозным страхом. Мусульманские богословы, амбиции которых, естественно, размораживают их собственные мозги, используют приемы *насх* и *мансух*, определяя, какие пассажи были отменены какими именно другими пассажами, с изобретательностью и наглостью, достойной самых выдающихся христианских богословов. Само собой разумеется, неисчислимые хадисы Магомета были придуманы многочисленными богословами, каждый из которых пытался наточить свой собственный топор. Существует, конечно

Темные века и предположить, что текст «Сильмариллиона» и, возможно, других книг переживет разрушение большей части нашей культуры и попадет в руки невежественных выживших членов нашей расы или расы варваров, для которой наш образ мышления и наши чувства будут близки по духу, так что в итоге фантазии Толкиена окажутся взятыми в качестве Священной Библии какой-нибудь новой религии.

У Толкиена присутствуют и последовательность, и благородная этика, но ни то, ни другое не являются необходимыми для священных писаний. Покойный Кларк Эштон Смит написал серию рассказов о континенте под названием Зотик (Zothique), который появится в очень далеком будущем, а покойный Роберт Э. Говард опубликовал много рассказов о континенте, который исчез в отдаленном прошлом. Ни один из этих авторов не нацеливался на что-либо большее, чем поверхностное подобие между вымышленным местом действия различных рассказов, и каждая история была сочинена ради ее собственной драматической и романтичной эффектности, чтобы вызвать ужас и удивление у читателей популярных журналов, в которых разные рассказы публиковались в течение многих лет. Вместе с тем, поклонники каждого автора даже рисовали карты вымышленных континентов, классифицировали рассказы в хронологическом порядке и составили биографии основных героев, объясняя несогласованности лишь с капелькой той изобретательности, которую богословы вынуждены использовать для сокрытия

же, очень много других библий, сочиненных или одним человеком, находящимся во власти галлюцинаций, или шарлатаном. Я прочел «Книгу Мормона» Джозефа Смита достаточно поверхностно еще много лет назад; я не помню, чтобы я заметил там бросающиеся в глаза противоречия. Приблизительно в то же самое время я прочел «Тайны небесные» (*Arcana coelestia*) Сведенборга с несколько б**о**льшим вниманием и, учитывая дикие фантазии автора, не заметил внутренние противоречия, хотя я и отмечал пассажи, в которых латынь автора, на мой взгляд, была намеренно неоднозначной. «Наука и здоровье» Мэри Бейкер Эдди, хотя ее авторство и не приписано богу, действительно является евангелием секты, которая заслуживает внимания как одна из двух главных религий, изобретенных в Соединенных Штатах. Эта книга кажется внутренне последовательной, несомненно, по той причине, что ее автор тщательно отредактировала и переработала ее перед ее изданием. Лодовик Магглтон (1609-1698) и его кузен, якобы Пророки Бога, пришествие которого было предсказано в Апокалипсисе, сочинили «Божественное зеркало», в которое я заглянул (в редакции 1846 года), но всё же не пытался установить, есть ли у этого божественного бреда какая-либо связность. Именно в связи с этой книгой Герви Аллен в своем самом известном романе кратко описал реакцию набожного читателя на откровения: он не мог понять смысла слов и поэтому был глубоко взволнован ими. Количество божественно вдохновленного хлама просто огромно во всех грамотных частях света. Один человек, который потратил время, чтобы прочитать «Бани», сочиненные Даду (1544-1603), индуистским представителем бога, для своих 152 учеников, сообщает мне, что это – необычно понятное откровение религии, являющейся, по существу, странной смесью эвгемеризма [герменевтическая теория толкования мифов, согласно которой религия возникла из культа умерших или живущих «великих людей»] и единобожия. Все упомянутые выше священные писания опираются на утверждения, якобы сделанные богом. В качестве иллюстрации природного менталитета нашей расы может быть достойно упоминания то, что когда образованные Арийцы одурманивают себя мистикой, они характерным образом делают это с помощью методов гуманитарных наук; хороший пример – «Анакалипсис» (Anacalypsis) Годфри Хиггинса (Лондон, 1833-1836; переиздан в Нью-Йорке в 1927 году).

неустранимых противоречий внутри выбранного ими комплекса мифов. Те же самые поклонники, если бы они пожелали, могли бы вычитать в этих фантастических рассказах религиозное значение. Можно быть совершенно уверенными, что любой в меру компетентный богослов мог бы взять разнообразные сказки, собранные вместе в какой-нибудь из разноцветных «Волшебных книг» Эндрю Лэнга и, с обычными методами софистики и лжи, создать из них внешне непротиворечивую доктрину и религию, которую многие из наших современников готовы были бы принять.

Другими словами, язык может использоваться для изображения того, что никогда не происходило и никогда не могло произойти, причем в словах настолько ярких, что они вызовут такую веру, что лишь бдительность здравого смысла читателя и знание им действительности, его критические способности и, в случае необходимости, его знание соответствующих фактов истории и науки, позволят ему проверить логическую связность истории. Мы знаем, что ни один человек не может ходить по воде, что всезнающий бог не мог быть удивлен непредвиденным событием, и что солнце не может быть остановлено над каким-либо земным городом. Если бы о таких событиях рассказывалось в художественной литературе, написанной с очень высоким уровнем литературного мастерства и искусства воображения, то мы в течение краткого времени могли бы симулировать веру в них ради эстетического наслаждения, но если мы позволим эмоциональным устремлениям надолго «спрятать в холодильник» наши способности к рациональному мышлению, то не существует вообще абсолютно никакого предела тому, во что мы сможем поверить, и даже самая грубая и примитивная история сможет вызвать хронические галлюцинации. Достаточно странно, однако, что паралич интеллекта может каким-то образом ограничиваться определенными *idées fixes* [навязчивыми идеями], тем самым позволяя уму рассуждать уже на основе своих собственных маниакальных заблуждений. Это напоминает известную историю о безумном пациенте доктора Абернети: один человек был убежден, что он был мертв, и когда врач ланцетом сделал разрез на его руке, пациент поздравил его, сказав, что доктор сделал эпохальное медицинское открытие, показав, что мертвецы способны кровоточить.

Очевидно, что доверчивость отдельного человека связана с двумя весьма различными факторами: во-первых, с качеством и силой его интеллекта, который определяется генетически, [55] и, во-вторых, с объемом фактических знаний в его

[55] Нужно отметить, что здесь объединяются два различных фактора: интеллект человека относительно среднего показателя для его расы и расовый детерминант его мыслительных процессов. Последний был идентифицирован для нашей расы профессором Уильямом С. Хаасом в его фундаментальной работе «Судьба разума» (William S. Haas, Destiny of the Mind, New York, 1956); к этому мы можем добавить социологические данные, представленные Герике Янг в ее книге «Два мира, не один» (Géryke Young, Two Worlds, Not One, Лондон, 1969). Наш менталитет Хаас называет философским менталитетом, и, если использовать его пример, то Ариец, который думал, что он видел себя на облаках, был бы справедливо объявлен безумным. Но, как он доказывает, люди, которые родились с *philousian* менталитетом, могут говорить такие вещи и быть нормальными с точки зрения врожденной структуры их расового разума, которая, в основном,

распоряжении, который зависит от его образования и, прежде всего, от количества точной информации, которая была накоплена его обществом к тому времени, в которое он живет. Он не может избежать ошибочных гипотез о явлениях, которые еще не были объяснены или не наблюдались корректным образом, и вполне естественно, что всякий раз, когда рост знаний разрушает ошибочное мнение, являющееся эмоциональным утешением для человеческой слабости, многие люди испытают душевное волнение, вполне сопоставимое с «ломкой», испытываемой наркоманами, которых лишили их наркотиков. Нас же здесь интересует постоянство веры в то, что, *как известно*, невозможно.

Прежде всего, мы должны отметить, что такая иррациональная вера удовлетворяет тягу нашего подсознания, которое, конечно же, сформировано нашим генетическим наследием и, что наиболее вероятно, коллективным бессознательным нашей расы, сформированной эволюцией нашего вида в течение ста тысяч лет или дольше. Это страстное желание лишь немного менее категорично, чем сексуальное желание, которое отчасти является физическим [56] и которое, как обнаружил Ипполит, мужчины не могут отвергать безнаказанно. Сильное желание выйти за пределы жестокой действительности мира, в котором мы эфемерны, является врожденным внутри нас, и сегодня оно становится лишь еще более категоричным ввиду нашего знания о том, что наши двадцать тысяч дней под солнцем это всего

находится вне нашего понимания, хотя мы и можем наблюдать ее воздействие через их поведение. Когда мы имеем дело с монголоидами, жидами и другими интеллектуально развитыми расами (включая многие гибриды), вполне справедливо и благоразумно будет помнить, что они воспринимают действительность не так, как воспринимаем ее мы, и не могут осмысливать воспринятое с помощью нашей логики. В крайнем случае это создает одну из эпистемологических проблем [касающихся знания], являющихся абстрактно неразрешимыми, и на которые, как доказал Юм, мы можем дать лишь тот краткий ответ, которого требует наша воля к жизни.

[56] Лишь частично физическим (по крайней мере, в нашей расе), так как часто присутствует и духовный компонент потребности в постоянных товарищеских отношениях и взаимном доверии, чтобы успокоить ужасное одиночество человека и укрепить его слабость. Вполне справедливо добавить, что сопоставимую потребность, кажется, инстинктивно чувствуют многие виды животных, которые образуют «семьи» на всю жизнь, то есть многочисленные виды птиц и млекопитающих, включая (вопреки вульгарному мнению) большинство волков (в отличие от собак). Интенсивные усилия в наших школах с целью вынудить членов нашей расы думать, что секс – такая же строго физическая функция, как испражнение, представляют собой, конечно же, скоординированную и запланированную атаку на выживание нашей расы. Я не знаю, являются ли преподаватели женского пола, объявляющие, что «мы должны разрушить любовь», что «мы должны отменить брак», и что «мы должны поощрять женщин не жить индивидуально с мужчинами», жидовками, повинующимися враждебности их расы по отношению к нашей. Если они Арийки, тогда они – ужасающая иллюстрация той степени, до которой расовая душа наших женщин может быть отравлена систематически индуцированным бредом. В любом случае, хотя объявленное «освобождение» наших женщин от их биологической природы и сопровождается теоретическим предположением о том, что дети продолжат рождаться и будут воспитываться, как цыплята, в небольших загончиках, предоставленных правительством и явно спроектированных с целью того, чтобы насильственно внедрить равенство с самыми низкими видами человеческих существ, очевидно, что неизбежный результат будет состоять в том, что женщины с интеллектом выше уровня животных откажутся рожать потомство, и наша раса, или, по крайней мере, ценная ее часть, вымрет, чего, конечно же, молчаливо и желают те, кто за всем этим стоит.

лишь мгновение – не больше, чем танец мошки, которая рождается утром, чтобы умереть вечером – в бесконечном времени вселенной, в которой мы – и наша раса, и все млекопитающие, и даже сама наша планета – лишь бесконечно малые и незначительные *эпифеномены* [побочные явления]; вселенная наша настолько обширна, что выходит за пределы нашего понимания, и приводится в действие слепыми силами непреклонной и неодушевленной природы, к которой нет смысла взывать или на которую нет смысла жаловаться. Высококультурные мужчины и женщины могут удовлетворить это страстное желание великой литературой, как поэзией, так и очень образной прозой, и, менее непосредственно, музыкой и эстетическими удовольствиями, предоставляемыми миметическими [подражающими действительности] искусствами, которые соответствуют нашим расовым представлениям о красоте. [57] Такое рациональное потакание душевной потребности недоступно несчастным людям, которым их школы, их личные обстоятельства или их собственные способности не позволили получить свою долю нашего культурного наследия, и неудивительно, что саботаж нашей цивилизации «педагогами» в настоящее время приводит к пугающему росту добровольной веры в невозможное, всё больше низводя наше население до состояния сплошной плоской равнины, на которой наша раса не сможет сохранить необходимый для ее выживания интеллект.

Тот факт, что религиозность действительно соответствует душевной потребности, естественно, объясняет ее живучесть в разумных в других отношениях людях, которые в свои ранние годы были подвергнуты хитрыми учителями процессу выработки условных рефлексов, что внедрило в ум ребенка привычку еще до начала развития способностей к логическому мышлению. Принцип, часто повторяемый в школах ряда религиозных корпораций, объясняет такой подход достаточно откровенно: «Если мы заполучим их себе, пока им нет еще семи лет, то они останутся у нас на всю жизнь». Это, конечно же, является преувеличением: такие способы часто терпят неудачу, либо потому что использующие их педагоги некомпетентны, либо потому что они сталкиваются с устойчивым сопротивлением в умах рано развившихся детей. Метод не безотказный, но всё же он часто имеет успех. Все мы время от времени сталкивались с людьми, которые завоевали признание в изучении истории или технологии (включая методологию настоящих

---

[57] В данном случае мы опять же не можем определить, действительно ли неприлично отвратительные уродства, которые так успешно «втюхивают» под видом «искусства» Пикассо, Эпштейн, *et alii quam multi* [и многие другие], соответствуют какому-то способу, которым жиды воспринимают действительность, или они являются выражением расовой ненависти или же представляют собой просто уловки с целью высокомерно нажиться на легковерии одичавших Арийцев. Пикассо однажды объявил, по-видимому, искренне, что он просто эксплуатировал сосунков. На этот вопрос нельзя ответить известным фактом, что одинаковое «искусство» создается безнадежно шизофреничными детьми в сумасшедших домах. Много «искусства» этого вида также произведено Арийцами с целью прибыли или просто ради удовольствия поиздеваться над болванами. Как один «художник», который собрал всякий хлам на городской свалке и свалил его в кучу перед отелем, чтобы брать солидную плату за «скульптуру» от владельца отеля, заметил одному из своих друзей: «Если этот осёл заплатит за металлолом по двадцать долларов за фунт, то почему бы и нет?»

естественных наук), но так никогда и не смогли порвать с религиозными привычками, сформированными той почвой, в которой были вынуждены расти их детские умы. Это – психический эквивалент физической деформации черепа, которую практиковали многие дикие и варварские племена, возможно, с подсознательной целью скрыть некоторое расовое разнообразие в компонентах племени, по крайней мере, в то время, когда оно объединилось воедино. Наши дети рождаются с душевной потребностью выходить за рамки действительности, и они инстинктивно получают удовольствие от сказок, рассказов о чудесном и невозможном, но, естественно, с возрастом избавляются от серьезной веры в такие вещи. Однако если детская вера в определенный набор сказок насильственно навязывается рутиной богослужений, внедряя тем самым привычку, которая является как физической, так и умственной, то побег, согнутый таким образом, может вырасти в дерево, которое сохранит данное навязанное ему искривление. Эффективность этого психологического метода была впервые обнаружена религиозными организациями, но, как мы все знаем, сегодня он интенсивно используется революционерами, которые сделали из государственных школ в Соединенных Штатах чудовищный инструмент для подрыва нашей цивилизации и ликвидации нашей расы. Осуществляемая ими деформация детских умов и характеров не относится к теме нашего обсуждения здесь, так как она в настоящее время не стимулирует религиозность, [58] за исключением того, что остановка роста врожденного интеллекта настолько оглупляет разум, что он становится восприимчивым к безудержным эмоциям и навязанным галлюцинациям.

---

[58] В отличие от духовных училищ, наши государственные школы, преданные революционному внедрению «демократии», естественно, больше всего озабочены губительным воздействием на характер наших детей с целью разрушить расовую душу. Например, как все мы знаем, школы интенсивно работают над тем, чтобы подстрекать неразборчивое совокупление детей в самом раннем возрасте, предпочтительно еще до половой зрелости, чтобы уничтожить их способность к сексуальной любви и тем самым сделать их неспособными когда-либо переживать самую большую из всех душевных радостей, которых требуют наши расовые инстинкты. Сам институт государственных школ, в которых перемешаны дети очень различного интеллекта, конечно же, приводит к преждевременному прерыванию развития врожденно превосходящих умов, и эта цель даже открыто признается в сопровождении слащавого хныканья о «непривилегированных» (если мы можем использовать это одно из самых отвратительно бредовых слов, придуманных мошенниками). Принуждение Арийских детей к тесному общению с дикарями является, очевидно, способом уничтожить их чувство собственного достоинства и их способность к культурному созиданию. Замечательное статистическое доказательство эффективности американских школ дано профессором Рэймондом Б. Кэттеллом в его «Новой этике от науки» (Raymond B Cattell, New Morality from Science, Нью-Йорк, 1972), стр. 378: «В начале этого столетия классические исследования Берта (1917, 1925), Чэсселла (1935) и Термана (1926) ясно показали бесспорную тенденцию, что малолетние преступники по своему интеллекту были ниже среднего уровня, а очень умные дети обладали в среднем превосходящим характером и эмоциональной стабильностью. В некоторых [недавних] исследованиях корреляция теперь приближается к нулю». (Курсив мой.) Этот выдающийся автор далее указывает на то, что нам необходимо (если, конечно же, мы не согласны с нашей ликвидацией) обучать наших граждан «обороне против психологической войны». Однако он не объясняет, как это можно сделать, не отменив финансируемые за счет налогов граждан инкубаторы для дурачья и центры по разведению преступников.

Помимо выработки условных рефлексов в раннем детстве, эмоциональная фиксация, необходимая для веры в невозможное, зависит от двух факторов (если исключить случаи очевидного безумия, временного или постоянного). Как это хорошо знают и крикливо отрицают покровители «демократии», люди – как от умственной лености, так и от страха перед неизвестным – пытаются уклониться от ответственности за решения, которые затронут их собственное будущее. Сентиментальная идеализация детства происходит не столько из забытья пролитых слез и боли, которую чувствуют в первые годы, сколько из воспоминаний о том состоянии счастья, когда все важные решения принимались родителями, которые защищали, одевали, кормили и учили ребенка, не требуя от него, чтобы он принимал какие-либо действительно значимые решения. Когда те счастливые годы проходят, взрослому страстно хочется какой-то замены потерянного родителя всякий раз, когда он сталкивается с необходимостью принять решение при таких обстоятельствах, когда не очевидно, какая из альтернатив была бы более благоприятна. Он хотел бы передать ответственность звездам, оракулам или предсказателям, а если он не может верить в подобные мошенничества, то он может, по крайней мере, сказать себе, что Большой папочка на облаках следит за ним и, если он будет хорошим мальчиком, то он убережет его от серьезного вреда. Политические теоретики, особенно если они «консерваторы», предпочитают забывать, что для масс, как и для детей, «свобода» – это просто свобода потворствовать прихотям и аппетитам, в настоящее время обычно в баре, где алкоголь даст им счастливый час, и можно будет выбрать женщину для ночных занятий физкультурой, но *alia aliis* [каждому свое], потому что в таких вкусах есть разнообразие. Если им дадут ту «свободу», которую они ценят, то они будут приветствовать любой диктат, если только он не физически болезненный, который избавит их от неприятных мыслительных усилий для принятия решений, последствия которых для их собственных жизней могут быть проблематичными. Их можно отвлечь от самых пассивных уступок в решениях, принятых за них, только перспективой большего количества денег, то есть потаканием большему количеству прихотей и чувственных аппетитов. Свобода, о которой так постоянно и безуспешно разглагольствуют «консерваторы», желаема только аристократией, и голый факт состоит в том, что в любом обществе свободой в полной мере может обладать лишь привилегированное меньшинство, которое может быть либо аристократией, либо хозяевами охлократии. Учитывая этот факт, легко увидеть, почему индивиды, особенно если они, как в настоящее время, чувствуют ужасное одиночество людей без статуса или надежных социальных связей, ощущают потребность в надежной опоре на какое-нибудь сверхъестественное существо, *faute de mieux* [за неимением лучшего].

Как мы уже отметили ранее, выживание антропоидов, которые эволюционировали в несколько человеческих видов, стало возможным лишь благодаря их объединению в стаи с целью охоты и самозащиты. Сама функция стаи требует, чтобы ее участники чувствовали единодушие, без которого стая была бы лишь случайным сборищем беспомощных особей, и этот закон стаи зародился и воспроизводился в нашем подсознании на протяжении ста тысячелетий или более,

еще до того, как мы обрели узнаваемо человеческий вид. Это настолько глубоко встроено в наше существо, что все знают, что стаи, группы, банды и толпы как целое способны к коллективному действию, на которое сознательно пошли бы лишь немногие или вообще ни один из состоящих в них индивидуумов. Нам нет нужды изучать *la psychologie des foules,* [59] чтобы осознать этот очевидный факт, и нам не нужно подвергать сомнению сообщение компетентных наблюдателей, что единодушие эмоции или цели в большой толпе может вызвать в наблюдателе и еще больше в лидере, который временно является хозяином толпы, отчетливо заметное ощущение, которое сравнимо с электрическим зарядом в атмосфере. [60]

Как бы то ни было, но всем также известно, что толпа, как бы сильны ни были ее коллективные эмоции, неспособна к действию без какой-то инициативы, какого-то минимума лидерства, по крайней мере, со стороны некоего отдельного человека. Толпа, сильно заряженная эмоциями, походит на перенасыщенный раствор (например, тиосульфата натрия), который будет оставаться жидкостью, пока какой-то маленький шок – не больше, чем легкое постукивание карандашом по внешней стороне колбы – не заставит его немедленно кристаллизоваться. Здесь мы снова видим закон стаи, которая всегда следует за лидером, индивидуумом, которого социальные биологи нынче называют вожаком стаи, альфа-самцом или, при некоторых обстоятельствах, альфа-самкой. Когда, например, волки собираются для охоты, доминирующая особь (которая, кстати, берет на себя самый большой риск) руководит, а остальная часть стаи следует за ней со спонтанным единодушием. После достижения общей цели стая рассеивается, но по территории, которую она взяла для себя, и которую патрулирует ее вожак. Однако члены стаи сохраняют чувство своего единства и осознают его, когда сталкиваются с одним из своих товарищей. [61] В человеческих стаях единодушие в общей цели или вере

---

[59] Я ссылаюсь, конечно же, на авторитетный труд Гюстава Ле Бона «Психология масс» (Париж, 1895), работу одного из действительно великих людей, кто предпринял объективное исследование человеческого общества. Его произведение осуждают профессора, участвующие в мошенничестве «общественных наук», так как оно отрицает многие из мифов, которые они пропагандируют ради собственной прибыли и зачастую, несомненно, с целью компенсировать пессимистическое осознание своей собственной неполноценности. Есть английский перевод, который я не видел.

[60] Насколько я знаю, не проводилось никаких исследований этого явления. У него, вероятно, нет никакого отношения к модному ныне мошенничеству, названному «экстрасенсорным восприятием». Может существовать некоторая связь со способностью собаки ощущать настроение ее хозяина, когда последний, насколько ему известно, не выказывал этого настроения словом или жестом. Способность многих животных ощущать страх в человеке обычно объясняется их чувством обоняния, а гнев стимулирует железистые реакции, которые собака может почувствовать таким же образом. Такое восприятие кажется очень маловероятным в людях. Предположение о мозговых волнах было бы необоснованным ввиду отсутствия научных исследований явления, которое может быть иллюзорным.

[61] Много общих черт между волками и людьми делают исследование общественной организации волков особенно интересным; см. недавнюю работу Барри Холстана Лопеса «О волках и людях» (Barry Holstun Lopez, Of Wolves and Men, Нью-Йорк, 1978). Кстати, странным и, возможно, существенным представляется то, что к волкам теперь большинство людей относится с враждебностью и отвращением, тогда как наши Арийские предки смотрели на них с оправданным восхищением, что сегодня очевидно из количества мужчин, которые носят такие имена как Ральф,

удовлетворяет древний инстинкт вида и, несомненно, приятно само по себе. Ради этого эмоционального удовлетворения люди в целом готовы верить тому, во что верят их товарищи по стае.

Этот человеческий тропизм [62] можно отличать от использования религии как инструмента социального сплочения, которое мы обсуждали выше. Сплоченность необходима для крупных обществ, которые действительно создают эмоциональное единодушие для достижения неотложной общей цели – обычно защиты своего государства или разграбления чужого. Когда более крупное единство не навязывается каким-либо стрессом, эмоциональное удовлетворение от принадлежности к стае обычно ощущают лишь сравнительно небольшие группы, самое большее – несколько десятков или сотня: вероятно, это предельный размер стай или малочисленных племен наших доисторических предков. Это, вероятно, объясняет распад всех религий на маленькие секты, когда никакая внешняя сила не принуждает их к формальному единству ради общей цели, превосходящей или сдерживающей склонность хранить верность сравнительно небольшой стае, что обычно выражается в формировании фракций в рамках многочисленной секты. Для наших целей в данной работе мы должны лишь отметить тот психологический факт, что согласие на определенное суеверие, и даже вера в него – это та цена, которую большинство людей готово заплатить за утешительное чувство принадлежности к стае, чувство, являющееся определенным рудиментом инстинкта, внедрившегося в наших далеких предков, когда принадлежность к стае была вопросом жизни или смерти.

Я попытался объяснить самыми простыми психологическими терминами постоянство веры в религиозные догмы, которые демонстративно требуют веры в то, что невозможно. Этот анализ применим только к мирянам, [63] верующим, паствам, и т.п. Профессиональные святые мужи, которые сделали религию своим бизнесом, неизбежно представляют собой совершенно иной менталитет.

Рауль, Рудольф, Адольф, Рэндал, Рэндолф, Рольф, Ульрик, Вольфрам, Пандульф, Бардольф и, несомненно, многие другие, которые я не могу вспомнить в данный момент. [Нельзя не упомянуть в этой связи позитивное отношение к волкам в ряде славянских мифов и сказок («Иван Царевич и Серый волк»), и, конечно, почитание волка у древних тюрков, выбравших «небесного» («серого») волка (кёк бёри, бозкурт) своим священным животным. – прим. перев.]

[62] Тропизм – движения органов растений в ответ на одностороннее действие света, силы тяжести и других факторов.

[63] Мирянин - тот, кто живёт в обычной светской жизнью.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ:
ЗОРОАСТР

Закончив, наконец, *пролегомены* [предварительные рассуждения], и повторив оговорку, что мы пытаемся лишь кратко резюмировать самые существенные элементы темы, которая почти бесконечно сложна, мы теперь можем обратиться к самому христианству, которое, как все должны это знать, не было Арийской религией. Его можно кратко описать как иудаизированную форму зороастризма. И действительно, эта связь признается в христианских евангелиях, которые утверждают, что зороастрийские священники (маги, волхвы) присутствовали при рождении Иисуса, а некоторые из евангелий определенно приписывают их прибытие пророчеству, сделанному Зороастром. [64] Однако как мы покажем ниже, был и третий основной источник христианской доктрины, который мы можем идентифицировать как буддизм. Поэтому мы отметим – настолько кратко, насколько это возможно – три основных элемента этой религиозной смеси.

Так как термин «маговский» (*Magian*, «религия магов») лучше всего оставить для целой группы связанных религий и культуры, которую они представляют, я буду использовать слово «зороастризм» для обозначения определенной религии,

---

[64] Зороастр, несомненно, был упомянут во всех версиях истории об Ироде и магах, но отсылка на него была сильно смягчена в версии Евангелия от Матфея, которую отцы церкви решили включить в свою антологию, когда они компоновали свой «Новый Завет» где-то в конце четвертого столетия. В существующей версии магов заставили сказать (2.5), что христ (Мессия), которого они ищут, родится «в Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка». Пророком, конечно же, является Зороастр, имя которого сохранилось в других евангелиях, например, в Euangelium Infantiae (Арабское евангелие детства), где сказано (6):

«Случилось же так, что когда родился Господь Иисус в Вифлееме иудейском во времена царя Ирода, пришли вдруг с востока маги в Иерусалим, как и предсказывал Зерадушт (Зороастр). И были с ними дары – золото, ладан и смирна. Поклонились они Ему [младенцу Иисусу] и дары свои поднесли». Намерение, конечно же, состояло в том, чтобы представить Иисуса как Спасителя (Саошьянта), которого Зороастр ожидал как своего возможного преемника. Христианская форма пророчества, несомненно, сохранилась в писаниях Соломона, Епископа Басры и Теодора бар Коная. Зороастр якобы сказал своим любимым ученикам:

«В конце времен и при окончательном распаде, ребенок должен быть зачат в матке девственницы... Они схватят его и распнут его на дереве, и небеса и земля должны будут скорбеть о нем... Он придет [снова] с воинствами света, и будет принесен на белых облаках.... Он должен быть потомком моей семьи, потому что я – это он, а он – это я: он находится во мне, и я нахожусь в нем». Пророчество, вложенное в уста Зороастра в таком виде, первоначально упоминало его сына, который должен будет родиться от девственницы чудесным способом, который я упомяну ниже, что не могло быть приспособлено к истории, поместившей рождение в Иудею. – Текст Euangelium Infantiae, который я упоминал выше, можно найти в Codex Apocryphus Novi Testamenti, отредактированном Тбило (Ioannes Carolus Tbilo, Lipsiae, 1832), том I, стр. 71. Это одно из евангелий, которое содержит запись о первом чуде Иисуса (опуская известное, перечисленное в Евангелиях от Иакова): когда один безумный мальчик попытался украсть одну из пеленок Иисуса, которые были выстираны и висели на веревке для белья, то прикосновение к ткани, которая была, конечно же, наполнена божественной силой, изгнало демонов из его тела, и он стал нормальным. «Апокрифическое» евангелие – это то, которое отцы церкви исключили из своей коллекции, когда они, наконец, договорились о содержании «Нового Завета».

также называемой маздаизмом. Эта религия была, согласно традиции, основана Спасителем, которого я буду называть наиболее знакомой формой его имени, полученной из греческих упоминаний, «Зороастр», хотя его имя на персидском языке звучало примерно как Заратустра (*Зараюстра, Заратюстра, Заратост, Зарадост, Зарахуст, Зардуст* и т.д.). [65] Это имя, возможно, не индоевропейское; ученые, которые думают, что оно должно быть индоевропейским, предлагали различную этимологию, большинство вариантов которой утверждают, что имя этого человека имело какое-то отношение к верблюдам. [Чешский ученый Отакар Клима (1908-1988), знаток древней иранской истории, в своей книге «Слава и упадок Древнего Ирана» пишет, что «уштра» на древнеперсидском языке означало «верблюд». – прим. перев.]

Некоторые ученые считали, что такой человек на самом деле никогда не существовал, что он – просто мифическая фигура, к имени которого были привязаны разнообразные религиозные высказывания и чудесные истории, придуманные последующими поколениями святых мужей. [66] Они правы в том, что ни один человек никогда не смог бы сказать и сделать даже десятой доли того, что традиция приписывает Зороастру, но то же самое можно было бы сказать и относительно Гаутамы, Вардхаманы, Иисуса, Магомета и других основателей новых религий, которые, что общепризнано, были историческими фигурами, хотя их лица и карьеры почти полностью истёрлись в джунглях мифов и суеверий, выросших на их могилах. Кроме того, как рассудительно заметили многие ученые, существование Зороастра практически подтверждается *Гатами*, примитивными гимнами, и якобы вдохновленными божественной силой высказываниями, приписанными ему в дошедшей до наших дней Авесте. [67] Как точно сформулировал профессор К. Ф.

---

[65] В дальнейшем я буду давать точную форму имен собственных при их первом появлении в тексте и после того обойдусь без диакритических знаков [изменяющих значение буквы], которые я обязательно сохраняю в словах, напечатанных в курсиве. В транслитерации древнеперсидского языка, авестийского и пехлеви, я использую старую систему, которая когда-то была стандартной. Более современные транслитерации, найденные в недавних исследованиях (например, у Мэри Бойс и Марияна Моле, которых я цитирую ниже), более точны, но требуют использования специальных шрифтов, которые напрасно раздражали бы печатников этой книги.

[66] Для удобного обзора догадок о Зороастре и времени, в котором он жил, см. соответствующие главы в «Иранцах» А. Кристенсена (A. Christensen, Die Iranier, München, 1933. Handbuch der Altertumswissenschaft, Abteilung III, Teil 1, Band 3, Abschnitt 3, Lieferung 1). Естественно, эта книга не охватывает более свежие исследования, особенно Моле и мисс Бойс, которые я упомяну ниже.

[67] Гаты формируют двадцать семь (№ 28-54) из семидесяти двух глав или частей Ясны, являющейся первой из пяти частей, на которые разделена дошедшая до нас Авеста. Язык большинства Гат заметно отличается от языка, называемого сегодня авестийским, языка остальной части Авесты, и, по-видимому, он более архаичен, чем авестийский. Остальная часть Авесты даже не претендует на то, чтобы быть трудом Зороастра, и является, очевидно, работой поколений богословов, которые усердно укрепляли свою монополию на новую религию. Так как Зороастр выдает свои эмоции в некоторых из Гат, но ссылается на очень немногие факты, нам приходится опираться на остальную часть Авесты, чтобы узнать предания о его жизни. Авестийский стал мертвым языком задолго до окончательной редакции и исправления текста во времена Хосрова I, поэтому значение авестийского текста было разъяснено в комментариях, написанных на пехлеви, и подавляющая часть теологических писаний была написана после того именно на этом языке.

Гельднер, Зороастр, который говорит в Гатах, «является полной противоположностью удивительного персонажа более поздней легенды... Ему... приходилось столкнуться не только со всеми формами оппозиции извне и с неверием и равнодушием собственных сторонников, но также и с внутренними предчувствиями его собственного сердца об истинности и окончательной победе его дела. В один момент надежда, в другой – отчаяние... здесь стойкая вера в быстрый приход царства небесного, там мысль о спасении бегством – таков диапазон эмоций, которые находят свое непосредственное выражение в этих гимнах». Немыслимо, чтобы богословы захотели бы или смогли бы подделать такой документ как доказательство великолепного триумфа Сына Бога, который освободил мир от бесконечного зла, и чье устроенное богами рождение сопровождалось всеми чудесами, которые Спасители обычно совершают при рождении. Гаты должны представлять собой – по крайней мере, приблизительно – те тексты, которые были уже довольно хорошо известны еще до того, как святые мужи принялись разрабатывать религию для изумления своих клиентов.

Поэтому нам не следует сомневаться в том, что действительно существовал некий человек, имя которого было чем-то вроде «Заратуштра» или «Заратустра», в том, что он предложил радикально новую религию, которая, как он утверждал, была открыта ему божественной силой, и что большинство Гат имеет довольно близкую связь с тем, что он на самом деле говорил. Следовательно, он был изобретателем базовой структуры зороастризма – и это всё, что нас в данном случае интересует – и,

---

Б***о***льшая часть этих материалов была уничтожена мусульманами, когда они завоевали Персию, но и того, что осталось, достаточно, чтобы отпугнуть любого человека как огромным объемом, так и теологической глупостью, которую эти писания, естественно, демонстрируют. Выдержки из этого материала цитировались Моле. Я не буду врать, что прочел больше, чем избранные фрагменты этой макулатуры. Перевод Авесты, который я использовал, был сделан Джеймсом Дармстетером (James Darmesteter), Le Zend-Avesta (3 тома, Париж, 1892-93).

Авестийский (не говоря уже о пехлеви!) – это грубый язык по сравнению с санскритом или даже с древнеперсидским языком. Возможно, существенно, что зороастрийские священные писания, известные грекам, были написаны на арамейском языке, который был тогда священным языком магов, хотя они использовали греческий язык в общении с более цивилизованными людьми. Арамейский язык, должно быть, также был языком магов во времена Персидской империи, так как древнеперсидский язык, родной язык правящих Арийцев, не был понятен широким массам подданных, тогда как сами персы использовали в качестве официального языка государственного управления арамейский язык, семитский диалект, который был общеизвестным всюду в их империи и использовался на международном уровне вне их границ. Арамейский язык, возможно, был языком церемоний и проповедей магов даже перед персами. Авеста (название, возможно, не индоевропейское), вероятно, поэтому была переведена с арамейского языка на декадентскую форму персидского языка, так что авестийский, который действительно во многом напоминает испорченный персидский язык последних дней империи, мог быть поздним, а не ранним диалектом. Я должен был бы посчитать доказательства семитского оригинала убедительными, кроме очевидной подлинности Гат, которые, кажется, действительно отображают то, что говорил Зороастр. Это препятствие, однако, не является непреодолимым. Вполне вероятно, что многие из высказываний, приписанных Иисусу в «Новом Завете», действительно были сделаны человеком с этим именем, но никто не поверит, что он говорил на греческом языке с жидовским простонародьем. Что касается целей данной книги, то я удовлетворюсь здесь тем, что оставлю этот вопрос открытым.

естественно, он не несет ответственность за более поздние неисчислимые дополнения и приукрашивания, которые были добавлены теологической изобретательностью магов.

Имеются сомнения относительно времени, в которое жил основатель данной религии. На жреческие предания, которые приписывают ему фантастическую древность, конечно же, внимания обращать не стоит. Недавно один ученый, англичанка доктор Мэри Бойс, следуя за Эдуардом Мейером и другими, датировала его жизнь где-то между 1300 и 1000 годами до нашей эры на основе неуверенных гипотетических определений вероятной даты пастушеского, скотоводческого общества, которое, кажется, подразумевается в некоторых из Гат, предполагаемой даты предположительного раскола в ведических культах и последней генеалогии Зороастра, которая должна иметь не большее значение, чем генеалогии в «Новом Завете». Единственные надежные исторические свидетельства показывают лишь то, что Зороастр начал пропагандировать свою религию за некоторое время до того, как Кир Великий завоевал Мидию в 550 году до нашей эры или вскоре после того. Намного более ранняя дата сделала бы крайне маловероятным, что высказывания Зороастра могли быть записаны и сохранены с некоторым подобием точности. По всей вероятности, даты жизни Зороастра, около 628 – около 551 года до нашей эры, принятые большинством современных ученых, по крайней мере, приблизительно, правильны.

За исключением претензий жидов, что Зороастр якобы был жидом, [68] все традиционные предания единодушны в том, что он был Арийцем. Его мать обычно

---

[68] Жиды утверждали, что Зороастр был жидом и писал на иврите; см. тексты, упомянутые и процитированные у Биде и Кюмона (Bidez & F. Cumont, Les Mages hellenisés, Paris, 1973 = 1938, том. I, стр. 50, прим. 3,4, и том II, стр. 103-104, 129, 131). Вполне возможно, что Зороастр действительно был жидом, истинным именем которого было Барух; что он родился в колонии жидов, которые, согласно жидовским преданиям (Reg. IV [= Четвертая Книга Царств], 17.6 & 18.1), были в Мидии, и что, как жиды так часто делают, он притворялся Белым, чтобы начать подрывную религиозную агитацию и эксплуатировать доверчивость гоев. Кроме того, как мы отметили ранее, маги утверждали, что были племенем несравнимо святых людей в Мидии, и имеются некоторые признаки того, что в расовом отношении они отличались от персов, то есть что они не были Арийцами. Расовое высокомерие, еще большее, чем у индуистских брахманов, также звучит по-жидовски в их настойчивом требовании, чтобы их божественный ихор [кровь богов – в древней Греции] передавался через женщин (отсюда их знаменитая догма «*xvaetvadatha*», идея близкородственных браков, о чем я упомяну позже). Однако хронология скорее поддерживает представление, что жиды переняли и приспособили для себя методы, которые были настолько успешными и прибыльными для магов. Маги, возможно, были жидами, и это объяснило бы многое! Но нет никаких независимых доказательств того, что они были жидами, и так как обман и подделка – просто обычные расовые привычки у жидов, то наиболее надежным было бы предположить, что их утверждение о принадлежности Зороастра к их расе было лишь еще одним примером их политики воровства любой уважаемой исторической или мифической фигуры, которая укрепила бы их собственные претензии на расовое превосходство. Имеются неисчислимые примеры этого жидовского обычая, но один из самых наглых можно найти в Первой книге Маккавейской, 12.19-23: поддельное письмо, якобы от царя Спарты, который проконсультировался у своих исторических архивов и обнаружил – о, какая радость! – что спартанцы были потомками Авраама и поэтому родными братьями священной расы жидов в

описывается как мидянка, а ее муж, как иногда говорят, был той же национальности; однако чрезвычайно большое количество мест идентифицированы как место его рождения и детства. Почти все они – города или районы в древней Мидии, Атропатене или Бактрии (приблизительно части современного Ирана, которые лежат к югу и к западу от Каспийского моря или на северо-востоке Афганистана с советской территорией непосредственно к северу от него).

Само собой разумеется, Зороастр, как это *de rigeur* [обязательно] для всех Спасителей, родился от девственницы, оплодотворенной верховным богом, который послал эманацию себя (*хварено*), чтобы оплодотворить ее, что очень похоже на то, как Яхве послал Святого духа, чтобы осуществить свои чадолюбивые желания в «Новом Завете». Его поразительному рождению предшествовали, его сопровождали и за ним последовали чудеса, которые являются общепринятыми в таких случаях. [69] Он, однако, действительно отличался от других Спасителей одним действием: как только он появился из тела матери и ослепил свидетелей сверкающим светом своего божественного родителя, он громко засмеялся, показывая этим, что жизнь хороша, и ею нужно наслаждаться.

Согласно традиции, Зороастр, несмотря на многочисленные и разнообразные преследования и искушения со стороны неутомимых сил зла, оставался дома, где бы этот дом ни находился, пока ему не исполнилось двадцать лет. Тогда он попрощался со своими родителями и то ли стал бродягой, то ли удалился в пустыню, чтобы размышлять о разных вещах в течение десяти лет. Однажды утром, когда ему было тридцать лет, он на рассвете пошел на реку, чтобы искупаться и принести пресную воду для утренней чашки *хаомы*. Когда он вышел из воды, к нему обратился архангел Воху Мана («Благие намерения»), который провел его душу на аудиенцию к Ахурамазде, верховному богу. Сидящий на престоле в славе и окруженный шестью архангелами, которые являются его основными помощниками, Ахурамазда

Иерусалиме. Первые две из четырех книг «Маккавейских» включены во многие христианские Библии как «апокрифические книги», как будто они могли быть более «апокрифическими» (т.е. недостоверными в общепринятом смысле этого слова), чем остальная часть этого сборника.

[69] Большинство чудес было перенято христианами в том или другом из их многочисленных евангелий, хотя не обязательно во всех евангелиях, которые были включены в антологию Отцов. Одно такое чудо, у которого есть хоть какое-то, пусть и небольшое теологическое значение, присутствует в большинстве версий Евангелия от Иакова (который был братом Иисуса и посему должен был знать!). Там сказано, что когда Иисус родился, время остановилось на какой-то момент, и всё на земле временно застыло, как бы окаменело, как во многих сказках, вроде «Спящей красавицы»; солнце было неподвижно, и птицы, летящие высоко в воздухе, замерли на месте и не двигались; руки людей, подносившие еду к своим ртам или поднимавшие посох, чтобы ударить, остановились на полпути в намеченном действии, и т.д. Затем время возобновилось снова. Учитывая зороастрийское учение о времени, которое христиане повторили лишь в нескольких фразах, которые они и не пытались понять, заимствование идеи в этом популярном евангелии является важным. Распространенная версия Евангелия от Иакова переведена на английский язык в «Исключенных книгах Нового Завета», переведенных лордом-епископом Дж. Б. Лайтфутом и другими (Excluded Books of the New Testament, translated by Lord Bishop J. B. Lightfoot et al., Лондон, без даты [1926?]).

открыл Зороастру Истинную Религию и приказал ему, чтобы он спас человечество от гибели, проповедуя эту религию всему миру.

Сказанное выше – также подтверждаемое упоминаниями в Гатах – должно было быть тем рассказом о его Откровении и его проповеднической деятельности, который Зороастр рассказывал своим новообращённым, и, очевидно, есть только три возможных объяснения, а именно:

1. Он действительно разговаривал с Ахурамаздой, который проинструктировал его об Истинной Религии, которую вы и я должны исповедовать, если мы не хотим быть обреченными на вечные муки.

2. У него были галлюцинации – или от перевозбужденного воображения, или после потребления *хаомы* – то есть галлюциногенного препарата, который делали из истолченных и растворенных в воде активных ингредиентов священного гриба, красного мухомора (*Amanita muscaria*). [70]

3. Он сознательно придумал этот вымысел, чтобы обманывать доверчивых людей – странная методика для человека, который утверждал, что его Миссия в жизни состояла в том, чтобы бороться с обманом. Придумал ли он такое мошенничество, чтобы выставить в выгодном свете определенный моральный кодекс, поразивший его воображение, или чтобы возвеличить себя выше обычных людей, это уже второстепенный вопрос, не имеющий большой важности.

Первое из этих объяснений покажется убедительным только парсам [последователям зороастризма], так что мы остаемся с двумя другими. Какую бы из альтернатив мы ни выбрали, зороастризм будет в равной мере подложным. Была ли эта религия продуктом временного безумия или хитрой уловки, она – независимо от того, насколько многочисленны ее сторонники и велико ее влияние – не могла быть ничем иным, как эпидемической галлюцинацией, введением в заблуждение и еще одним примером человеческой доверчивости.

Печальный факт, однако, состоит в том, что многие из наших современников, включая некоторых, кто изучал методы гуманитарных наук, были настолько приучены христианством и его производными к тому виду непоследовательности, который Джордж Оруэлл называет «двоемыслием» (*doublethink*), что они будут утверждать, что то, что ложно, на самом деле истинно. Люди, в которых религиозность сильнее разума, выберут теорию, что Зороастр был «искренним», то есть что он был сумасшедшим, который не мог отличить свои галлюцинации от реальности, и затем они станут уверять вас, что этот сумасшедший человек провозгласил «духовные истины» «чрезвычайно большой ценности» для «спасения» целого мира или, по крайней мере, «всего человечества». Данное странное, но общераспространенное явление – факт, с которым сегодня должны считаться все

---

[70] См. выше, стр. 52.

исследователи религии или общества, однако такое отклонение может быть объяснено с точки зрения психологии или психопатологии.

Зороастр, после получения своего откровения и указаний от бога, блуждал с места на место по всему Ближнему Востоку, проповедуя Евангелие всем, кого он мог убедить себя выслушать, в течение десяти лет, естественно, сталкиваясь с преследованиями и искушениями, которые обязательны для всех первоклассных Спасителей. И хотя в шести отдельных случаях ему давал советы по очереди каждый из тех шести архангелов, ему не удалось обратить в свою веру ни одного человека. Однако в конце этих десяти лет, он, по всей видимости, вернувшись назад на свою родину, где бы та ни находилась, встретил своего двоюродного брата в лесной глуши и убедил этого человека стать его первым учеником и «вождем всего человечества», ведущим его к Правде.

Поощренный своим первым успехом и новой консультацией с Ахурамаздой, Зороастр, отныне сопровождаемый его преданным помощником, проповедовал Евангелие бесплодно в течение еще двух лет, бродя с места на место, пока они не пришли в Бактрию. Там его проповеди рассердили местных «язычников», слуг Злого, которых он победил на дебатах, после чего те оклеветали его, обвинив в тридцати трех смертных грехах и подбросив доказательства его безнравственности, которые были обнаружены при обыске его багажа. Соответственно, он был арестован и брошен в тюрьму, где он перенес голод, жажду и различные мучения в течение долгого времени, пока он не совершил чудо, излечив любимого коня царя от сверхъестественной болезни. Освобожденный и получивший царское покровительство, Зороастр принялся за работу, чтобы спасти душу легендарного или же не поддающегося точной идентификации царя Бактрии Виштаспы, и после двух лет убеждения довел царя до состояния, когда тот признал истинность откровения Зороастра, однако настаивал на том, что его грехи были слишком многочисленными, чтобы быть прощенными богом. Затем Зороастр совершил чудо, которое кажется подлинным: он дал царю большую чашу хаомы и ввел его в транс, во время которого монарх увидел славу Божью и все чудеса Небес. [71] Когда он пришел в себя, у Виштаспы была Вера.

Согласно одной версии, Виштаспа, увидев Свет, занялся спасением душ своих подданных, давая им выбор: стать праведными или стать трупами. Затем он мобилизовал свою армию и начал священную войну, чтобы дать соседним народам такую же свободу выбора.

Зороастр, тем временем, похоже, совершил еще одно чудо. Он поднялся на вершину горы, и тогда силы зла в последнем отчаянном усилии обрушили на него огненный дождь, который охватил пик огнем и плавил скалы, но, естественно, оставил Спасителя невредимым, так что тот спокойно спустился вниз с горящей

[71] Зороастр, как обычно говорят, приправлял хаому «мангом» (mang), которым, вероятно, был гашиш. Это бы продлило и усилило опьянение и простимулировало бы воображение накачанного наркотиками человека. Из такого источника получаются райские чудеса.

горы и стал учить Истинной Религии собравшееся племя магов, которое после этого стало его апостолами и священниками. [72] Так, наконец, началось быстрое распространение новой религии на всех территориях, которые в будущем станут Персидской империей.

Согласно общему правилу, Спасители должны презирать женщин, [73] однако Зороастр был исключением, как приличествует тому, кто своим смехом при рождении подтвердил, что жизнь стоит того, чтобы жить. Как только он утвердился при дворе царя Виштаспы, он женился, но, будучи склонным к умеренности, он довольствовался тремя женами, из которых третья, Хвови, была дочкой первого

---

[72] Примечательно, что слово «маг» – «Magus» (magu) - никогда не использовалось Зороастром и, как говорят, оно не появляется ни в одной части Авесты. В действительности он использует слово «maga», которое нервировало лингвистов, желавших его идентифицировать, однако, по всей вероятности, это был неологизм, который выдумал сам Зороастр, чтобы выразить святость своей новой религии. (Если он имел в виду ведический термин «magha», «дар, подарок», то он хотел, чтобы придуманный им неологизм выражал нечто вроде христианского «дара Святого Духа» или «подарка Бога», то есть Спасение.) Ясно то, что спасенные мужчина или женщина являются «magavan», и так как Зороастр изобрел религию духовного эгалитаризма, то каждый «magavan», независимо от расы, пола или социального положения, является в религиозном отношении равным всем остальным. Поэтому этот термин не может быть эквивалентом «Magus», профессионального святого человека с наследственным превосходством над обычным смертным. Единственными терминами для людей с религиозной функцией были (1) zaotar, который, как обычно считается, является эквивалентом ведического «hytr», который, как мы отметили в первой части этого эссе, первоначально должен был быть главой домашнего хозяйства в своей функции жреца; и (2) athravan, слово, которое, вероятно, означало что-то вроде «разжигающий огонь», даже при том, что лингвисты уверяют нас, что оно не могло происходить от слова atar, «огонь». (И хотя лингвисты уверяют нас, что оно не должно было происходить от этого слова, но ведическое слово «atharvan», однако, как бы это ни противоречило теориям лингвистов, действительно обозначало человека, который должен был заботиться о поддержании огня в алтаре и, возможно, о соме.) Зороастр (если Гата 42 принадлежит ему) использует слово «athravan» для обозначения им миссионеров, которые должны нести его Евангелие всему миру. Поэтому можно было бы утверждать, что он не предусматривал создание профессионального духовенства, однако, желал он его создания или нет, его религия неизбежно потребовала услуг специалистов, экспертов по праведности, которые точно знали, что Ахурамазда хотел от каждого человека при любых обстоятельствах его смертной жизни.

[73] Иисуса нельзя считать исключением, так как Евангелие от Петра, представляющее его путешествующим с Марией Магдалиной как одной из его учеников, и Евангелие от Филиппа, рассказывающее о том, что его ученики мужского пола ревновали к его страсти к ней, были отвергнуты той христианской сектой, победы которой над всеми остальными добились отцы церкви. Если бы сегодня у нас было полное Евангелие от Филиппа, то мы, вероятно, узнали бы, что оно следовало традиции, согласно которой Мария Магдалина была любовницей (или, наряду с Саломеей, одной из любовниц), которая сопровождала Иисуса в его евангелистских странствованиях, и которую он имел привычку целовать и ласкать публично. Это предание заставляло Отцов нервничать при одной мысли о нем, и они также вырезали, в довольно раннее время, гомосексуальный эпизод в Евангелии от Марка, которое они действительно включили в свою антологию. Они сделали из своего Иисуса отшельника, аскета, который осуждает секс и презирает женщин, даже свою Девственную мать, к которой он высокомерно обращается как «женщина» и сообщает, что не желает иметь с ней никаких дел.

министра царя. [74] От своих нескольких жен у Зороастра были сыновья и дочери, о карьерах которых подробно рассказывается в легендах. Еще более необычно то, что своими странными отношениями с Хвови он зачал сына, который еще не родился, но чье рождение, согласно одной хронологии, может ожидаться приблизительно в 2341 году нашей эры. [75] Большинство Спасителей после своего вознесения на

[74] Это, несомненно, изначальная история, и она могла даже быть подлинной в том, что касается описания ей браков Зороастра. Я настаиваю на ее значимости: более поздняя традиция утверждает, что он женился на семи своих сестрах и сестре-дочери, которую его мать родила от него самого. Это было, конечно же, придумано магами, чтобы поддержать их догму «xvaetvadatha» и свои собственные специфические вкусы. Законность брака между братом и сестрой непременно признается всеми религиями, которые, как зороастризм и христианство, учат, что все люди – потомки одной изначальной пары мужчины и женщины. Христианские богословы с трудом пытаются выкарабкаться из очевидных следствий мифа об Адаме и Еве, но зороастрийские богословы логически принимают миф, что первой парой были Машйа (Masi) и Машйана (Masani), которые были близнецами. [На авестийском языке эти персонажи носят имена Мартйа и Мартйанаг – прим. перев.] (Феминисткам стоит отметить, что первая леди мира не была какой-то запоздалой мыслью, поспешно произведенной из запасного ребра, но, как и должно быть в эгалитарной религии, была сестрой-близнецом ее мужа и появилась на свет в тот же самый момент, что и он, равный ей.) Думал ли Зороастр о логике этого мифа (или даже знал ли он о нем), я не знаю. Возможно, конечно, что он не женился на сестре, потому что все его родственники остались дома (где бы этот дом ни находился), однако важно то, что согласно ранней традиции, он этого не сделал. Специфическим в богословии магов представляется доктрина, что человек приобретает большой «лакомый кусочек» религиозной добродетели при наличии половых сношений со своей матерью. Они, несомненно, придумали догму «xvaetvadatha» (близкородственный брак, инцест), чтобы оправдать браки с сестрами, матерями и дочерями, благодаря которым они спасали божественный ихор своей святой расы от любой опасности генетического загрязнения. И я совершенно уверен, что они также - и по той же самой причине – усилили космологический миф, придумав Гайомарта, старшая сестра которого зачала его от своего отца и, в свою очередь, сама родила от Гайомарта близнецов, которые затем населили мир. Я поэтому рассматриваю строфы 3-6 из Гаты 73 как подделку жрецов. Я нисколько не заинтересован в защите этики Зороастра; я просто обращаю внимание на замечательный пример методов, с помощью которых мелкие торгаши спасением манипулируют своими клиентами.

[75] Когда Зороастр был занят совокуплением с Хвови, у него случился вневагинальный оргазм, и его сперма была взята ждущими ангелами (фраваши, fravasi) в озеро Каянсих (Кансаойя), где ее охраняют ангелы (согласно одному подсчету, их там 99 999) и будут охранять вплоть до назначенного дня, всё еще в очень отдаленном будущем, когда ничего не подозревающая девственница искупается в озере, будет оплодотворена этой спермой, и (к своему удивлению) родит нового Спасителя. Если вы сомневаетесь в этом факте, вам нужно лишь приехать к озеру Каянсих (если вы сможете определить его местонахождение), и вы увидите, что оплодотворяющая эссенция пылает в глубинах озера как три лампы. Она похожа на три лампы, потому что она божественна. Позже зороастрийские богословы развили этот миф, чтобы дать Зороастру трех сыновей (от такого же количества девственных купальщиц); они последовательно будут Спасителями с промежутками в десять тысяч или одиннадцать тысяч лет. Читая Гаты, создается такое впечатление, будто бы Зороастр ожидал Последнего суда в недалеком будущем, хотя и не обязательно при жизни своих учеников. Но, в отличие от Иисуса в «Новом Завете», он не был столь опрометчив, чтобы установить крайний срок для эсхатологического Большого взрыва, и не оставил своих профессиональных преемников с неловкой задачей придумывать объяснения постоянной задержки запланированного события. Единственным правдоподобным объяснением, конечно же, был известный миф о Вечном жиде, который – и это должно быть отмечено – намеренно появлялся в Европе восемнадцать раз между 1575 и 1830 годами, чтобы вновь заверить истинно верующих, и даже посетил Солт-Лейк-Сити в 1868 году. Легенда эта была значительно

Небеса либо лично возвращаются на землю в славе, чтобы закончить свою работу, либо перевоплощаются в новом теле, однако и здесь Зороастр также показал определенную новизну. Выполнив свою миссию на земле и достигнув вечного блаженства, у него не будет никакой потребности прерывать свое райское существование и предпринимать новую миссию, так как он, если можно так выразиться, пока был на земле, прозорливо посадил семя, из которого через определенное время появится его сын и преемник Саошьянт (Сошан), который окончательно освободит мир от зла, воскресит мертвых, будет председательствовать на Последнем суде и затем *отменит пространство и время*, чтобы начать эру прекрасного, неизменного счастья для своих верующих. Поскольку Зороастр – сын Ахурамазды, то сын Зороастра станет последним Спасителем.

Зороастр процветал, пока не достиг возраста семидесяти семи лет и сорока дней, когда он был убит одним из приверженцев ложной религии, которую он собирался вытеснить. Умирая, он простил своего убийцу, поскольку этикет требует, чтобы Спасители поступали именно так.

Это что касается легенд. С исторической точки зрения, Кир Великий, вероятно, стал зороастрийцем в какое-то время в ходе своей карьеры, поскольку в момент его смерти зороастризм был официальной религией его столицы и, вероятно, его империи, и маги добились религиозной монополии, которая всегда является первой целью благочестивых амбиций. Если даты жизни, которые я предположил для Зороастра, верны, то новая религия, как только она появилась, должна была распространяться со скоростью эпидемии, но это неудивительно, если учесть новизну изобретения Зороастра и различных элементов в нем, которые мы исследуем позже, что и пробудило энтузиазм в очень больших сегментах подчиненного населения многонациональной Персидской империи. Более примечателен тот аномальный и вместе с тем неопровержимый факт, что это нововведение, хотя и чуждое исконным склонностям Арийского менталитета, стало – так же, как и христианство много позже – Арийской религией в том смысле, что оно было принято Арийцами. [76] Зороастризм считался и, вероятно, являлся характерной и единственно правильной религией персов и других Арийцев правящей расы.

Именно на данном этапе мы начинаем получать независимую информацию от греческих авторов, интерес которых к зороастрийским культам и наблюдения за ними продлились дольше, чем семь столетий. [77] Информация из источников ранее

улучшена изобретением Вечной жидовки, которую, кажется, придумал Эжен Сю в своем романе «Le Juif errant», пролог которого стоит прочесть.

[76] В этом смысле, конечно же, буддизм можно было бы назвать монгольской религией, так как он был принят китайцами и тибетцами и действительно процветал среди них после того, как он исчез из земли своего рождения.

[77] Источники помимо Геродота были частично собраны А. В. Уильямсом Джексоном в его «Зороастре» (A. V. Williams Jackson, Zoroaster, Нью-Йорк, 1901), который всё еще полезен, и более тщательно Биде и Кюмоном в книге «Les Mages hellenises», которую я упоминал выше в

третьего века до нашей эры особенно ценна как подтверждение или дополнение к тому, что мы можем узнать из зороастрийских источников об этой религии при Персидской империи. Однако этими источниками нужно пользоваться осторожно, поскольку греки столкнулись с религией такого рода, которую Арийский ум не считает близкой по духу и испытывает трудности с ее пониманием, хотя он, очевидно, способен принять такие чужеродные верования, когда они навязаны ему обстоятельствами. [78] Кроме того, когда греки сообщают о том, что выходит за

примечании 5, и в которой тексты сопровождаются бесценными критическими примечаниями. Мне не требуется особо отмечать, что важна не дата жизни данного автора, а дата информации из его источников, при условии, что мы можем положиться на автора в том, что он передает эту информацию из источников корректно.

[78] Например, уже такие древние греческие источники, как Аристотель и, вероятно, даже еще Ксанф, который жил ненамного позже Геродота, сообщают об утверждениях магов, что Зороастр жил за шесть тысяч лет или более до них. Мы можем быть практически уверены, что то, что утверждали маги, было доктриной, о которой мы знаем из поздних зороастрийских книг, что душа Зороастра была создана Ахурамаздой на небесах в год, эквивалентный 6630 году до нашей эры. Эта душа, если можно так выразиться, хранилась на небесах в течение шести тысяч лет, прежде чем ее отправили на землю, и она воплотилась в теле Зороастра, Спасителя человечества. (Ср. примечание 17 ниже.) Для греческого ума идея душ, созданных богами и хранящихся в холодильнике на протяжении многих тысячелетий, была абсурдной, поэтому греки, естественно, интерпретировали высказывания магов в том смысле, что Зороастр родился на земле в утверждаемое время, поскольку претензия на такую огромную древность казалась менее невероятной. Известный египтолог Э. А. Уоллис Бадж в «Богах египтян» (E. A. Wallis Budge, The Gods of the Egyptians, Лондон, 1904) замечает в своем предисловии к Тому I: «Единственными верованиями египетской религии, которые действительно понимал образованный грек или римлянин, были те, которые характеризовали различные формы Арийской религии, а именно, политеистические и солнечные... Все религиозные церемонии и ритуалы, которые предполагали веру в воскрешение мертвых и в вечную жизнь, ... он вообще не принимал во внимание. Доступные в наше время свидетельства на эту тему указывают, что по расовым причинам он был неспособен понять важность таких верований для тех, кто их придерживался, и что, хотя... он был готов терпеть, и даже – ради государственных интересов – принять их, для него было невозможно усвоить их и включить их в свою жизнь». Бадж выделил курсивом самое важное слово в этом высказывании, что я расцениваю как не вызывающее возражений, поскольку оно описывает врожденное качество того, что в терминологии Хааса называется философским менталитетом. Наши умы могут размышлять о существовании каких-то сверхъестественных существ как причин необъясненных явлений, но они инстинктивно отвергают иррациональную мистику, будто бы один бог управляет стихиями, которые находятся в состоянии войны между собой, или может совершать чудеса, такие как воскрешение разложившегося тела мертвеца, которые явно невозможны. Наш менталитет, однако, также является менталитетом, который принимает факты, какими бы неприятными они ни были. И следует помнить, что наши предки приняли христианство, потому что их заставили поверить, что христианские святые книги были рассказом об исторических фактах, летописью событий, произошедших на самом деле и поэтому доказавших существование бога, ужасного бога, в которого они были обязаны верить, несмотря на свое инстинктивное отвращение. И можно сомневаться в том, понял ли какой-либо Ариец эту религию магов именно в том смысле, какой намеревались вложить в нее ее основатели: он прочитал ее в тех понятиях и выражениях, которые были постижимы для него. В крайнем случае, христиане всегда прибегали к любимому гамбиту богословов, – что то, что было неразумно и непостижимо, было поэтому слишком сложным и мудрым для слабых умов смертных, которых их создатель в любом случае не намеревался сделать рационально мыслящими. Эта идея всегда является манной

пределы их собственных наблюдений за церемониями этого культа, они в значительной степени опираются на то, что маги им сказали или перевели для них с их священных книг на арамейском языке. И те маги, с которыми с наибольшей вероятностью контактировал тот или иной грек, были миссионерами, распространявшими свое Евангелие в греческих городах и около них в Ионии и в других местах, которые подчинялись персидскому владычеству, или на границах Персидской империи.

Возможно, самая важная информация из греческих источников – это доказательство того, что во время Персидской империи у зороастрийских богословов уже имелись разногласия между собой, и что они участвовали в доктринальных спорах, поскольку каждый пытался так переврать догмы культа, чтобы придать им форму, наиболее приятную своим вкусам и стремлениям. Что и говорить, только этого мы и должны были бы ожидать, поскольку каждый из первоклассных богословов всегда с нетерпением спешит заточить свой собственный топор и сделать себя лидером, а не просто последователем, на что готовы пойти лишь более скромные и вялые святые мужи. Хорошо иметь историческое доказательство того, что в зороастризме всё было как обычно, и известные грекам учения были различными и несопоставимыми друг с другом. Мы узнаём о совете или комиссии семи магов, которые были высшими религиозными авторитетами и размещались в персидской столице; несомненно, их функцией было благословлять персидского царя, когда он восходил на престол, и подавлять ересь. Как все мы знаем, ересь – это теологическая доктрина, осуждаемая теми богословами, которые называют себя «ортодоксами», особенно когда ортодоксальность последних обеспечивается полицией и палачами. Мы не знаем, до какой степени полномочия на ортодоксальность были предоставлены этому зороастрийскому заменителю Папства, и даже возможно, что власть высших магов оказалась сломлена, когда они зашли слишком далеко, переоценив свои силы. [79] Бесспорно, однако, что ереси действительно процветали, возможно, даже включая некоторые важные, которые мы должны будем упомянуть в одном из следующих разделов. Но было бы самонадеянно – и в целях данной книги напрасно – пытаться восстановить из имеющихся скудных данных представления зороастрийских ересиархов, тем более что мы не можем быть уверенными, какие именно догмы считались ортодоксальными. [80]

небесной для людей, которые не научились контролировать свои эмоции или не любят без крайней необходимости напрягать клетки своего мозга.

[79] Я не знаю, какой вес следует придать словам Аммиана Марцеллина, который, сообщая информацию из более ранних источников, к сожалению, им не названных, говорит, что власть жреческой олигархии была сломлена Дарием после организованного ей государственного переворота, в ходе которого они узурпировали персидский трон, посадив на него мага, исполнявшего роль мертвого брата Камбиса. Если это так, то главы духовенства, возможно, были заменены семью или восемью более осторожными святыми мужами, или, с другой стороны, религию могли вообще оставить без уполномоченных менеджеров. При отсутствии большей информации было бы глупо даже строить догадки.

[80] Например, догма о предшествующем существовании Зороастра (существовании его души задолго до вселения ее в его тело), которую я упоминал в примечании 15, категорически

Есть еще один момент, представляющий некоторый интерес. Хотя это еще не доказано, однако имеются свидетельства, достаточно весомо намекающие на то, что во времена Персидской империи маги, которые контактировали с греками, уже исказили имя своего Спасителя с чего-то вроде «Заратуштра» на «Зороастр». [81] Если

противоречит Гатам, которые принимались как собственные слова Зороастра. И она также противоречит предположениям, лежащим в основе большей части Авесты, согласно которой Зороастр (даже если он и родился от девственницы, и т.д.) был смертным человеком и открыл Истину только тогда, когда она была раскрыта ему Ахурамаздой, с которым он до этого, по-видимому, знаком не был. Мы можем посчитать крайне невероятным, чтобы «ортодоксальные» зороастрийские богословы провозгласили доктрину, настолько явно противоречащую их собственной священной книге. Однако мы должны помнить, что христиане, верящие всем рассказам об Иисусе в своем «Новом Завете», где ясно сказано, что хотя Иисус и был умным мальчиком, он получил свое божественное вдохновение лишь когда его окрестил Иоанн «Креститель», и что после этого он вел себя в большинстве ситуаций как смертный человек, также в состоянии верить в его предшествующее существование и в то, что он составлял 33,3% от их бога. Если они вообще умеют думать, то они обязаны предположить, что эта часть их бога забыла остальную часть самой себя и всё, что та знала из целой вечности на небесах, когда бог решил сделать так, чтобы объединенный с ним Святой дух ввел его самого в матку Марии. Если ортодоксальные христиане способны принять подобную догму без смеха, тогда, конечно же, возможно и то, что ортодоксальные зороастрийцы принимали сопоставимое отрицание своих собственных священных писаний. Потому как нет никакого предела наглости богословов и легковерию их овец.

[81] Лингвисты очень стараются придумать, каким образом такое персидское слово как «Заратустра / Заратуштра» могло быть так неправильно произнесено или неправильно понято, чтобы его расшифровали на греческом языке как «Зороастр». Вопрос этот возникает лишь из странной навязчивой идеи наших современников, предполагающих, что святые мужи всегда имеют добрые намерения, вопреки всем доказательствам обратного. Толика здравого смысла покажет нам, что, так как маги – вероятно, перед падением Персидской империи и, конечно же, вскоре после него – сделали астрологию крайне прибыльной частью своего святого бизнеса, для них очевидно было выгодно дать своему Спасителю имя, которое наводило бы людей, знающих греческий язык, на мысль, что он, мол, был пророком звездных явлений. Возможно, что изменение слова, столь полезное в их ремесле, появилось вовсе не случайно. Согласно одному свидетельству, сохраненному Диогеном Лаэртским (Pro. 6.8), маги утверждали, что имя «Зороастр» означало «жрец звезд» или «прорицатель звезд», очевидно, с обычной наглостью делая вид, что в момент его рождения его так и назвали на греческом языке. (Схолия [комментарий на полях или между строк] к приписанному Платону диалогу «Алкивиад I» (ad 121E) говорит, что они утверждали, что имя «Зороастр» было греческим переводом его персидского имени.) Лучшее объяснение, разработанное некоторыми из магов, сохранилось в двух из самых ранних христианских евангелий, оба из которых якобы были написаны Климентом, близким другом и компаньоном Петра, апостола Иисуса. В «Воспоминаниях» (Recognitiones) (4.28) сказано, что имя Зороастра означает «живая звезда». Климент более откровенен в одной из «Бесед» («Гомилий») (9-5), мемуаров, сохранившихся в его переписке с братом Иисуса Иаковом, которая, в свою очередь, заверена вступительным письмом от самого апостола Петра. В этом тексте Климент говорит, что имя Зороастра означает «живое влияние звезды». Согласно Диогену Лаэртскому (там же, 2.2), два или более великих мага, которые процветали ранее времен Александра Македонского, носили имя «Astrampsychos» («Астрампсихос»), что, вероятно, должно было означать «живую звезду» или «воплощенную звезду». Возможно, первоначально это было изменением или объяснением «Зороастра». Под этим именем до нас дошло любопытное искусство гадания, обычно называемое «Sortes Astrampsychi», о котором можно будет прочесть в публикации профессора Джеральда М. Брауна (Gerald M. Browne), которая будет издана издательством «Teubner» в Лейпциге. «Оракулы»

бы мы были в этом уверены, то могли бы тогда попытаться оценить, до какой степени эти миссионеры (возможно, в то время еретики) уже распространяли астрологию как полезное дополнение к своему евангелизму, предвосхищая, таким образом, своих преемников в эллинистическую эпоху.

Скудная информация, которую мы получаем из надписей персидских царей, это, безусловно, самое лучшее, что у нас есть: можно не сомневаться в их подлинности или в датах. [82] Мы можем их использовать, чтобы вкратце проследить развитие официального зороастризма в Персидской империи, и, заодно, проверить утверждение одного ученого парса, который недавно заявил, что «войны экспансии, которые персы вели при династии Ахеменидов», можно было бы сравнить с ранними войнами ислама, потому что у персидских царей «была божественная миссия, которую они должны были предложить человечеству», поэтому их войны «велись во власти религиозного пыла, который следует принимать во внимание». [83] Это верно, что учение Зороастра предписывало персидским монархам энтузиазм по поводу священных войн, но они также были Арийцами, причем не лишенными политического интеллекта, так что полезно было бы взглянуть на имеющиеся официальные документы тех времен.

вызываются своего рода арифметическим обманом, и я полагаю вероятным, что этот метод восходит к персидским магам, хотя существующие версии, как показал профессор Браун, являются поздними и, вероятно, были придуманы в Египте, где, между прочим, имя Зороастра всё еще было очень авторитетным в первых веках нашей эры. Одно из евангелий, найденных в Хенобоскионе (Наг-Хаммади) составлено так, что использующий его святой муж может приписать божественное откровение или Тоту, или Зороастру, или Иисусу, в зависимости от того, что, по его оценке, с наибольшей вероятностью произведет впечатление на его клиентуру. Я полагаю, что эта хитрая уловка была впервые идентифицирована Жаном Дорессом в «Тайных книгах египетских гностиков» (Jean Doresse, Les livres secrets des Gnostiques d'Égypt, Париж, 1958). Ассоциация Зороастра с «живыми звездами» объясняет, конечно же, историю в «Новом Завете» о звезде, которая, плывя через атмосферу, привела магов к чудесному рождению в Вифлееме. Достаточно странно, что ни одно из евангелий, насколько я могу сейчас вспомнить, не говорит нам о том, вернулась ли услужливая звезда на небеса, когда ее миссия была выполнена, или же она попросту исчезла.

[82] С текстом соответствующих надписей наиболее просто можно ознакомиться в книге «Древнеперсидский язык» Роланда Г. Кента (Roland G. Kent, Old Persian, Йельский университет, 1950).

[83] Рухи Мухсен Афнан, «Влияние Зороастра на Анаксагора, греческих трагиков и Сократа» (Ruhi Muhsen Afnan, Zoroaster's Influence on Anaxagoras, the Greek Tragedians, and Socrates, Нью-Йорк, 1969). Книга ценна как напоминание о том, что у зороастризма, который всё еще является живой верой, были качества, которые привлекают массы и являются необходимыми для мировой («универсальной») религии, однако влияние зороастризма, как говорит автор, в значительной степени иллюзорно. Греки, естественно, интересовались религией обширной Персидской империи, с которой они много раз вступали в конфликт, но «мидизм» – это строго политический термин, который вошел в употребление, когда греческие города Ионии попытались защищаться дипломатическими методами, маневрируя между очень близкой опасной силой Лидии и более отдаленной силой Мидийского царства. Во времена персидских вторжений на континентальную часть Греции этот термин применялся к грекам, считавшим, что мощь Персии непреодолима, и полагавшим, что было бы благоразумно достигнуть соглашения с персами. Даже Дельфийский оракул, жрецы которого, как и все «экстрасенсы», должны были бы основывать свои предсказания на самой лучшей доступной им информации, совершил ту же ошибку.

Кир сам был зороастрийцем и сделал новую веру официальной религией, но он не был фанатиком. Он был государственным деятелем, и не только отблагодарил жидов за их подрывную деятельность в ослаблении Вавилонской империи и их предательство, когда они открыли персам ворота Вавилона, но он также и умиротворял вавилонян, почитая их бога, Мардука, и, вероятно, построил для него новый храм. И он позволял основывать или даже основывал сам другие храмы для местных богов многих и разнообразных стран, которые он подчинил своему веротерпимому правлению. Вероятно, он поощрял зороастрийских миссионеров распространять Евангелие, чтобы они увещевали ту публику, которую они могли привлечь, но он, должно быть, мешал профессиональному рвению святых мужей начать религиозные преследования.

Преемником Кира в 530 году до нашей эры стал его сын Камбис, главным деянием которого было завоевание Египта. Правомочно предположить, что он был благочестивым человеком, и что его благочестие мотивировало презрение или ненависть к религии египтян. Их он демонстрировал, оскверняя гробницы и приказывая избивать священников за то, что они говорили от имени своего культа, и убивая священного быка Аписа, который был воплощением души (или частью души) Осириса. Однако мы знаем, что он не демонстрировал такой фанатизм на протяжении всего своего правления в Египте. [84]

Пока Камбис был в Египте и непосредственно перед его смертью в 522 году, маги предприняли попытку государственного переворота: они выбрали одного человека из своих рядов, чтобы тот выдал себя за Смердиса, брата Камбиса и ближайшего наследника трона, и привели его к власти. Так они смогли начать сотрудничество с Ахурамаздой и удовлетворить свою набожную жажду преследований. Они разрушали «языческие» храмы, которые Дарий в своей известной надписи в Бегистане приказал восстановить, и, зная святых мужей, мы можем предположить, что они также наслаждались многочисленными убийствами *ad maiorem gloriam Dei*. Вероятно, что их слишком самоуверенный фанатизм вызвал в провинциях много восстаний, которые, как говорит Дарий, он вынужден был подавлять. В 521 году лже-Смердис был убит группой заговорщиков во главе с Дарием, после чего последовал погром магов, который мы упоминали выше. [85]

Дарий был самым великим из персидских царей, и его реформирование Персидской империи по-прежнему вызывает восхищение. Мы можем быть уверены в том, что он не пытался объединить фанатизм с правлением, и он, несомненно,

---

[84] Есть доказательства, собранные Жоржем Познером в его книге «Первое владычество персов в Египте» (Georges Posener, La première domination perse en Égypte, Каир, 1936), что Камбис во время части своего правления умиротворял египтян, переманивал их на свою сторону, относясь к их божествам с уважением, однако неизвестно, скрывал ли он свой фанатизм, пока его завоевание не было закончено, или смягчил его после того, как он начал терпеть военные неудачи в своих попытках завоевать соседние земли, которые были защищены естественными преградами.

[85] См. выше, стр. 49.

держал святых мужей в узде. У нас имеется также признание его личной веры в документах большой важности, так как они, бесспорно, отображают официальные доктрины зороастризма в его время. Он приписывает свои победы и власть Одному Истинному Богу, Ахурамазде (*Аюрамазде*), который даровал ему царство и о котором он говорит: «Он создал землю, он создал небеса, он создал человечество и он установил *сиятис* (*siyatis)* для смертных». (У этого персидского слова нет точного эквивалента. Оно происходит от своего основного значения «благосостояние» и подразумевает благополучие на земле и счастье после смерти; для перевода подошли бы такие слова как «спасение» или «путь спасения», если бы мы условились понимать, что это относится как к земному миру, так и к раю.) Таким образом, у нас имеется доказательство, что Дарий верил в единого доброго бога из откровения Зороастра. [86]

Ксеркс, который стал преемником своего отца в 486 году, был царем, который больше нравился святым мужам. Мы не слышим о преследованиях в его царстве, но мы можем догадываться о том, что религия сыграла некоторую роль в восстаниях, которые вспыхнули вскоре после его вступления на престол. Он осквернил большой храм Мардука в Вавилоне, убив, по крайней мере, одного из жрецов, и увез оттуда огромную статую бога, которая, как говорили, была из чистого золота. Историки полагают, что его цель была политической: уничтожить бога, который традиционно считался защитником Вавилона и мог служить центром сепаратистского движения и восстаний. У Ксеркса же, по крайней мере, должна была быть такая вера в Ахурамазду, что он не боялся никаких репрессий от

---

[86] Некоторые ученые оказались введены в заблуждение тем фактом, что в нескольких надписях Дарий обращается к Ахурамазде как к «mathista baganam», и позже в длинной надписи в Бегистане (§62) он признает помощь «aniyaha bagaha». Они предполагают, что «baga» означает «бог», так что Ахурамазда был просто самым великим среди многих богов. Древнеперсидское слово «baga», санскритское «bhaga», кажется, первоначально означало «дающий дары, господин», и в обоих языках это был уважительный титул, который мог быть применен как к человеку, так и к сверхъестественному, высшему существу. Учитывая признание Дарием веры в Ахурамазду как в уникального создателя, самое разумное объяснение состоит в том, что он использовал «baga» как эквивалент авестийского слова «spenta», которое Зороастр обычно использовал в качестве прилагательного при описании Ахурамазды (которого он также называл «spenta mainyu», имея в виду что-то вроде «щедрый господин» или «сила доброты»), и также при обозначении шести «amesa spentas» (Амеша Спента), шести великих архангелов, которые являются эманациями Ахурамазды, представляя абстрактные добродетели («Правда», «Добрая воля», и т.д.). В действительности, они являются аспектами Доброго Бога, но также считаются его помощниками; вспомните, что после того как Ахурамазда открылся Зороастру, он время от времени посылал одного из своих «Амеша Спента», чтобы те давали советы Зороастру в ходе его миссионерских усилий. Слово «архангел» является подходящим английским термином для обозначения эманации зороастрийского бога, хотя «спенты» отличаются от христианских архангелов тем, что у них нет собственной воли (и, следовательно, собственной личности), ибо открыто заявляется, что всегда их воля – это воля Ахурамазды. Поэтому, хотя «spenta» и «baga» (в моем понимании значения слов Дария) могут использоваться во множественном числе, множественное число не умаляет единства одного Доброго Бога Зороастра. Насколько мы знаем, это древнеперсидское слово могло быть во всеобщем употреблении среди зороастрийцев во времена Дария с тем значением, которое я предположил, и Дарий, как благоразумный монарх, не интересовался тем, правильно ли или неправильно понимали это слово «язычники».

Мардука, которого он высокомерно оскорблял и которого он, как хороший зороастриец, должен был рассматривать как дьявольского врага своего собственного Доброго Бога. Благочестие, возможно, мотивировало его так же сильно, как и политическая целесообразность, тем более что маги при его дворе постоянно напоминали ему об обязанностях праведности. И Ксеркс оставил нам одно красноречивое свидетельство его религиозного фанатизма, знаменитую теперь надпись в Персеполе, в которой он преждевременно хвастается своим завоеванием Греции и особенно своей набожностью в разрушении храмов на Афинском акрополе, где греки поклонялись дьяволам, а также своим приказом о том, чтобы они больше не поклонялись таким существам. По-видимому, он совершил обряд очищения оскверненного места, потому что он посвятил его своему единому богу, Ахурамазде, которому он почтительно поклоняется в уверенности, что тот предоставит ему счастье на земле и блаженство на небесах. [87]

Несвоевременное хвастовство Ксеркса, должно быть, казалось нелепым после того, как якобы покоренные греки нанесли ему два сокрушительных поражения, и крах его замечательного плана завоевать всю Европу должен был бы поколебать его веру, так же как и веру многих других персов. Ахурамазда не помог праведному! Однако теология Дария и Ксеркса, кажется, не подверглась никаким существенным изменениям вплоть до смерти Дария II (который проницательно вмешался в Пелопонесскую войну) в 405 году, [88] но его сын, Артаксеркс II (царь из Анабасиса, когда-то известный каждому школьнику), свидетельствует о замечательном изменении в богословии: он поклоняется Троице. Склонность к трехсоставному мышлению, которое Дюмезиль идентифицирует как отчетливо Арийское, возможно, имела здесь некоторое влияние, однако ясно, что, по крайней мере, два из всех дозороастрийских богов отказались быть навечно подавленными в умах своих «перешедших в другую веру» почитателей. Артаксеркс молится Ахурамазде, Анахите (Деве, *ан-ахите*, «непорочной») и Митре. Точные отношения Ахурамазды с его девственной супругой спорны; весьма возможно, что она рассматривалась в то время как Девственная мать Митры, которая чудесно

---

[87] Ксеркс не называет Афины, однако содержание его слов не вызывает сомнений. Персы также набожно разрушили греческие храмы в Бранхидах, Наксосе, Абах и, несомненно, в других местах, о которых мы ничего не знаем. И мы можем быть уверены, что они пощадили Дельфы только потому, что тамошние жрецы высказали ошибочное предсказание, будто бы их бог посоветовал, чтобы греки уступили силе персов. Немного забавно, что перед открытием надписи в Персеполе довольно много историков отбрасывали в сторону как «вероятно ошибочные» утверждения Геродота и Цицерона, что Ксеркс разрушил храмы на Акрополе. Некоторые всё еще сомневаются в рассказе Геродота, что святые мужи при дворе Ксеркса подстрекали его к вторжению, пророча ему завоевание и аннексию всей Европы. После того как Ксерксу пришлось отступить в Персию, он, должно быть, задался вопросом, почему его маги подсунули ему такое неправильное предсказание, и он, вероятно, задавал им этот вопрос, но святые мужи обычно умеют придумывать объяснения, способные удовлетворить своего клиента.

[88] В одной из его надписей в Сузах Дарий II просит, чтобы Ахурамазда защитил его «hada bagaibis»; существительное находится в творительном падеже, таким образом, этот пассаж может интерпретироваться в соответствии с тем, что я сказал о великом Дарии выше в позапрошлом примечании.

забеременела, как это обычно делают матери богов, и, как и Мария в христианской истории, родила ребенка еще более чудесным образом без разрыва своей девственной плевы, [89] или же, в качестве более правдоподобной альтернативы, имея способность возобновить свою девственность, искупавшись в волшебной воде. [90] Согласно Беросу, Артаксеркс II не только ввел почитание Анахиты, но также в качестве настолько же смелого нововведения установил статуи своих богов, явно вопреки прямой заповеди Зороастра, что о боге нельзя думать как об изображении, и что его можно представлять только в виде пламени священного огня. Богословие

---

[89] Это заявлено во всех версиях Евангелия от Иакова, которые описывают более или менее явно доказательство этого в связи с первым чудом, совершенным Спасителем, когда ему было лишь несколько минут от роду. Наиболее подробный и точный рассказ, который я видел, содержится в Genesis Mariae. (Ранний папирус этого евангелия сегодня находится в Бодмеровской библиотеке.) Саломея отказывалась поверить в утверждение повитухи, что Мария всё еще была девственницей. Поэтому она засунула палец во влагалище Марии, чтобы установить, была ли девственная плева неповрежденной. Плева была неповрежденной, но вагинальные мембраны были настолько заряжены божественной энергией, что палец Саломеи загорелся. И она оказалась в большой беде, пока она не подумала о том, что нужно помолиться небесному отцу Иисуса. Тот услужливо послал ангела, который появился в пещере и сказал Саломее, чтобы она потрогала божественного малыша. Она так и сделала, после чего полностью исцелилась. После этого вошли маги и т.д. Трудно понять, почему Отцы не включили в свой «Новый Завет» это евангелие или, по крайней мере, какую-то другую версию Евангелия от Иакова, авторитетность которого была гарантирована (так как автор был младшим братом Иисуса). Это евангелие – одно из самых ранних евангелий, и оно было принято многими из Отцов прежде, чем содержание антологии было более или менее зафиксировано Афанасием в 369 или Дамасием в 382 году (чей список содержания, вероятно, воспроизведен в указе, подделанном от имени Геласия когда-то после 495 года). Хотя евангелия, которые содержали доказательство послеродовой девственности Марии, были исключены из окончательной компиляции, многие из ранних отцов церкви – например, Дидим Слепец, Иероним, Амвросий – поддержали бесконечную девственность Марии, и вера в это стала ортодоксальной догмой в пятом столетии. Никто никогда не пытался объяснить подробно, как она могла оставаться девственницей после того, как Иосиф начал иметь с ней половые сношения, о чем открыто говорится в Евангелие от Матфея, 1.25, и после того как она родила ему четырех сыновей, однако богословам нравятся оба варианта ситуации. Удивительно, что никто не подумал о том, чтобы взять Евангелие от Иакова, в котором Симон появляется как пасынок Марии и тот, кто сопровождал ее и помогал ей во время Рождения Иисуса, и сделать в этом евангелии соответствующие дополнения и исправления, чтобы Иаков и другие младшие пасынки остались дома, а затем приписать авторство Симону, у которого было бы больше возможности наблюдать за происходящим, чем у младшего сына Марии. Было бы вполне разумно убрать соответствующую строку в Евангелии от Матфея и заменить ее несколькими словами, заявляющими, что Иосиф был благопристойным человеком и соблюдал приличия, уважая Жену Бога. Это бы всё уладило; однако простая небрежность Отцов, проявившаяся в очень многих противоречиях, которые они могли бы отредактировать, убрав их из Слова Господнего, постоянно удивляет нас, когда мы читаем одобренные ими тексты.

[90] Эта странная анатомическая концепция девственности имела, несомненно, восточное происхождение, но был и греческий миф, упомянутый Павсанием (II.38.2), о том, что Юнона регулярно восстанавливала свою девственность, купаясь в волшебном фонтане. И, что важнее, Элиан (N.H., XII.30) упоминает богиню, которая восстанавливала свою девственность после каждого совокупления, купаясь в фонтане, расположенном между верхним Тигром и Евфратом на той самой территории, на которой современные зороастрийцы определили местонахождение некоторых из своих святых мест. Мне не стоит напоминать читателю, что моя догадка об Анахите – чистое предположение.

царя, бесспорно, было ортодоксальным на протяжении всей его жизни, так как его армия оставалась лояльной, но это, должно быть, встревожило многих правоверных, возможно, большинство из них, и вызвало разъяренные споры и интриги среди магов. Однако, насколько мне известно, о тех религиозных бурях у нас вообще нет никаких письменных свидетельств. Конечно, существенно то, что сын этого царя, Артаксеркс III, исключил Анахиту и поклонялся только Ахурамазде и Митре, [91] однако у нас нет способов точно узнать, что именно это означает.

Новшества Артаксеркса II предвещают более позднее развитие зороастрийских культов. Бедная Анахита была, как это ни парадоксально, отождествлена с вавилонской богиней и превратилась в Анаитис (Анаит), свойства которой были сам***о***й антитезой девственности. Митра, солнечное божество, является сыном Ахурамазды, каким бы образом он ни был им порожден, и, как Солнце движется между землей и небосводом, так и он был посредником между смертными и своим более недоступным Отцом. Кроме того, Митра родился на земле чудесным образом, и первыми свидетелями этого рождения были пастухи, вновь появляющиеся в христианской легенде, причем это произошло именно в тот день, который христиане после долгих дебатов в итоге выбрали днем рождения своего Спасителя. И, как это произошло и в христианстве, Сын в конечном итоге фактически заменил своего отрешенного и равнодушного Отца, породив позднюю производную зороастризма, которая долго конкурировала с христианством в умирающей Римской империи.

[91] Определенная двусмысленность в клинописной надписи Артаксеркса III в Персеполе позволила бы утверждать, что он представлял Отца и Сына как одну личность, тем самым предвосхитив парадокс в одной из более поздних христианских идей о составе Троицы, однако я считаю это очень маловероятным.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ: ТВОРЕНИЕ ЗОРОАСТРА

Религия Зороастра, часто называемая маздаизмом, является самой великой религией, когда-либо созданной одним человеком. Это религия, которая оказала самое большое влияние на нашу расу, хотя б**о**льшая часть этого влияния проявилась через ее производные. И ее изобретение было одним из переломных событий в мировой истории.

Не имеет большого значения, был ли Зороастр душевнобольным и страдал от постоянных галлюцинаций или же сознательно творил свое учение с некоей собственной альтруистической или эгоистической целью. Он настолько сильно изменил последующий ход развития цивилизации на нашей планете, что мы цепенеем от изумления, когда пытаемся представить, какими бы мы были сегодня, если бы зороастризм никогда не был придуман. Мы не можем назвать никакого другого человека, воздействие которого на историю человечества было бы столь же глубоким и столь же долговечным, как у Зороастра. И было бы просто каламбуром утверждать, что если бы его не существовало, то какой-нибудь другой революционер сумел бы добиться таких же результатов.

Зороастризм был духовной катастрофой. Он был прообразом всех мировых («универсальных») религий, в отношении которых один только Тойнби, кажется, осознал их первостепенную важность как сил, душащих и деформирующих исконную культуру и менталитет народов. Тойнби, однако, не заметил – или посчитал целесообразным не заметить – то, насколько смертельно опасны религии, которые вызывают иллюзорный бред о «всём человечестве» и пропагандируют идиотскую идею, будто бы «все люди созданы равными». Учение Зороастра о Спасении внедрило некоторые крайне специфические и эпохальные суеверия, которые оказались крайне вредны всем расам, оказавшимся под их влиянием, возможно, включая даже самих жидов, хотя они и получили наибольшую выгоду, эксплуатируя такие суеверия.

Зороастр создал высшего бога добра, которого он назвал Ахурамаздой, и высшего бога зла, которого он назвал Ангра-Майнью. [92] В самом начале

[92] Мой рассказ о зороастрийской религии соответствует тому, что можно было бы найти в стандартных справочных работах (например, одиннадцатый и двенадцатый тома Британской энциклопедии) в первой трети этого столетия, и никакие дальнейшие комментарии здесь не понадобятся. Последующие исследования не выявили фактов, которые заставили бы существенно пересмотреть основы наших знаний (а мы здесь говорим только о них), но они принесли большое и быстрое увеличение теоретических реконструкций того, во что Зороастр предположительно верил, но никогда этого не говорил. Это вызвало большой беспорядок, и я чувствую себя обязанным вкратце рассмотреть ниже в Приложении I основной момент во всех таких реконструкциях, хотя я считаю их слишком туманными и гипотетическими, чтобы они могли обладать практической (исторической) ценностью.

существовали только эти два великих бога. [93] Однако они с самого начала были антагонистами, и каждый из них изо всех сил стремился уничтожить другого и все плоды его труда. Каждый создал для себя подчиненных генералов и легионы сверхъестественных войск, чтобы те сражались за него в Космической войне. Любой из этих двух богов был бы всемогущим, если бы другой оказался побеждён; и далее они и их обширные армии сцепились в отчаянной борьбе за превосходство и власть над всей вселенной, в бесконечной войне между чистым Добром и чистым Злом. Так как это учение постулирует существование двух великих и враждебных богов, ни один из которых не может победить другого, зороастризм, очевидно, представляет собой *дитеизм*, двоебожие – т.е. религиозный дуализм. И таковым, конечно же, является христианский *rifacimento* [новый вариант, переработка] зороастризма. Нужно помнить, что слово «монотеизм» (единобожие) является неологизмом, сформированным из греческих корней и введенным в английский язык примерно в середине семнадцатого столетия; и оно может означать лишь одну вещь: веру в существование только одного высшего бога. У такого бога, по определению, должна быть власть, которая не ограничена властью никакого другого сверхъестественного существа. Также верно, что в течение последних трех столетий всё больше христианских богословов хотели сделать свою религию единобожием, однако это можно сделать, лишь выбросив на помойку Библию, что оставило бы их без какого-либо обоснования веры в существование Иисуса и его компании. Их «Новый Завет» четко заявляет, что Сатана – могущественный «князь мира сего» и имеет такую власть, что он смог похитить одну треть их Бога, поднять его на вершину высокой горы и там предложить ему богатство и власть, которые Иисус, очевидно, был не способен сам заполучить для себя. Евангелия в этом сборнике полны историй о действиях Сатаны и его приспешников, которые Бог, очевидно, был неспособен предотвратить. Поэтому ясно, что власть христианского бога ограничена властью конкурирующего бога, который столь же силён, а иногда даже ещё сильнее его самого, и что Земля должна рассматриваться как своего рода «нейтральная зона» между двумя противостоящими армиями. Это в точности соответствует зороастрийской доктрине.

Некоторые христиане пытаются изворачиваться, чтобы найти для себя выход из этой дилеммы, утверждая, что их бог – единственный, которому должны поклоняться правоверные, но это просто *монолатрия*, явление, которое, как мы уже сказали, появляется во многих политеистических религиях. Другая любимая уловка – прибегнуть к зороастрийскому предсказанию, что добрый бог когда-нибудь в будущем сможет победить злого бога; однако эта уловка не работает при разговоре

---

[93] Зороастр недостаточно точен в Гатах, чтобы мы могли с уверенностью знать, как он объяснял происхождение двух антагонистов, однако его упоминание их как «близнецов» говорит о том, что он предполагал, что они оба существовали с самого начала времён. Альтернативное объяснение, которое является довольно ранним, состоит в том, что Добрый Бог неосторожно создал Злого Бога в момент сомнения, то есть, прекратив на какое-то время думать. Ведь думать, как скажет вам любой богослов, это на самом деле очень плохое занятие. [Сайм в романе Джорджа Оруэлла «1984» говорит: «Правоверный не мыслит – не нуждается в мышлении. Правоверность – состояние бессознательное». – прим. перев.]

о настоящем времени. Если война продолжается в наше время, то она обязательно является сражением между двумя противостоящими силами, и было бы безумием делать вид, будто существует только одна сила, и поэтому нет никакой войны, потому что одна сила в конечном итоге победит другую. Современные богословы не способны улучшить старую софистику, будто бы Сатана не является богом, хотя бог, по определению, это могущественное сверхъестественное существо, и право Сатаны на это звание отчетливо просматривается почти на каждой странице священной книги христиан. Этот метод – одна из самых изобретательных уловок ранней христианской пропаганды.

На всех наших языках слово «бог» (*goð*, deus, gott и т.д.) является именем нарицательным, определяющим класс существ, определённо влиятельных сверхъестественных существ, так же как «женщина» – имя нарицательное, определяющее класс людей, а люди в классе должны быть идентифицированы собственным именем, таким как Зевс или Елена. И вот первые христиане начали называть своего бога deus (мы можем различить при письме Deus, но, конечно же, это использование заглавных букв – современное новшество, неизвестное в античные времена), и, дав своему богу имя «Бог», они могли утверждать, что все другие сверхъестественные силы были небогами, так же как вы могли бы дать своей дочери имя «Женщина» и таким образом заявить, что все другие женщины – неженщины. Очень немногие среди первых христиан, особенно Лактанций (Institutiones, II.9.13) были достаточно честны, чтобы назвать сатану *antitheus*, [94] однако присвоение имени нарицательного deus обычно прикрывалось подражанием Зороастру и полным изменением значения другого имени нарицательного – демон (*daemon*) – которое определяло больший класс сверхъестественных существ, среди которых были не только боги, но и менее сильные духи. Христиане назвали всех других богов (в чье существование ортодоксы, конечно же, должны твердо верить) демонами (*daemones*), что было, строго говоря, правильно, но затем они заявили, что все демоны были подчиненными Сатаны, так же как Зороастр смело утверждал, что все дэвы (*devas*) были подчиненными его Ангра-Майнью. Так христиане действительно создали слово «демон» в его нынешнем значении – «дьявол, бес, чёрт». Их пропаганда определённо была ловкой, и мы должны отдать им должное в том, что они немного улучшили работу Зороастра. Однако такая словесная уловка никого не должна вводить в заблуждение.

Пока этого достаточно, чтобы прояснить, что и зороастризм, и его последнее производное, христианство, в одинаковой степени являются *дитеизмами* (двоебожиями), и что если с помощью какой-то софистики термин «единобожие» может быть искажен и применен к одной религии, то и другая имеет на него такое

[94] Читателям Гомера не нужно говорить, что это слово здесь используется в том смысле, который не имеет никакого отношения к знакомому эпитету Гомера. У Лактанция, который умер приблизительно в 320 году, это слово стало означать «антибога», то есть бога, который является противником другого бога или богов, как титаны были противниками олимпийских богов в известном мифе. Лактанций, конечно же, говорит, что Сатана – «pravus antitheus» [«злой дьявол»], но в этом пассаже он, по крайней мере, проявляет к нему приличествующее уважение.

же равное право. Оба констатируют существование только двух великих богов, каждый из которых является высшим на своей собственной территории, и ни один из них в наше время не может победить другого. И у этого есть странное последствие: хотя хороший бог (Ахурамазда, Яхве) имел власть создать целую вселенную и теперь имеет поддержку ангельских легионов, которыми командуют его надежные и отважные помощники, архангелы, а злой бог может выстроить легионы могущественных и отважных дьяволов, включая всех богов, которым ранее поклонялись люди, оба антагониста должны набирать себе подкрепление из ничтожной расы смертных и стремиться завербовать каждого слабака, которого они только смогут убедить. [95] Этот космический конфликт между этими двумя богами и их сверхъестественными и человеческими армиями нынче вошел в отчаянную фазу, он ведется со всеми их ресурсами и порождает бесконечные опустошения и страдания на земле, хотя, что достаточно странно, результат этого конфликта предрешен, и все знают, что хороший бог, в конце концов, одержит победу и будет целую вечность радостно мучать своего побежденного противника и всех по дурости лояльных и незадачливых последователей этого павшего монарха.

Можно лишь дивиться тому, что такую нелепую фантазию оказалось возможным навязать Арийским умам. Эта небылица не только нелогична, но и одна из её основных предпосылок чужда нашему расовому менталитету. Боги Арийцев никогда не бывают *злыми*. Они, конечно же, могут наказать смертных, которые нагло их оскорбили, и они могут действовать так же, как и все силы природы, то есть с полным игнорированием удобства или безопасности людей или наций, но они никогда не являются *злонамеренными*. Пан (прообраз для сатаны в христианской иконографии) действительно вызывает панику, однако каждый, кто оказывался совершенно один в пустыне, в непроходимых горах или в большом лесу испытывал на себе власть этого бога. Вы и я знаем, конечно же, что реакция наших нервов – подсознательный страх перед беспомощностью, для преодоления которого требуются усилия разума – является атавизмом и представляет недостаток, который залегает глубоко в человеческой душе, но о нём можно думать и как о какой-то силе, которая пребывает в данном месте, *нумене* [духе-покровителе вещи или места], и которая является враждебной в том же смысле, в котором другие великие силы природы, такие как ураган или разгневанный океан, являются враждебными, потому что они совершенно не принимают нас во внимание. Но они не являются злонамеренными, у них нет сознательной цели уничтожить нас. Великий бог Пан – дух дикой местности, природы, в которую мы можем вторгаться только на свой страх и риск. [96] В действительности, он не отличается от, скажем, Посейдона или Афродиты, богов, у которых также есть цели, которые не являются нашими целями.

---

[95] Если для сравнения мы используем зороастризм Артаксеркса II, то соответствие будет идеальным, так как у добрых богов этих двух религий также будет поддержка их могущественных сыновей (Иисус, Митра).

[96] Так как словесные недоразумения играют значительную роль в развитии религиозных верований, я отмечу, что Пан – божество пастухов, имя которого, неопределенного происхождения (возможно, оно происходит от индоевропейского корня, представленного санскритским глаголом «пуш» – «кормить, питать, способствовать росту»), не имеет ничего

Скандинавская религия также близка к природе. Есть существа, которые враждебны богам и людям в том смысле, что они ранят и разрушают, но они, по существу, естественные силы природы и лишены злобности. Фенрир не является злонамеренным: он – небесный волк, собрат земных волков, которые преследуют и ловят оленя, потому что делать так – это их природа, а не потому, что они хотят причинить боль своим жертвам. Дракон Ниддхёгг грызет корни дерева Иггдрасиль, так же как личинки насекомых уничтожают растения, питаясь их корнями. Отношения между скандинавскими богами и великанами (ётунами) сводятся к общей враждебности, смягченной посещениями и случайными союзами, которые современным читателям кажутся странными и даже озадачивающими, пока они не поймут, что ётун – это не дьявол в христианском смысле, а сверхъестественное существо той расы, которая по своей сути несовместима с расой асов и ванов. Эти отношения походят на отношения между аборигенами и нашей расой, когда мы вторглись в Северную Америку: две расы непременно должны были быть врагами, и каждая должна была пытаться уничтожить другую, но вместе с тем некоторые люди из обеих рас могли встречаться, объединяться и взаимодействовать на условиях нейтралитета или временной дружбы.

Локи часто кажется злым тем умам, которые были наполнены христианскими понятиями, и даже ученые, которым следовало бы лучше в этом разбираться, пытаются решить, является ли он «добрым» богом или «злым». Ответ состоит в том, что он – просто сверхъестественное существо. Он демонстрирует безответственную вредность и озорство, что является естественным в детях и оказывается причиной их более раздражающих выходок в День Гая Фокса или Хэллоуин, и часто встречается у взрослых, которые шутливо устраивают «розыгрыши» или «инициации» в «братские общества», которые иногда приводят к непреднамеренной смерти одной или более жертв. В наихудшем случае Локи похож на столь многих наших современных «интеллектуалов», которые испытывают извращенное удовольствие, примыкая к нашим врагам, но, будучи подвергнуты соответствующему испытанию,

---

общего с другим словом идентичного правописания и почти идентичного произношения на греческом языке, «пан», которое является средним родом прилагательного, означающего «все», так что имя бога могло бы быть и непременно было неправильно понято, как означающее «всё», то есть целую вселенную. Ошибка появилась из-за тенденции набожных людей с энтузиазмом преувеличивать свойства, способности и полномочия бога, которому они особенно преданны (ср. выше, стр. 30). Так как никто, кажется, не заметил этого прежде, я рекомендую изучающим религию людям один восхваляющий этого бога гимн, которым они могут также наслаждаться как поэзией, если их каноны знания латыни не настолько строги, что они не могут оценить «Pervigilium Veneris» («Ночное празднество Венеры»), которое происходит приблизительно из того же времени. Я имею в виду гимн Приапу («pater rerum», и поэтому отождествленный со «всемирным» Паном), который можно найти в Corpus inscriptionum Latinarum, XIV, 3565. Автор этих веселых и добродушных строф (это именно строфы, с припевом) неизвестен; самое невероятное здесь то, что они были сочинены каким-то вольноотпущенником, который выгравировал их на мраморном постаменте статуи, которую он, по воле своего бога, заказал изготовить, и установил у Тибра, где, как мне сказал один местный антиквар, эта красивая статуя была уничтожена христианскими фанатиками где-то в конце восемнадцатого столетия – поздняя, хотя и возможная дата.

они не стали бы хладнокровно нас убивать. Локи существует как сверхъестественное существо, подобно богам, но никто не поклоняется ему, потому что было бы безумием ожидать помощи от такой безответственной личности. Арийский ум инстинктивно отвергает мысль о божественной злонамеренности. Однако когда чужеземная религия вынуждает принять подобное отталкивающее представление, расовый ум может интерпретировать его с точки зрения нашего чувства драматического и героического. [97]

И эта идея действительно приобретает некоторое правдоподобие, потому что мы всегда представляем наших богов как антропоморфных, а злонамеренность – это исключительно человеческая черта. Если все другие млекопитающие убивают только потому, что они голодны или должны защищаться, и никогда не причиняют боль, чтобы получить удовольствие от наблюдения за страданиями, несколько биологических видов, названных человеческими, убивают и пытают ради чистой радости от причинения смерти и боли, и получают ещё более отвратительное удовольствие, смотря на то, как другие причиняют муки и смерть, особенно когда жертвы оскорбили их каким-то способом или просто отказались слушать их, так же, как и те люди, которых Иисус хотел видеть убитыми там, где он мог бы наслаждаться зрелищем их предсмертной агонии. [98]

---

[97] Поучительно сравнить три романа Толкиена. Некоторые из сверхъестественных существ, с которыми мы сталкиваемся в «Хоббите», вредны (гоблины, тролли, драконы), но это так, потому что такова их природа: охотиться на нас. Они походят на каннибалов и динозавров, существ, которых мы истребили бы в любом регионе, который мы населяем. Это одна из нескольких причин того, почему эта книга – интересная и захватывающая сказка, но не такая, которая может глубоко нас взволновать. «Властелин колец», однако, подхватывает зороастрийскую идею, и в этой истории доминирует эквивалент Ангра-Майнью, могущественное сверхъестественное существо, которое является сверхъестественно злобным и использует все свои огромные возможности, чтобы принести упадок и страдания нашей расе и её союзникам. И это один из факторов, которые делают этот роман историей высокого рыцарского подвига и героизма, историей, которая часто возвышается до уровня эпической поэзии, и обеспечивают этой книге место среди великой литературы нашей расы. «Сильмариллион», если можно так выразиться, - это новая Библия, комбинация космологического и псевдоисторического мифа, который лишен грубой безнравственности, отвратительной вульгарности и очевидной нелепости самой Библии и значительно выше этой священной книги с любой точки зрения. Однако она неизбежно не в состоянии дать убедительное объяснение происхождению сверхъестественного зла и напоминает панорамную живопись голландской школы, которая по части своего полного эффекта зависит от нашего наблюдения за большим количеством маленьких фигурок, которыми с раздражающей детальностью наполнен каждый квадратный дюйм большого холста. Отсюда разочарование многих читателей; временное литературное подавление недоверия [poetic suspension of doubt] имеет свои пределы и не может быть тождественно религиозной вере.

[98] Наши святые мужи пытаются игнорировать важное высказывание в Евангелии от Луки, 19.27 («врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо мною»), хотя это – основная часть их кредо. [В несинодальных переводах, равно как и в переводе Библии на другие языки (английский), вместо цензурного «избейте» Иисус велит их убить (https://bible-teka.com/vs/42/19/27/): «Now as for those enemies of mine who did not want me as their king, bring them here and slay them before me».]

Садизм и родственные ему страсти являются исключительно человеческими, и когда мы называем самых отвратительных людей – дикарей или дегенератов нашего вида – зверьми и скотами, то этими словами мы напрасно обижаем неисчислимые виды животных, стоящих выше в нравственном отношении.

Опознаваемой характерной чертой нашей расы, которая отличает её от всех других, является то, что хотя мы – если мы не стали хилыми и изнеженными – с образцовой эффективностью убиваем врагов, которые представляют для нас опасность, мы не склонны причинять ненужные страдания даже им. И более того, если они – враги, которых мы можем уважать с точки зрения наших стандартов, то мы можем даже чувствовать сострадание к ним и сожалеть о том, что нам приходится их убить. [99] В отличие от всех других рас мы считаем неуместное, необоснованное причинение боли любому млекопитающему отталкивающим и отвратительным. И когда члены нашей расы нарушают наш расовый инстинкт, мы считаем их выродками или безумцами, кроме тех редких случаев, когда человек сам пострадал – он лично или кто-то из дорогих ему людей – от настолько большого и возмутительного насилия, что взбешенная страсть, заставляющая его отомстить наиболее жестоким способом, понятна, хотя едва ли похвальна.

---

[99] Читателю может быть интересен пример из источника, в котором он едва ли мог бы ожидать его встретить, и который случайно демонстрирует, что хотя Индия и стала многонациональными джунглями, что-то от Арийского менталитета сохранилось даже в седьмом столетии. Много лет назад я попытался написать свою стихотворную версию строфы Маюры, которая сохранилась в сборнике «Садукти-Карнамрта» (I. xv.3). Она основана на истории, что у асуров было три больших города - из серебра, золота и стали соответственно - и они вели войну против древних Арийских богов. Эти Тридцать три бога были неспособны сопротивляться асурам, и поэтому обратились к великой Троице. В ответе на их молитву Шива, страшный и безжалостный бог разрушения, уничтожил три города асуров своими стрелами неистового огня.

«Я пою богу силы разрушения мира,
Шиве, который метнул молнии неугасимого пламени
В тройной город антибогов:
Потому что, когда он увидел, что литые стены наклонились
И пали, лук громовой упал из его рук,
И в его бессмертных глазах появились слёзы.
Во внутренних покоях стояли женщины-демоницы;
Он видел, что огонь срезал кромки
Их вышитых одежд и лизал их волосы.
Он видел пламя на их платьях в корсаже,
Он видел, как пальцы огня гладили их опоясанные бёдра
И щипали серебряные яблоки их груди».

Шива ощущал полное сочувствия восхищение благородными врагами, которых он должен был уничтожить. Именно это и означает быть Арийцем. Когда Филипп Македонский, во всей гордости своей великой победы, увидел воинов Священного отряда (Hieros Lochos) фиванцев, которые лежали мертвыми в своих шеренгах на поле в Херонее, он плакал. Жид бы плевал и мочился на них.

Злонамеренность является человеческой чертой. Именно поэтому она так часто приписывается духам мёртвых, которые, в популярных суевериях многих рас, как предполагается, с враждебностью и завистью относятся к живым и поэтому стремятся им навредить. Поразительный пример – циупипилтин (Ciupipiltin) ацтеков: это призраки женщин, которые умерли во время родов, они парят над живыми и постоянно стремятся ранить женщин, которым более повезло, чем им, и особенно хотят нанести вред детям этих женщин. Наша раса более склонна приписывать злобность призракам грешников или, иногда, лишенным разума сущностям, которые скрываются в глубине могил. [100] От этого остается лишь маленький шаг до веры в демонов – но давайте всегда помнить, что, как мы уже заметили, данное христианское слово – типичное искажение античного *демона*, слова, обозначавшего сверхъестественное существо, которое часто было доброжелательным, а в худшем случае – равнодушным к тем людям, которые его не оскорбляли. [101]

[100] В современной литературе призрак убитого человека может справедливо стремиться отомстить своему убийце, однако призраков убийц иногда представляют плачущими или желающими искупить свои преступления, а иногда стремящимися после смерти умножить преступления, которые они совершили при жизни. В этом суеверии, конечно же, присутствует большой христианский элемент. Литературные критики часто отмечали, что в классической античности истории о призраках были сравнительно скучными. Шервин-Уайт, например, думает, что это было из-за того, что греко-римское общество не имело средневековых замков или изолированных особняков, где могли бы поселиться привидения, однако это объяснение упускает самое важное. В античных рассказах, таких, как знаменитая история о призраке, рассказанная Плинием Младшим (VII.27), или сказки, собранные Лукаином в его «Лжеце» (Philopseudes), призрак звенит цепями или делает ужасающие жесты, но всё, чего он хочет, - это достойных похорон для своего трупа или костей. Здесь недостает того элемента фактической или потенциальной злонамеренности, который придает остроту столь многим нашим историям о сверхъестественном.

[101] Демон – слово очень широкого значения и также служит в античной психологии для объяснения действий подсознательного ума, включая инстинкты и интуицию, которую мы сами не полностью понимаем и обычно расцениваем как отделимую от сознательной личности, потому что мы склонны обычно приписывать превосходство поэта, музыканта или другого художника его гению, а не самому человеку. И мы поступаем правильно, поскольку сам художник обычно объясняет своё достижение результатом вдохновения, а не сознательной мысли; и мы обычно понимаем и принимаем такие объяснения специфического поведения, как «что-то заставило меня это сделать». У каждого человека есть свой гений или демон, который составляет ту интуитивную и подсознательную часть его личности, которая часто определяет его успех или провал в том или ином деле или в его жизни в целом. Например, вы можете вспомнить о демоне Сократа, и я отмечаю, что Уильям Г. Симпсон в его замечательной книге «Каким путем, западный человек?» (William G. Simpson, Which Way, Western Man?) предполагает существование практически идентичной силы в человеческом разуме. Я подчеркиваю психологическое применение слова в античной литературе, потому что я заметил прискорбную грубую ошибку в нашем стандартном греко-английском словаре (Liddell-Scott-Jones), в котором греческое слово «kakodaimon» определено как «одержимость злым гением», и «kakodaimonao» фактически определено как «быть одержимым злым духом». Эти определения, конечно же, введут в заблуждение людей, которые не читали много произведений древних греков и могут предположить здесь некую связь с христианскими понятиями о людях, «одержимых дьяволом» и т.д. Не может быть ничего более ошибочного. Здесь вообще нет никакой идеи зловредного духа. Человека можно обозначить как «kakodaimon», потому что его собственный характер (а иногда случай) сделал его неудачливым. Например, он «несговорчивый», «упрямый», «растяпа» или «неудачник», и его поведение похоже

Великим изобретением Зороастра была его дихотомия целого мира, естественного и сверхъестественного, с помощью морального разделения на абсолютное добро и абсолютное зло. Каждый из этих вымыслов логически подразумевал свой антитезис, и они, возможно, были просто спонтанным продуктом его воображения. Если, однако, мы ищем источник неарийской идеи злого бога, то мы можем найти этот источник в семитских религиях, о которых Зороастр, вероятно, кое-что знал. Общеизвестно, что преобладающе семитские вавилоняне [102] считали себя окруженными роями вредоносных демонов, которые, будучи вдохновлёнными неизменной злобой, непрерывно стремились нанести людям вред любым способом, от болезней до ураганов, под руководством Семи Злых Богов: Намтару, Рабису, Пацуцу и др. Эти демоны уничтожили бы человечество, если бы не та шаткая защита, которую возможно получить от более благодушных богов, особенно Мардука, солнечного божества, и его очищающего агента, огня, который многозначительно снова появляется и в зороастризме как сила, отгоняющая зло.

Злые Боги ненавидели человечество, и их уловки были коварными и варьировались до бесконечности. В одной из сказок о Нарам-Сине (внуке Саргона Аккадского), [103] которая, вероятно, выросла из одного крошечного факта, нам

на то, которое мы часто описываем, говоря о ком-то, что «он не прислушивается к голосу разума», «у него непривлекательная личность», «его инстинкты неправильны» или «он – наихудший враг самому себе». Неправильное понимание этих греческих слов – один из критериев того, в какой большой степени наш Арийский менталитет был искажен семитскими идеями.

[102] Вавилоняне были доминирующей державой в то время, когда Зороастр начал проповедовать своё евангелие, и он, возможно, находился под влиянием их культуры и религии. Большинство ученых согласны в том, что у ассирийско-вавилонской демонологии не было прецедента в религии шумеров, от которых семиты получили б***о***льшую часть своей культуры. Во времена Зороастра вавилоняне были преимущественно семитами, но было бы ошибкой делать лишь на основании их языка вывод, что население полностью принадлежало к этой расе. Была большая примесь других рас, почти наверняка включая потомков (возможно, более или менее смешанных) касситов, которые завоевали Вавилонию около конца семнадцатого столетия до нашей эры и управляли ею в течение приблизительно пяти столетий. Касситы говорили на индоевропейском языке, и, похоже, были Арийцами, хотя они, как митанни, которые завоевали Ассирию в тот период, возможно, были нацией, составленной из Арийской аристократии и подчиненных масс, принадлежащих одной или более другим расам. Во времена Зороастра жиды хорошо закрепились в Вавилоне, который они предадут Киру Великому в обмен на право оккупировать Палестину, куда они отправили контингент из своей богатой колонии в Вавилоне. Неудивительно, что б***о***льшая часть их мифологии является по происхождению вавилонской.

[103] Нарам-Син (Нарам-Суэн), как и его дедушка, был героем цикла рассказов, составленных спустя много столетий после его смерти. Этот рассказ, вероятно, представляет народную память о событиях, о которых мы знаем из шумерских исторических источников, о вторжении гутиев (гутеев), дикого и варварского народа (у которого, возможно, были характерные арменоидные черты, которые и навели на мысль о клювах птиц), и других бедствиях, которые привели к гибели Аккадское царство вскоре после того, как Нарам-Сина сменил его злополучный сын. Затем последовал период анархии, которую список шумерских и аккадских царей искусно резюмирует словами: «Кто был царем? Кто не был царем?» Один шумерский религиозный текст сообщает нам, что вторжения и бедствия обрушились на Нарам-Сина, потому что его войска разорили храм Энлиля в Ниппуре. Как возмездие за этот произвол проклятие было наложено на столицу Нарам-

говорят, что в его царство вторглась огромная орда существ, у которых были лица, и очевидно также тела, воронов. На безотлагательный вопрос, были ли они демонами или смертными, ответило открытие, что они кровоточили при ранении. Вместе с тем, они, с усердной помощью Злых богов, навлекали разнообразные бедствия на царство, пока бога Энлиля не упросили предпринять некоторые меры против них, которые были описаны на утраченной части глиняной таблички. Энлиль был божеством, перенятым у шумеров и, в конечном счете, вытесненным Мардуком, «Сыном Солнца», который был полностью семитизированным.

Хотя установить его влияние на Зороастра более проблематично, мы должны упомянуть другого современного ему бога зла. В слишком разросшейся и несвязной теологии египтян [104] Сет (Сетх) был первоначально компаньоном благотворного Гора, но позже его рассматривали уже менее благосклонно. И после 1570 года до нашей эры его ненавидели как само воплощение зла и врага человечества по двум причинам, связь между которыми не вполне ясна.

(1) Осирис был египетской версией бога, смерть и воскрешение которого позволяли праведным людям достигать бессмертия. Согласно одному рассказу, который кажется относительно ранним, когда Осирис был на земле, он был убит Сетом. Сет сначала спрятал тело и позже расчленил его, разбросав различные органы Осириса по всему Египту. Этим он стремился предотвратить Воскрешение, которое, в конечном итоге, всё же осуществилось благодаря преданности Исиды, сестры и жены Осириса. Поэтому Сет был заклятым врагом благотворных богов и, следовательно, смертных, и его злостная ненависть проявлялась, даже после

Сина, город Аккаде. Это проклятие послужило моделью для проклятия, приписанного Исайе (13.19-22) в «Ветхом Завете», с тем различием, что Аккаде был полностью разрушен, тогда как город Вавилон (и его богатые жидовские паразиты) процветал в течение многих столетий после бесполезного и несерьезного бреда в этой библейской главе, которая была, вероятно, сочинена как пропаганда, чтобы деморализовать вавилонян во время вторжения персов на их территорию в 540 году.

[104] Книга Э. А. Уоллиса Баджа «Боги египтян» (E. A. Wallis Budge, The Gods of the Egyptians, Dover reprint, 2 тома., Нью-Йорк, 1969 = 1904) представляет собой самый понятный обзор египетской теологии, хотя последовавшие три четверти столетия интенсивных археологических исследований и изучения, естественно, произвели много дополнений и исправлений, из которых только одно действительно крайне важно. Египет был союзом многих областей, растянувшихся вдоль Нила от его истоков до Первого порога, и его религия по необходимости должна была быть теократией, которая так никогда и не была сделана непротиворечивой. Наши умы, например, испуганно удивляются, обнаруживая, что Гор был братом своего отца и сыном своей тети, и что он скорбел у гроба своего отца, хотя он был зачат лишь после того, как его отец воскрес из мертвых. Столкнувшись с этим фантастическим клубком нелепостей, сэр Уоллис - который был впечатлен тем фактом, что христиане могли верить в догмат о Троице, сделавший «единородного сына» столь же старым, как и отца, который его породил - попытался вычитать в этом несвязном многобожии монотеистическое основание, как будто бы много богов были аспектами одного единственного божества. Это представление, сформулированное в его коротком вводном томе «Египетская религия» (Egyptian Religion, Нью-Йорк, 1959 = 1900), лишь немного испортило его главный труд, который я назвал выше. Сегодня египтологи решительно отвергают эту идею, для которой вообще нет никаких доказательств.

Воскресения, самыми разными способами, включая, например, предпринятое гомосексуальное изнасилование божественного ребенка, сына Исиды и Осириса.

(2) Египет долго страдал от постоянного проникновения семитов, непрерывной струйки тайно проникающих через Синайский полуостров враждебных чужаков, которые – после того, как они стали достаточно многочисленными – подрывали фундамент египетского общества обычными методами политической подрывной деятельности, принеся этой стране все ужасы пролетарской революции, и, наконец, с помощью предателей из числа местных жителей захватили в свои руки власть в ней приблизительно с 1780 года до нашей эры, пока они не были, наконец, изгнаны египетским восстанием в 1570 году до нашей эры. У этих семитов был племенной бог, сопоставимый с Яхве жидов, которого они отождествили с Сетом, и почитание которого они пытались всякий раз (когда это было политически целесообразно) навязать всем египтянам. Коварных чужеземцев от всей души ненавидели египтяне (включая, без сомнения, оппортунистов, служивших врагу в качестве подставных руководителей и пособников), и после изгнания семитов их бога Сета ненавидели как покровителя отвратительной расы, которая принесла Египту неисчислимые бедствия и два столетия плохо замаскированного рабства.

Оба этих соображения сделали Сета аналогом христианского сатаны, антибогом, которого египтяне ненавидели – б***о***льшую часть времени, поскольку мы не можем ожидать логической последовательности от их беспорядочных в религиозном отношении умов. [105]

Это возможно, хотя и недоказуемо, что Зороастр находился под влиянием того, что он слышал о вавилонском и, возможно, о египетском многобожии, когда формулировал свой революционный дуализм.

---

[105] Сета презирали и ненавидели как бога всего зла, но, каким бы невероятным это ни показалось, время от времени ему в то же время поклонялись как благодетелю и оказывали особые почести цари Девятнадцатой династии (1320-1200), два из которых даже взяли себе имя Сети (Seti, Sethos), чтобы идентифицировать себя как его особых протеже. Это похоже на то, как если бы какие-то короли христианской Европы посвящали соборы Иуде и Сатане! Расовый распад, вероятно, начался довольно рано в египетской истории, но уже в Двенадцатой династии мы находим разумное понимание расовых различий; при правлении гиксосов нация подверглась почти полному расовому смешению, и её религия превратилась в хаос запутанных суеверий. Насколько я знаю, нет никаких доказательств, которые позволили бы предположить, что у почитания Сета царями с именем Сети был расовый подтекст, как и не было нужды для этого в религии, в которой богиня может стать матерью своего отца. Египетская религия – пример национальной шизофрении. [Отсутствие доказательств не может считаться доказательством отсутствия. То, что «неопределённо-семитская» гиксосовская оккупация в действительности была жидовской, доказал, например, Чарльз Джулиани. - прим. перев.]

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ: ВЕЛИКАЯ ПЕРЕОЦЕНКА, ДУШЕВНАЯ МАГИЯ, ДОМ БОГА, БУДДИЗМ И ТАПАС

ВЕЛИКАЯ ПЕРЕОЦЕНКА

Рассматривая Зороастра с исторической объективностью, мы испытываем страх перед чудовищным масштабом его религиозной революции.

Он изобрел абсолютно доброго бога, Ахурамазду, которого он идентифицировал как Создателя и уникальный источник всей моральной честности и праведности. И так как трудно вообразить бога-отшельника, он сделал так, чтобы его бог создал для себя двор божественных сатрапов, если можно так выразиться, шесть «Амеша Спента», которые представляют собой просто персонифицированные абстракции. Их зовут Vohu Manah («Добрая воля»), Asa Vahista («Правда» = То, что является Правильным, и физически, и нравственно), Xsathra Vairya («Справедливое правление»), Spenta Armaiti («Благочестие»), Haurvatat («Совершенство» = здоровье всех частей) и Ameretat («Бессмертие»). У этих небесных аристократов, естественно, есть свои свиты ангельских слуг и воинов, но, очевидно, наша преданность должна быть обращена только одному доброму богу. Чтобы быть спасенными, мы должны завербоваться в его армию.

В качестве антитезы для своего хорошего бога Зороастр придумал бога чистого зла, Ангра-Майнью, уникального автора всех грехов и порока, виновника всех страданий всех людей. Этот заклятый враг доброго бога создал свои легионы дьяволов, чтобы обольстить и сокрушить человечество, и в действительности эти злобные духи – все боги всех народов на земле, которых не научили поклоняться Ахурамазде. И поэтому верующие тех богов – смертные солдаты бессмертного врага Праведности.

Из этого следует, что обязанность всех, кто был спасен Откровением Зороастра, состоит в том, чтобы «обратить» в правильную веру или уничтожить все народы в мире, которые поклоняются другим богам и тем самым служат Ангра-Майнью в его Космической войне против Добра.

Зороастр, несомненно, испытал бы страдания, если бы он мог предвидеть, что никакой помощник Ангра-Майнью не смог бы проделать лучшую работу, чем он сам, ибо его Откровение принесло человечеству пагубную эпидемию религиозной мании, которая характеризует все религии «откровения», – анеретический (anaeretic) фанатизм, смеющий уверенно говорить «Gott mit uns!» («С нами бог!»). Более рациональное многобожие Арийцев и других рас препятствовало людям подобным образом потерять рассудок. Никогда нельзя было быть уверенным в благоволении какого-то бога или в пределах его власти. Афиняне почитали Посейдона, но это не предотвратило бурю, которая испортила победу их флота в

битве при Аргинусских островах. Афина, несомненно, была довольна её храмом на Акрополе, но она не смогла спасти ни город, который взял её себе в качестве патронессы, ни даже свой собственный храм от Ксеркса. И если какие-то боги покровительствовали вам, то вы могли убедиться, что на стороне врага тоже были его собственные боги. Во время Троянской войны некоторые из богов Олимпа сочувствовали грекам, а некоторые поддерживали троянцев. Но самое большое, что мог сделать бог, это оказать небольшую помощь своим фаворитам в борьбе, которая решалась человеческой храбростью и стратегией, равно как и обезличенной и бесстрастной силой Судьбы, которая была сильнее богов. Политеист мог уважать своих богов, но он знал, что он всё равно должен будет считаться с действительностью. Однако человек, Спасённый великолепным Откровением, достигая солидарности с всемогущим (ну ладно, *почти* всемогущим богом), может впасть от своей Праведности в исступление.

Извратив Арийскую религию и превратив ее богов в демонов, Зороастр создал высокомерный фанатизм, который так часто и так ужасно вновь и вновь проявлялся во всей последующей истории. Отсюда, в частности, возник ядовитый фанатизм христиан, которые никогда не сомневались в существовании и даже власти Юпитера, Марса, Венеры, Аполлона и других богов античного мира, однако видели в этих благородных, красивых и часто добрых существах бесов, отвратительных злодеев, [106] которых нельзя было убить как таковых, но чьи прекрасные храмы можно было осквернить и разрушить, чьих верующих можно было терроризировать или убить, а их красивые дома с выгодой для себя разграбить, и чье предполагаемое покровительство искусствам и наукам дало желанный предлог для того, чтобы возвести в святость невежество, грубость и мизологию [ненависть к наукам и разуму вообще]. А когда христиане, наконец, начали сомневаться в существовании «языческих» богов, в стене их Веры уже появилась зловещая трещина. [107]

---

[106] Ортодоксальная доктрина кратко объяснена Блаженным Августином в De civitate Dei, («О граде Божьем») IV.I: «Ложные боги, которых они («язычники») чтили явно, а некоторые и сейчас еще чтут тайно, суть нечистые духи и коварные демоны, – нечистые и коварные до такой степени, что услаждаются своими то ли действительными, то ли вымышленными злодеяниями, повелев прославлять эти злодеяния в дни своих праздников; это для того, чтобы слабая человеческая природа не могла воздерживаться от предосудительных поступков, коль скоро ей представляется для подражания в этом как бы божественный пример».

[107] Немногие размышляли о глубоком значении возрождения античной мифологии в эпоху Ренессанса. Гуманисты, отреагировавшие на истинную красоту древних мифов и благородной литературы, которая их сохранила, могли утверждать, что те боги были лишь прекрасными вымыслами и на самом деле не существовали. Это было решительным ослаблением христианской ортодоксальности, как это было правильно воспринято некоторыми христианскими врагами науки и разума того времени, например, Джованни из Сан-Миниато, неотесанный «Lucula noctis» которого был впервые отредактирован и издан Эдмундом Хантом (университет Нотр-Дама, 1950). Колюччо Салютати высмеял латынь этого автора, которая, хоть и не настолько крайне варварская, как в случае такого большого количества средневекового материала, была синтаксически и лексически несовершенной. В эпоху возрождающейся учености этого было достаточно, чтобы заставить святого человека заткнуться.

Зороастр и его духовные потомки – Иисус, Магомет и множество менее успешных Спасителей – превратили мир в одно огромное поле битвы, на котором Ахурамазда и Ангра-Майнью (под этими или другими именами) ведут бесконечную войну за власть над всем миром. И так как эти два почти всемогущих божества, так или иначе, нуждаются в солдатах, чтобы те сражались за них, то каждый человек обязательно должен участвовать в этой отчаянной войне за мир – и если он не сражается за доброго бога, то он служит злому.

Обязанностью каждого «праведного» человека становится проповедовать новое евангелие всему миру, как поступал Зороастр и его ученики; однако если войска злого бога настолько упрямо невосприимчивы к риторике, что они отказываются покидать своего командующего, то в таком случае они должны быть уничтожены. Другими словами, Зороастр изобрел джихад, священную войну, и это его изобретение должно расцениваться как одно из самых крупных бедствий, когда-либо обрушивавшихся на нашу расу и вообще на всё человечество. Когда зороастрийский культ описывают ученые, сохранившие в своих умах остатки христианства, они елейно разглагольствуют о «духовных ценностях» и «высокой этике», но они никогда не думают о подсчете трупов.

Согласно зороастрийской традиции – и на самом деле не имеет значения, является ли это предание записью фактических событий, или же оно ставит в пример идеал для правоверных – когда Зороастру, наконец, удалось убедить в своем Евангелии и Спасении царя Виштаспу, этот монарх, естественно, захотел спасти души своих подданных, и он набожно предоставил им выбор: спастись, или им перережут глотки. Укрепив таким образом воинствующую церковь (при помощи своих придворных и чиновников, которые, конечно же, почувствовали Истинность новой религии сразу же после «обращения в новую веру» царя, являвшегося источником всех доходов), он был готов обратить свои благочестивые мысли к соседним странам. И далее мы видим длинную хронику чрезвычайно кровавых завоеваний, которые в действительности названы «религиозными войнами» в летописях на пехлеви. Войны и сражения описаны с большими подробностями. Например, в первом большом сражении Виштаспа потерял 38 из своих сыновей, 1163 дворян и 30 000 обычных солдат, но злые «язычники» потеряли более 100 000 человек. Результатом стало перемирие, однако война было возобновлена, и после многих перипетий и превратностей Истинная вера восторжествовала, а праведные научились не щадить жизни никого из «неверных». Великолепны герои, которые являются Мечом Бога и делают всё возможное, чтобы смыть грех с лица земли кровью! [108]

---

[108] Для знакомства с попыткой извлечь какую-то историю из этих сказок, см. книгу профессора А. В. Уильямса Джексона «Зороастр» (Нью-Йорк, 1901). Конечно, были и более поздние спекуляции, однако когда мы вообще не знаем, действительно ли существовал какой-то царь Бактрии, который поверил Зороастру, мы блуждаем в тумане, не имея никаких исторических доказательств, которые могли бы нас из него вывести.

Переходя от легенд к истории, как мы уже видели ранее, монархи Персидской империи были набожными зороастрийцами и приписывали свою власть воображаемым милостям Ахурамазды, однако такое религиозное рвение, которое они, возможно, испытывали, более или менее смягчалось политическим благоразумием, пока мы не доходим до Ксеркса. Этот царь оставил нам доказательство своего фанатизма в надписи, в которой он с гордостью описывает опустошение им Афинского Акрополя: «Там было место, в котором прежде поклонялись дьяволам (*дэвам, daiva*). Там, с помощью Ахурамазды, я уничтожил это логовище дьяволов и издал указ: «Вы не должны поклоняться дьяволам». И в том самом месте, в котором когда-то поклонялись дьяволам, я набожно и с праведностью поклонялся Ахурамазде».

В битвах при Саламине и Платеях греки спасли Европу от духовной чумы (по крайней мере, на несколько столетий).

ДУШЕВНАЯ МАГИЯ

Благочестивое племя умных священников Ахурамазды подарило нам слово «магия», однако ни один из их фокусов ловкости рук не был и наполовину настолько изумителен, как те чудеса, которые, по словам Зороастра, он совершал уже в самом начале своей пастырской деятельности. В одном из своих Гат он щедро хвалит туранца по имени Фриана, и – согласно единообразной и неизменной традиции – этот человек и его семья были среди самых первых новообращённых в религию Зороастра. [109] Они были среди первых Апостолов, и они и их потомки почитались как таковые. Другими словами, тюрко-монголы были превращены в Арийцев (или их эквивалент) одним лишь тем, что они поверили – или сказали, что поверили – в небылицы Зороастра о недавно придуманном им боге.

[Туранцами персы тех времен называли кочевые восточно-иранские народы. Они не были ни монголоидами в расовом отношении, ни тюрками в языковом. – прим. перев.]

Зороастр, похоже, был изобретателем понятия «духовного преобразования», совершаемого религиозным «обращением в веру», которое, конечно же, намного

---

[109] Есть еще более странное предание (не подкрепленное Гатами), что самый первый человек, которого Зороастр попытался «обратить» в новую веру после своей конференции с Ахурамаздой, не был Арийцем! Он был туранцем по имени Урвайтаденг, праведным и благородным человеком, который принял бы Евангелие, если бы не заметил теологическую доктрину «xvaetvadatha», которая рекомендует как особенно благочестивые и похвальные сексуальные союзы между матерью и сыном и между братом и сестрой (см. примечание 11, стр. 84 выше). Эта идея настолько потрясла тюрко-монгола, что он отверг Спасение, и он и его потомство были прокляты раз и навсегда. Пусть же это будет уроком всем сомневающимся, которые позволяют своим собственным слабым умам сопротивляться повиновению Воле Божьей, которая является тайной вне всего человеческого понимания!

более чудесно, чем превращение принцессы в белую кошку или лягушку, о чем нам так часто рассказывают в сказках. Сказки эти предполагают, что принцесса остается сама собой, со своим умом и характером, которые не меняются от того, что оказываются заключены в тело кошки или земноводного, тогда как чудо религиозного «преобразования», как нам говорят, изменяет характер и тем самым превращает человека в другую личность. [110]

Туранцы превратились в нечто большее, чем в Арийцев. Веря Зороастру, они вступили в войско доброго бога, став, таким образом, значительно выше всех Арийцев, которые отказались от Спасения в руках божьего торговца. Они получили право – нет, даже обязанность – помочь перебить всех тех Арийцев, которых они непременно должны были считать агентами злого бога и поэтому своими собственными смертельными врагами. Арийцы, принявшие новую религию, должны были считать одинаково священных инородцев своими братьями по оружию, в то время как другие Арийцы, включая, возможно, тех, кто были самыми близкими и дорогими им людьми, превратились в их врагов, злых существ, которые, если на них не подействуют увещевания и преследования, должны будут быть уничтожены, чтобы тем самым помочь построить Лучший Мир. Зороастр мог бы с ликованием воскликнуть – так же, как и Иисус намного позже него: «не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его». Эта религия стала разъедающей кислотой, которая растворяет все естественные узы общества, рода, семьи, социального положения, расы и даже правительства, и заменяет их поддельной и неестественной связью единодушия в суеверии.

Один недавний автор не сильно преувеличивает, когда, намереваясь похвалить зороастризм, он описывает его как «универсалистскую религию, защищающую духовное равенство между всеми расами, нациями и классами, даже между мужчиной и женщиной... Государство, как полагали, не было высшей

---

[110] Мисс Бойс полагает, что во времена Зороастра туранцы (Tuirya) были одним из пяти родственных племен одной и той же расы; что когда они описываются как противники Арийцев (Airya), то имеется в виду не раса, а одно из этих пяти племен; и что название «туранцы» было перенесено на тюрко-монголов, когда они оттеснили Арийское племя и заняли территорию, которую, как мы знаем, они удерживали во время Персидской империи. Эта версия, сама по себе кажущаяся маловероятной, основывается на очень ранней датировке, которую она определяет для времени жизни Зороастра, а также на ее утверждении, что Зороастр не имел вообще никакого отношения к мидянам, персам и магам, так что традиционные предания о его происхождении, путешествиях, пастырской деятельности и вербовке магов были лишь поздними и необоснованными вымыслами.
Если это верно, то мы должны признать, что в действительности мы вообще ничего не знаем о Зороастре, и становится вероятным, что Гаты, которые претендовали на то, чтобы быть письменной фиксаций его слов, представляют собой лишь очень умные подделки, а сама эта религия была с самого начала придумана магами. Это кажется мне чрезвычайно неправдоподобным в свете того, что мы знаем о происхождении религий «откровения» и общего тона Гат (ср. выше, стр. 71).

реальностью... Оно должно было создать атмосферу[!], в которой все люди, независимо от их пола, класса или расы могли бы достичь совершенства [!]». [111]

Зороастрийский культ и все происходящие из него культы могут быть резюмированы в одном предложении: они заменяют расу церковью. [112] Они – смертельный расовый яд. Они – бубонная чума разума и духа, которая истощала жизнеспособность нашей расы на протяжении многих столетий и сегодня привела ее на грань гибели.

У нас имеется очень немного информации о расовом применении этой религии на ее ранних этапах. Зороастр говорит нам, что он ненавидел всех, кто не принимал его «откровение», и одно, вероятно, подлинное предание добавляет, что Ахурамазда приказал ему проклясть всех, кто не принял Евангелие, и что далее Зороастр приказал, чтобы на любой территории люди, отвергающие Спасение, сразу же были убиты. Очевидно, здесь не было и мысли о том, чтобы щадить Арийцев. С другой стороны, Зороастр радуется тюрко-монгольским новообращённым и посылает своих миссионеров в «далекие земли», по-видимому, независимо от населяющей их расы. Однако чувство расовой целостности не было быстро уничтожено, поскольку, когда Дарий хвастался, что он – «Ариец Арийцев», он, очевидно, говорил о расе. Нет сомнений в том, что он именно так понял зороастрийскую догму, которая, вероятно, датируется его временем и гласит, что править должны только Арийцы. Странно то, что единственным ранним термином для сторонников новой религии, кажется, был «Airyavo danghavo», который идентифицирует их как «Арийских людей», но должен включать и новообращённых других рас, пришедших к «универсальной», мировой религии. Есть случаи, в которых значение этого существительного неоднозначно, еще до того как мы дойдем до поздних писаний на пехлеви, в которых слова «Ариец» (Eran) и

---

[111] Ruhi Afnan, указ. соч., стр. 30.

[112] Мы не должны преувеличивать. Смешение рас началось намного раньше Зороастра, и религии просто освящали этот неисправимый недостаток и разрушали уже и так слабое расовое сознание. Всюду, где утверждалась наша раса, наши мужчины оказывались неспособны игнорировать женщин других рас. Экспедиции викингов неизбежно были малочисленными группами воинов, и когда они захватывали территорию, далекую от дома (в Западном полушарии), смешение рас было неизбежным, хотя и прискорбным явлением, особенно в его воздействии на получающихся в результате таких смешанных браков полукровок. (Ср. выше, стр. 46.) При племенных миграциях, таких как переселение Арийцев в Индию, не было никакой веской причины для такого безответственного потакания похоти, которое может извинить только их незнание генетики. Первостепенная важность расовой наследственности действительно является недавним открытием, которое, конечно же, ненавидят наши враги и все те наши люди, которые наживаются на невежестве и суеверии. Это правда, что пока наша раса не стала жертвой яда «Единого мира» и не заболела манией самоубийства, мы действительно пытались уберечь наших женщин от чужеродных примесей, и время от времени в различных обществах прилагались некоторые усилия по ограничению законных браков с женщинами нашей расы, оставляя мужчинам свободу порождать ублюдков-полукровок, которые не могли наследовать собственность или гражданство. Такие благоразумные инструкции, однако, недолго соблюдались на практике, даже когда они не были разрушены эгалитарными религиями, которые, тем не менее, должны быть признаны самой сильной из всех дисгенических [вырожденческих] сил.

«неариец» (Aneran) просто означают «зороастриец» и «неверный». Как я указывал в одной из предыдущих глав, я подозреваю, хоть и не могу доказать, что маги прибегли к словесной уловке, *more theologorum*. Слово *arya* означает «благородный, достойный уважения», и так как люди доброго бога должны были быть превосходными людьми и стоять выше грешников, они могли быть описаны как *aryas*, «почтенные люди, лучший народ», даже если в расовом отношении они не были Арийцами. В таком случае, продуманная двусмысленность была бы сопоставима со словесными уловками, которыми пользовались ранние христианские отцы церкви.

К сожалению, мы точно не знаем, как замена расы церковью рассматривалась с теологической или даже с политической точки зрения в Персидской империи, и мы, как всегда, вынуждены сожалеть об уничтожении практически всех многочисленных трудов магов, когда Персия была завоевана мусульманами в седьмом веке, и, конечно же, о более ранней потере обширных переводов основных зороастрийских священных писаний и теологических работ на греческий язык, которые были сделаны для удовлетворения просвещенного любопытства александрийских ученых во времена Птолемеев, и, естественно, не пережили окончательное разрушение большой библиотеки в Александрии толпами невежественных и злобно ненавидевших науку христиан в 389 году. [113] Таким образом, мы вынуждены обходиться предположениями, однако мы, по крайней мере, можем сделать оправданный вывод, что «Арийская» религия была более привлекательной для других рас в обширной и многонациональной Персидской империи, и что более умные и честолюбивые представители этих рас приняли официальную религию как средство идентификации с доминирующей культурой, что очень похоже на то, как китайцы, индусы и другие представители восточных

---

[113] Христианский сброд во главе с особенно отвратительным богословом Феофилом, Патриархом Александрии, разрушил Серапеум, в котором всегда располагалась центральная часть большой Библиотеки, и который, кажется, избежал серьезных повреждений во время более ранних беспорядков и восстаний, так часто происходивших в этом городе, обычно подстрекаемых огромной колонией жидов. Дата этого акта зверского вандализма также указана в некоторых источниках как 391 год. После христиан там, вероятно, не осталось ничего, что бы далее могли разрушить мусульмане, когда халиф Омар (Умар) взял город в 640 году. Широко известная и часто повторяемая история об уничтожении арабским полководцем Библиотеки, кажется, была придумана Бар-Эбреем (Бар-Хебреус), жидом и христианским епископом, приблизительно в 1270 году.

[История о халифе Омаре и Александрийской библиотеке была хорошо рассмотрена немецкой исследовательницей Зигрид Хунке в ее книге «Аллах совсем другой. Разоблачение тысяча и одного предубеждения об арабах». – прим. перев.]

Мы должны особенно сожалеть о потере писаний, подлинных или поддельных, которые были, вероятно, приписаны Саэне (Saena), преемнику Зороастра, который упомянут в Авесте и, как говорят, обучил сто учеников, и работ очевидно выдающегося богослова Остана (Останес, Ostanes). Остан, как говорят, был фаворитом Ксеркса, и ему приписывают труд, названный в греческом переводе «Oktateuchos». Остан, между прочим, с одобрением цитируется одним из самых ранних христианских авторов Минуцием Феликсом (26.11). Наряду с Зороастром он был самым знаменитым зороастрийским мудрецом, и многочисленные ссылки на него у греческих и латинских авторов собраны Биде и Кюмоном в «Les Mages hellenises».

народов приняли христианство, чтобы облегчить свои отношения с нами. С другой стороны, мы можем предположить, что персы, которые сформировали правящую аристократию и пользовались определенными привилегиями (вроде освобождения от большинства налогов), которые не распространялись на других Арийцев, мудро с политической точки зрения одобрили религию, которая обеспечивала некоторую объединяющую связь между сильно различающимися народами под их правлением, что способствовало лояльности к их империи. Персы, как и британцы в Индии, допускали туземцев к довольно высоким административным постам в различных сферах; для них было бы вполне разумно поддерживать – возможно, исключительно – тех туземцев, которые приняли религию своих завоевателей и этим показали свое, возможно, искреннее желание ассимилироваться в их культуру.

Мы должны также принять во внимание моральную привлекательность религиозного «изделия» Зороастра. Он сделал так, чтобы Ахурамазда заповедал такое поведение, которое имело самую высокую социальную полезность, и, особенно в своем подчеркивании мужественной храбрости и правдивости, соответствовало кодексу чести, которым славилась персидская аристократия. [114] И разумные губернаторы, независимо от их личного мнения, естественно, поощряли практику системы душевной магии, благодаря которой более низкие расы могли быть превращены в людей с автоматическим повиновением законам, поддерживающим порядок и внутренний мир цивилизованного общества. Тут имеется очевидная аналогия с верой, которую уже долго лелеют в современном мире, что христианство способно смягчить и контролировать расовые наклонности негров и других дикарей.

У создания равенства среди людей с помощью религиозной магии есть еще один аспект – социальный, нежели чем конкретно расовый. Оно, очевидно, несет с собой значение «бесклассового общества», которое сегодня так очаровывает сторонников атеистических производных христианства, возбуждая их *Schadenfreude* [злорадство], которое они называют «социальной справедливостью». Этот аспект религии должен был быть очень привлекательным для «слабых и угнетенных», [115]

---

[114] Этика старой персидской аристократии, и особенно их настойчивое требование всегда говорить правду, произвели на греков очень сильное впечатление – такое сильное, что Ксенофонт сделал Кира героем своего дидактического романа, хотя сам он едва избежал смерти от рук Тиссаферна, перса благородной родословной и при этом – образца предательства и вероломства. [Возможно, благородная родословная оказалась смешанной с (известно чьей) нечестивой родословной.] Конечно, Ксенофонт завершает «Киропедию» главой о разложении и вырождении персидской аристократии в его время, когда, как он говорит, никто не стал бы им доверять. Похоже, религия, как обычно, не принесла большой пользы их нравам.

[115] Фраза взята у одного современного парса, которого я цитировал выше, стр. 77, отметившего, что зороастризм привлекал к себе тех же людей, что и более позднее христианство. Он, однако, путает две сильно отличающиеся вещи: привлекательность религии для низов общества (таких как жидовская чернь, из которой вышли апостолы и т.п. в «Новом Завете»), и ее привлекательность для женщин, которые не обязательно слабы или принадлежат к низким общественным слоям. Он мог бы отметить контраст между религией Зороастра, которая действительно давала равенство женщинам (по крайней мере, в теории) и христианством, которое - в лице культа, который в

для пролетариата, настоящих отбросов любого общества. Хотя, как мы все знаем, сложность человеческой генетики и превратности человеческой судьбы весьма часто порождают талантливых и достойных людей среди бедняков (и аналогично порождают двуногих вредителей из числа богачей), однако простой и очевидный факт состоит в том, что отбросы населения естественным образом опускаются на дно в любом упорядоченном обществе, и что катастрофа может быть единственным результатом современной мании постоянно перемешивать «открытое общество» так, чтобы муть на дне становилась пеной [также «*подонками*», *scum*] на вершине.

Особенно прискорбно, что у нас нет никакой возможности узнать, когда заблуждение о равенстве, которое, конечно же, присутствует в собственных Гатах Зороастра, было впервые логически расширено для практического применения к организации общества, но, как я думаю, мы можем быть уверены, что революционный потенциал этого суеверия был осознан задолго до того, как самые ранние из дошедших до нас документов его засвидетельствовали. При ранних Сасанидах маздакиты, многочисленная и популярная секта, проповедовали «социальное евангелие», рассуждая, как многие христианские секты и их якобы светские производные (например, марксисты), что раз все люди были созданы равными, то они должны быть сделаны равными в доходах, социальном положении и льготах (например, в доступе к наиболее желанным женщинам [мерзопакостная мечта самых уродливых жидов]). Они предвосхитили современных «либералов» и других коммунистов, особенно выступая за налогообложение как средство сделать всех равными. Эта набожная идея сильно понравилась царю Каваду, который обнаружил свою казну почти пустой и, подобно современным правительствам, счел «неимущих» [«непривилегированных», underprivileged] замечательным оправданием для ограбления своих подданных. Его преемник, великий Хосров, упрочившись во власти с лояльной армией, решил, что маздакиты не были ортодоксальными зороастрийцами и подтвердил свою точку зрения, перевешав их всех (он не был склонен к излишнему пролитию крови, пока другие методы практического богословия не были для него более удобными). Маздакиты, избежавшие истребления в 529 году, несомненно, стали осторожными, поскольку с того времени мы больше ничего о них не слышим. Однако коммунизм был столь же неотъемлемо присущ зороастризму, сколь он присущ и христианству, и он вновь появляется в девятом столетии в секте («братстве») Хоррами, которая процветала в древней Атропатене и Мидии (областях, где зороастризм всегда был самым сильным) и которая представляла собой последний бастион своей религии против мусульман, которые, в конечном итоге, ее подавили.

конечном итоге достиг власти - видело в женщинах низшие и потенциально опасные существа, и некоторые из Отцов говорят о «несовершенном животном» в словах, которые намекают на желание предвосхитить мусульманское учение о том, что женщины, не имея душ, не выживут и поэтому не смогут изводить мужчин в раю (где Аллах обеспечит намного лучшую замену - райских дев (houri), что является удачной идеей, которая не пришла в голову Отцам, не видевшим никакой пользы от женщин вне Ада). Однако возможно, что Анатоль Франс был прав, когда он отметил, что женщины были, собственно говоря, благодарны христианству: именно оно сделало их грехом.

Как и все религии «откровения», творение Зороастра загубило умы всех, кто поддался его показной и вульгарной привлекательности. Оно заменило верой – эмоциональной и иррациональной убежденностью – осмысленное наблюдение и размышление. Оно было губительным ухудшением в сравнении с относительно разумным многобожием, которое оно подменило, ведь многобожие в действительности не сковывало и не парализовывало мозг. В греко-римском мире, например, Арийский ум чувствовал, что человеческий вид должен был быть продуктом какой-то эволюции. Как хорошо знает каждый читатель великолепного стихотворения Лукреция, главный принцип, который определяет выживание или исчезновение видов животных, был известен, и развитие цивилизованного человека от более низких, менее человеческих видов признавалось, как признавался и определяющий фактор – способность и воля цивилизовать себя. Лишь с толикой воображения и журналистского преувеличения можно было бы увидеть в пассаже из пьесы Мосхиона (вероятно, четвертое столетие до нашей эры) схему развития нашего вида от человекообразных австралопитеков до греческой цивилизации. [116] Даже до Демокрита умные люди понимали, что идея особого сотворения людей каким-то неумелым богом не имела смысла. И думающие люди пытались объяснить существование нашей специфической формы животной жизни логическими рассуждениями на основе тех данных, которые были доступны им тогда, придя еще в пятом столетии до нашей эры к гипотезам более рациональным, чем что-либо известное в христианизированной Европе до девятнадцатого века.

«Духовное» изделие Зороастра и все «откровения», для которых оно послужило моделью, заменяют использование интеллекта нелепой по своей сути историей о воображаемой власти Большого Папочки, который всё знает, потому что он всё это создал, и который говорит, что нам делать, чтобы нищим духом никогда не пришлось напрягаться, пытаясь стимулировать то количество коры головного мозга, которое имеется в их головах. Отсюда мы получаем глупую историю о близнецах Машйе и Машйане, которая, однако, более правдоподобна, чем идиотская жидовская сказка об Адаме и его запасном ребре, в истинности которой – насколько бы невероятной эта байка ни казалась нам *a priori* [независимо от опыта] – христиане пытались убедить себя на протяжении столетий и, кажется, преуспели в том, чтобы достигнуть необходимой степени слабоумия. И даже сегодня нас донимают болтовней ничтожества, у которых, после получения какого-то технического образования в колледжах, хватает наглости, чтобы называть себя «учеными» и вместе с тем требовать пропаганды этой старой заплесневелой чуши в школах как «креационизма», противоядия от разума. И мимоходом я печально замечаю, что у них нет даже хорошего вкуса, чтобы выбрать самый разумный миф о творении, который мне известен: первые люди были вылеплены из глины божественным скульптором Прометеем, который, однако, проделал значительную часть своей работы ночью, после того как он возвратился с попойки с другими

[116] Текст можно найти у Снелла в «Tragicorum Graecorum fragmenta» и в «Oxford Book of Greek Verse»; есть английский перевод в Томе III «Истории греческой философии» У. К. Ч. Гатри (Кембриджский университет, 1969).

богами на Олимпе, так что в итоге его помутившийся от вина ум и трясущиеся руки проделали достойную сожаления плохую работу, которой мы и являемся. [117] По деятельности этих надоедливых зануд можно оценить результаты разрушительного воздействия галлюцинаций или хитрости Зороастра на нашу расу; «проклятие остается», и «глубоко его опустошение» [«the curse remains» and «deep is its desolation»].

В шестом столетии до нашей эры Ксенофан Колофонский, которого мы уже упоминали в этой брошюре, полностью осознал, что если люди хотят улучшить свой удел в жизни, они могут полагаться только на самих себя, а не на сверхъестественных существ, которых они придумывают в моменты праздного воображения. И такое реалистичное понимание нашего положения в мире поддерживалось хорошими умами, пока греко-римский мир оставался Арийским. Оно исчезло лишь тогда, когда Римская империя была настолько загрязнена притоком выходцев с Востока и унизительными мифами, дорогими для их иррационального менталитета, что величественное здание цивилизации неизбежно низверглось в варварство Средневековья. Унижающее и ослабляющее суеверие, придуманное Зороастром, сделало людей зависимыми от удаленных богов или ангелов и дьяволов, которые постоянно над ними роились. И те остатки интеллекта, которые еще остались у людей, должны были быть посвящены маневрированию среди невидимых и неощущаемых призраков или теологическим словопрениям о продуктах человеческого воображения.

Весь мир сошел с ума, и люди зря тратили свои силы и разрушали свои жизни и жизни неисчислимых современников в неистовой попытке зарезервировать для собственных предполагаемых призраков подходящее местожительство в мире грез, «вне пространства и времени».

Цивилизация состоит больше из надежд и усилий, чем из уже достигнутого, и то лучшее, чего мы способны достичь, остается хрупким и пребывает во власти непредсказуемых катастроф и, без сомнения, прискорбных капризов нашего собственного вида. В лучшем случае цивилизация похожа на маленькую расчищенную полянку в плотно окружающих ее и постоянно наступающих со всех сторон джунглях. Может случиться так, что она не сможет долго продержаться ни при каких обстоятельствах, но в одном можно быть совершенно уверенными: она несовместима с религиями «откровения» и с их воющими дервишами.

---

[117] Этот миф о творении есть у Федра (IV.15 & 16); он может быть его автором. Другое объяснение одной из грубых ошибок Прометея находится в известной басне Эзопа, № 240 в «Aesopica» Б. Э. Перри (Университет штата Иллинойс, 1952). Конечно, у наших политеистических религий было много мифов о творении, но все люди были достаточно разумны, чтобы знать, что они были всего лишь мифами, и любой человек мог свободно придумать новый. Кстати, байка о Еве и болтливом змее, возможно, вполне могла быть вдохновлена популярным мотивом в античной жанровой скульптуре: девушка с большим вожделением смотрит на восхитительное яблоко, висящее на ветви дерева, обвитого змеей. Смысл очаровательной композиции очевиден, но жид бы его не понял. Одну такую скульптуру, датирующуюся третьим веком до нашей эры, можно увидеть в American Journal of Archaeology, XLIX (1945), стр. 430 и последующие страницы.

ДОМ БОГА

Когда в наши дни кто-то продает свой дом, то новый владелец дома почти всегда делает в нем какие-то изменения: он может покрасить его в другой цвет, может отремонтировать интерьер и установить новую мебель, он может удалить разделяющую стенку между небольшими комнатами или разделить очень большую комнату, он может реконструировать кухню, и он может сделать другие изменения, чтобы удовлетворить свой вкус или комфорт; однако остов дома, его фундамент, его балки, его крыша и его стены остаются неизменными.

Предшествующего описания, настолько сжатого и конспективного, будет достаточно, чтобы показать, что христиане сегодня живут в старом доме Зороастра. Дом был реконструирован тут и там, однако основа дома остается такой же, на какой он был построен двадцать шесть столетий назад.

Основные элементы более нового культа все присутствуют в творении Зороастра: Хороший Бог и Плохой Бог; их армии ангелов и дьяволов; оспариваемое в борьбе разделение вселенной между Добром и Злом; священная война за Единый Мир Праведности; Рай и Ад и даже Чистилище (Misvan Gatu); равно как и апокалиптическое видение космической борьбы, которая закончится только в решающем последнем сражении между войском Бога и войском Сатаны, за которым последует Последний суд и конец Времени, после которого ничто и никогда уже больше не сможет изменяться. Все люди возникли от одной созданной божественной силой первоначальной пары, потомки которой, равные по происхождению, делаются равными Верой в Доброго Бога, который породил и послал в мир Рожденного девственницей Спасителя, чтобы открыть свою волю смертным, грехи и заслуги которых аккуратно регистрируются небесной бухгалтерией при подготовке к Последнему суду, когда, каким бы невероятным это ни казалось, они будут воскрешены, так чтобы, если можно так выразиться, они могли наслаждаться вечной жизнью в своих собственных персонах. Зороастрийцы, между прочим, объясняют, что когда это время настанет, рьяные агенты Ахурамазды найдут и повторно соберут каждую частицу плоти человека, которую съели и переварили хищные птицы за столетия или тысячелетия до того. Христиане не делают никаких попыток это объяснить, и в большинстве церквей они по-прежнему пересказывают «Символ веры» (подделанный в конце четвертого столетия и впоследствии пересмотренный), подтверждая, что они верят в «Воскресение Плоти» [«Чаю воскресения мертвых» – прим. перев.], однако они, вероятно, никогда не задумываются о том, что они вообще произносят.

Мы могли бы добавить многочисленные детали христианской доктрины, которые были разработаны магами в различных зороастрийских сектах: исповедь (признание в грехах) (*paitita*), епитимия и отпущение грехов (*barasnom*), церемониальный Последний ужин (Тайная вечеря) из хлеба и вина, соблюдение двадцать пятого декабря как дня рождения божества и многие другие вещи, включая

даже терминологию, вроде использования слова «Отец» для обозначения священника. [118]

Зороастризм и христианство, однако, не идентичны с разницей лишь в изменении имен и нескольких незначительных деталях. Реконструкция ввела два действительно поразительных различия. Когда Зороастр появился из матки девственницы, он засмеялся, чтобы показать, что жизнь хороша, и что ею нужно наслаждаться, и хотя маги с обычным беспокойством святых мужей о своих профессиональных заработках выдумывали всевозможные виды причастий, обрядов, церемоний и религиозных обязанностей, чтобы их клиенты продолжали работать на них, эта религия никогда не теряла пристойного уважения к человеческой природе. Первая женщина была сестрой-близнецом первого мужчины, и зороастриец никогда не думал о женщине как о «несовершенном животном» с жадной похотью к половым сношениям, как о «враге дружбы, неизбежном наказании, необходимом зле, естественном искушении, вожделенном несчастье, домашней опасности, приятной порухе, [119] изъяне природы, подмалеванном красивой краской». [120] Ни у одного зороастрийца никогда не было болезненной христианской одержимости вопросами пола. И зороастриец никогда не думал, что он или она ублажит свирепого бога, отказываясь от собственной природы и естественных инстинктов, или извращая их, или, если уж на то пошло, причиняя себе дискомфорт и боль в оргии мазохизма. Ни один зороастриец никогда не думал, что остановить воспроизводство нашего вида и оставить мир необитаемым может считаться святым деянием. Ни один зороастриец никогда не заражался безумием, которое, например, заставило Иеронима убежать в пустыню, чтобы он не видел никакого «зла природы», и которое побудило Оригена кастрировать себя, чтобы успокоить ненависть бога к человечеству. Ум зороастрийца никогда не мучился и не приходил в смятение из-за кошмара «мнимой вины, Первородного греха, унаследованного от мужчины и женщины, которые обнаружили, что их создатель оснастил их половыми органами, но запретил им их использовать. [121] Ни у одного

---

[118] Многие детали, которые христианство позаимствовало у культа Митры, я кратко описываю в Приложении II.

[119] Поруха - вред, разрушение, порча.

[120] Цитата взята из перевода преподобным Монтегю Саммерсом знаменитого «Malleus maleficarum» («Молот ведьм», Лондон, 1928; Дуврская перепечатка, 1971), одного из самых внушительных памятников христианского богословия.

Было много переизданий оригинала в пятнадцатом, шестнадцатом и семнадцатом веках, и экземпляр того или другого издания, вероятно, можно найти в любой хорошей библиотеке, но вариант на латыни еще более трудный и неприятный, чем английская версия.

[121] Отвратительная и одержимая ненависть семитов к сексу настолько противна здоровым Арийцам, что даже страх перед ужасным богом мог привести их лишь к сдержанной попытке повиноваться ему, и многие, должно быть, втайне думали то, что посмел сказать автор средневекового романа «Окассен и Николетта»: что он предпочел бы скорее отправиться в ад с благородными дамами и учеными мужами, нежели в рай, наполненный толстыми монахами и неотесанными святошами. Время от времени проблеск гуманизма появляется даже у самых ортодоксальных схоластов. Фома Аквинский в своей «Summa theologiae» зашел так далеко, что решил, что половые сношения должны были быть абсолютно восхитительны для Адама и Евы в Раю, где на ней всё же ещё не лежало проклятие менструаций и угрозы беременности. И я бы не

зороастрийца разум не был настолько извращен, чтобы он чувствовал себя виновным в том, что живет, сводимый с ума патологически навязчивыми идеями, которые по своему происхождению сексуальны, но с помощью еще более грязного извращения могут быть превращены в слезливое чувство вины из-за того, что он не разделяет нищету самых низших слоев общества или недостаточно вырождается, чтобы удовлетворить врагов своей расы и своего собственного потомства.

Столь же потрясающа христианская переработка Доброго Бога. Ахурамазда является строго справедливым, честным и беспристрастным божеством: он установил определенные правила праведности для всего человечества, и его слуги строго фиксируют каждый факт повиновения или неповиновения людей. Яхве, с другой стороны, является богом, который рано почувствовал в себе необъяснимое пристрастие к несчастному племени жуликов и разбойников, которые вызвали его симпатию тем, что соблюдали странные табу, сексуально калечили своих мальчиков и очищались и мочились теми способами, которые ему нравилось наблюдать. Создав мир, он потратил б***о***льшую часть своего существования, подстрекая и стимулируя своих варварских любимчиков, когда те паразитировали на более цивилизованных народах, и он был их союзником, когда они обманывали и грабили своих жертв или уворовывали для себя ту страну, которую хотели, уничтожая в ней всех мужчин, женщин и детей – и даже их домашних животных. Он даже вмешивался в умы царей, чтобы получить оправдание за причинение их подданным любой садистской пытки, которую он мог придумать на радость своим любимчикам. И будучи сообщником двуногих паразитов нашего мира в течение многих столетий, он вдруг необъяснимым образом передумал и послал им своего единородного сына, чтобы они его убили и таким образом дали ему предлог для разрыва его сделки с ними. Неудивительно, что христиане так постоянно говорят о своем «страхе перед Богом», ведь кто бы ни стал бояться божества столь капризного, безжалостного и бессовестного?

Ни один беспристрастный наблюдатель не смог бы не прийти к заключению, что зороастризм не изменился к лучшему после его переделки своими новыми владельцами.

Нам остается рассмотреть и объяснить этот духовный упадок в последующих главах этой брошюры.

Рассудительный читатель может спросить, почему зороастрийская религия, раз она настолько выше своего преемника, пришла к такому упадку, что сегодня она составляет веру лишь небольшой колонии из приблизительно 120 000 парсов, предки которых нашли в Индии убежище от ислама. Это один из тех исторических вопросов, на которые можно ответить без оговорок или неопределенности.

удивился, если бы «Ангельский Доктор», который, по-видимому, ожидал блаженства после своего Воскресения, в собственном уме руководствовался еретической надеждой на то, что истинно верующие, будучи окончательно спасенными, могли бы украсить вечность и сделать ее более привлекательной, наслаждаясь удовольствиями нового Рая.

Основная причина очевидна: на небесах, как и на земле, ничто так не способствует успеху как успех, а провал является причиной провала.

Хотя творение Зороастра было «универсальной» (мировой) религией и отправляло миссионеров на проповеди своего евангелия по всему миру, оно стало официальной религией обширной и могущественной Персидской империи, и судьба Ахурамазды оказалась неразрывно переплетенной с судьбой персидского Царя Царей. Если бы огромный флот и армия Ксеркса победили греков при Саламине и Платеях, то Истинная Вера последовала бы за персидскими воинами по всей Европе, что очень похоже на то, как христианство позже следовало за британскими полками по всему миру. Я предполагаю, что возможно и то, что сегодня мы были бы зороастрийцами и поклонялись бы богу, представленному вечным огнем на алтаре каждой общины. И тогда нам бы докучали «креационисты», пытающиеся доказать, что Дарвин был порочным, потому что сомневался в том, что Ахурамазда создал Гайомарта, чтобы тот мог породить Машйу и Машйану, предков всего человечества. Но я в этом сомневаюсь: боги, как и люди, стареют, и даже если они бессмертны, но вместе с тем слишком заняты или пассивны, чтобы отвечать на молитвы и просьбы своих верующих в течение нескольких столетий, то они должны винить лишь самих себя в том, что их вытесняют более молодые и пока еще непроверенные бессмертные.

Впечатляющее поражение Ксеркса должно было потрясти истинно верующих: Ахурамазда не смог сдержать обещание, данное через своих посвященных магов. Так что оставались лишь следующие болезненные варианты: либо святые мужи могут ошибаться, либо Ангра-Майнью был более сильным, чем того ожидал его великий и добрый противник. Однако кризис наступил лишь в 334-330 годах, когда Александр Македонский, поклонявшийся грязным и отвратительным демонам, вторгся в Персидскую империю, нанес ей поражение и захватил всю эту Святую землю, посвятившую себя служению Ахурамазде, богу, который не пожелал или не смог защитить свою собственную праведную страну. Зороастризм стал религией крестьян, варваров за границами Персии, а также чудных отсталых стариков, цеплявшихся за дискредитированного бога и традиции, внезапно ставшие устаревшими. [122]

Если бы Александр дожил до того момента, чтобы обратить свое внимание на Европу и отправить свои македонские фаланги туда, или если бы греки, которые строили свои города повсюду на территории бывшей Персидской империи и вызывали благоговение у своих новых подданных как своим бесспорным культурным превосходством, так и своим непобедимым оружием, не страдали от фатального недостатка нашей расы – слабого расового сознания – и постоянно не ослабляли бы сами себя смешением рас, чрезмерной терпимостью и бесконечными гражданскими войнами, то, как я предполагаю, возможно, что иррациональная вера

[122] См. Приложение II ниже.

и фанатизм любой религии «откровения» были бы надолго дискредитированы – однако я в этом сомневаюсь.

Но произошло так, что греческие государства Азии деградировали настолько, что они, одно за другим, попали под правление смелых варваров из Скифии – парфян – и у Ахурамазды появился еще один шанс. Так как римляне, также зараженные глупостью Арийцев, предпочитали сражаться друг с другом, а не расширять свою империю дальше в Азию, зороастризм, в различных более или менее смягченных формах, вернул себе свой престиж. И при Сасанидах великий Хосров, богословие которого гарантировалось его лояльной армией, восстановил зороастрийскую ортодоксию, вынудив магов систематизировать свои священные писания и вероучения, пока его палачи убеждали еретиков в их доктринальных заблуждениях. Но, увы, когда орды ислама – смелые арабы, подстегнутые верой в свое новое божество и богатыми трофеями, которые Аллах им даровал – напали на Персию, Ахурамазда снова не пошевелил и пальцем, еще раз доказав, что он был *roi fainéant* [заоблачным царем-бездельником]. Он потерял свой последний шанс быть великим богом, и после этого ему оставалось лишь удовлетворяться захирелым почитанием своих немногочисленных неисправимо упрямых приверженцев.

БУДДИЗМ

Гаутама, которого позже назвали Буддой («просветленный»), как говорят, был Арийским принцем в той части Индии, которая находится у подножья Гималаев и нынче называется Непалом. У него, как говорят, была та отличительная душевная черта, которая вызывает у нас огорчение и беспокойство при виде страдания и горя – расовая особенность, которая может превратиться в болезненную сентиментальность в людях, которые не заставляют свой разум строго контролировать эмоции. В конце шестого столетия до нашей эры он разработал глубоко пессимистическую и атеистическую философию, которая во многих аспектах была поразительно похожа на современные системы Шопенгауэра и Гартмана. [123] По сути, она представляла собой отказ от религии, отрицание

[123] Если мы предполагаем, что Гаутама сформулировал логически последовательную философию - такую, которой требует Арийский менталитет – то его доктрина с некоторой достоверностью может быть реконструирована на основе «Милиндапаньхи» («Вопросов Милинды», предположительно диалога между буддистским мудрецом и Менандром, греческим царем Бактрии и Пенджаба, примерно в 140 году до н.э.; эта книга переведена и Рисом Дэвидсом и опубликована в томах XXXV и XXXVI известной серии «Священные книги Востока», Оксфорд, 1890-94) и канонических сутр (высказываний, приписанных Гаутаме), которые не противоречат друг другу. Я попытаюсь объяснить это настолько кратко, насколько это возможно.

Воспринимаемый нашими органами чувств мир – это последовательность пустой фантасмагории, поскольку ничто во вселенной не является постоянным. Мир – это изменение, и отдельность вещей и событий – иллюзорное видение, возникающее лишь в уме зрителя. Таким образом, причинно-следственная связь – вымысел, поскольку причина и следствие – неотделимые части непрерывного изменения. И сам человек, со всей своей тщетной гордостью за свою собственную индивидуальность, аналогично является ментальным вымыслом, потому что он тоже является

предполагаемой дихотомии между материей и духом, на которой и основывается вера в эффективность богослужений, молитв, жертв и аскезы. Тем самым он отвергал претензии профессиональных святых мужей – браминов – на власть и превосходство, фактически отменяя социальную структуру из четырех основных каст, в которой факиры поставили себя на наивысшее место. [124] Гаутама также отрицал традиционные ценности Арийских воинов и правящего класса, к которому

постоянным изменением: omnia mutantur, nos et mutamur in illis [«Все вещи меняются, и мы меняемся вместе с ними»]. Вся жизнь, сознание, опыт – это боль; этот мир непрерывно изменяющихся явлений – мрачный лабиринт, в не имеющих выхода ходах которого блуждает пойманное в ловушку человечество, чтобы его бесконечно, снова и снова, пожирал Минотавр страданий и смерти. Ключ к выходу из этого лабиринта – знание того, что человечество, ослепленное мимолетными и иллюзорными фантомами удовольствия и надежды, является жертвой, но не обстоятельств или судьбы, а собственной «воли к жизни», своего невежественного желания жить. Так как душа – это просто понимание потока явлений в данный момент, то очевидно, что не может быть никакого перевоплощения человека. Однако буддизм допускает – хотя он нигде это ясно не объясняет – что «воля к жизни» представляет собой бессознательную силу, которая, как и в философии Шопенгауэра, может подвергнуться определенному палингенезу и таким путем породить новое существо. [Палингенез (в биологии) - 1) появление у зародыша признаков, свойственных взрослым формам отдалённых предков; 2) теория немецкого философа Артура Шопенгауэра о том, что воля человека никогда не умирает, но проявляет себя опять в новых индивидах.] Поэтому самоубийство было бы пагубным, так как желание смерти – это просто инверсия желания жизни, и это желание, как это ни парадоксально, через палингенез даст начало другому потоку ощущений. Из этого следует, что наивысшая мудрость состоит в том, чтобы разрушить в человечестве эту силу страха – изначальную слепую и зловещую волю, которая порождает жизнь и все ее разнообразные страдания. И когда последний представитель нашего несчастного вида умрет, беды человечества закончатся; тогда земля, наконец, будет пребывать в состоянии мира.

Психология и эпистемология Гаутамы известны бесспорно. В документах нет ничего, что соответствовало бы моему последнему предложению, которое напомнит читателю о мужественном принятии Фламмарионом неизбежного будущего, в котором замерзшая и безжизненная Земля будет всё еще вяло кружиться в сумерках вокруг умирающего Солнца. Но это последнее предложение, конечно же, подразумевается (а) верой Гаутамы в то, что его доктрина предназначена для всего человечества и (б) его настойчивым требованием предотвращения всех сексуальных отношений и, следовательно, воспроизводства.

То, что Гаутама понимал под нирваной, бесконечно обсуждалось в Индии и обсуждается и в наше время. Это слово, очевидно, означает то, что происходит с пламенем, когда задувают лампу. Я думаю, что оно просто означает «уничтожение», как западные ученые однажды согласились принять значение этого слова. Религиозные секты утверждали, что оно означало лишь исчезновение желания в наших умах, и после того как значительная часть огромной массы религиозных текстов на языках пали и санскрит была отредактирована и издана, многие ученые – несомненно, большинство – пришли к тому, чтобы согласиться с ними.

[124] Мы не знаем, насколько полно кастовая система уже была развита во время Гаутамы, равно как и мы не можем оценить, насколько строго она реализовывалась на практике в многочисленных государствах Индии, которые, несомненно, очень сильно отличались друг от друга. Однако точно известно, что брамины всюду утверждали свою монополию на религиозные обряды и, следовательно, свое право жить за счет других, как это всегда делают святые мужи. Мы не должны недооценивать этот аспект раннего буддизма: доктрина, что все люди были равны во всеобщем убожестве человечества, имела прискорбный результат разрушения того чувства расового единства, которое оставили Арийцы, однако это было, если можно так выразиться, ценой, заплаченной за слом железной хватки духовенства вокруг шеи общества.

он принадлежал; он рассматривал их как ненужные и бесполезные в свете той ужасной истины, что самым лучшим для человека было бы никогда не рождаться.

В эпоху утраченных иллюзий, когда старые верования Арийского человека рушились под воздействием более точных знаний и рациональной критики, и в эпоху политического упадка духа, когда многие Арийцы чувствовали себя испачканными в грязи многонационального общества, выражение безнадежности Гаутамы и его совет смириться с безвыходным положением должны были привлечь многих вдумчивых людей, однако он никогда не мог очаровать массы. У этого его совета имелась социальная ценность, которая, должно быть, признавалась многими правителями и администраторами. Ведь они должны были быть рады видеть, как такой совет препятствует наглым притязаниям и паразитизму святых мужей, и они приветствовали этическую систему, которая, осуждая все человеческие желания и амбиции, устраняла мотивы для любой формы насилия и преступления.

Философия Гаутамы – возможно, неизбежно – попала в руки верующих, чьи умы были больше эмоциональными, чем логическими; учителей, которые начали придираться к деталям и спорить об определениях и толкованиях, превращая то, что было логически простым и ясным, в неясное и сложное; популяризаторов, которые, в свою очередь, начали упрощать и искажать, чтобы получить одобрение простонародья; и социальных реформаторов, которые увидели в ней путь к влиянию и выгоде. Буддизм, в конечном итоге, оказался разрушен собственным успехом.

Великий император Ашока после блестящих завоеваний стал пацифистом и буддистом приблизительно в 260 году до нашей эры. И хотя он рассматривал эту философию как этическую доктрину, он сделал ее официальной религией, используя ресурсы своей обширной империи для благотворительной деятельности, финансируя школы, больницы, монастыри и приюты для удобства путешественников, и устанавливая ступы, [125] чтобы отметить места, ставшие святыми благодаря какой-то легендарной связи с Гаутамой или его ранними учениками. Он отсылал миссионеров, чтобы проповедовать новое Спасение всему миру, включая, согласно его надписям, земли вокруг восточного Средиземноморья, всеми из которых управляли греческие династии.

Атеистическая философия была преобразована в религию, и примечательная ирония состоит в том, что Ашока перед своей смертью вынужден был созвать Совет буддистских светил в тщетной надежде согласовать доктринальные различия. Гаутама был превращен в Спасителя, естественно, с полным набором соответствующих атрибутов, то есть непорочно зачатого и родившегося от девственницы, [126] вкупе с рассказами о том, как он сопротивлялся искушениям злого

---

[125] Ступа - куполообразное сооружение на могиле царя или вождя; хранилище реликвий.

[126] Стандартная история о непорочных зачатиях претерпела несколько незначительных изменений. Мать Будды, Махамайя («Великая Иллюзия»!) - жена, которая оставалась девственницей, пока ей не исполнилось сорок пять лет - забеременела от «отражения», брошенного на землю его небесным отцом. Она родила божественного ребенка с помощью своего рода чудесного кесарева

бога, который безуспешно пытался предотвратить спасение человечества. То, что прежде было философским принципом, согласно которому мы должны были отказаться от всей собственности, чтобы освободиться от иллюзии, будто бы жизнь чего-то стоит, стало доктриной целительной бедности, порождавшей орды монахов, собиравшихся в огромных монастырях, и странствующих нищих, которых мы по обоснованной аналогии можем назвать монахами. То, что прежде было попыткой установить истины с помощью логики, превратилось в систему неразумной Веры (*bhakti*) и источник оргиастических эмоций. Эта религия была оснащена всеми гротескными атрибутами суеверия, включая бессмертные души, богов, дьяволов, небеса, ад, чудеса, реликвии, молитвы и другие магические заклинания, а также иерархии священников, поглощенных бизнесом продажи святости болванам, жаждавшим отпущения грехов, в которых они сознавались – а грехов было очень много, потому как некоторые профессионалы классифицировали грехи аж на 250 категорий! Естественно, эта религия превратилась в хаос конкурирующих сект, каждая из которых пропагандировала свое единственное Истинное Евангелие, и все вместе они представляли собой весь спектр человеческой глупости, огромную дико разросшуюся кучу, в которой каждый мог найти практически любой сорт причудливых верований. [127] В качестве примера можно привести то, что хотя буддизм в целом допускает в свои ряды женщин, и у него есть не только монахи, но и монахини, а некоторые из сект даже признают некоторых Спасителей женского пола, эта религия, как и христианство, смотрит на женщин с подозрением как на потенциальный источник опасностей. Это, однако, не относится к тантрическим сектам, в которых некоторые из наших пустоголовых современников желают видеть «наивысшие проявления индийской мистики». Эти секты считают, что мужчины и женщины равны, за исключением того, что женщины более равны, чем мужчины, которые обязаны искать святость в гинеолатрии [почитании женщин], доведенной до того, что некоторые могут посчитать крайностями. Одно из таких евангелий, *Candamaharosana* («Чандамахарошана»), например, сообщает нам, что «сущность Будды пребывает в вульве».

сечения, потому что он появился на свет, разорвав бок ее живота, который затем немедленно исцелился. Не по годам развитой младенец сразу же объявил, что пришел, чтобы спасти мир от дьяволов, и он сделал семь больших шагов по направлению каждой из четырех сторон света, чтобы показать, что он намеревался спасти всё человечество. В бизнесе спасения он был опытным дельцом, потому что это было его пятисотое воплощение на Земле, и вскоре буддисты начали писать джатаки [древнеиндийские притчи о земных перевоплощениях Будды] с той же легкостью и поспешностью, с какими христиане позднее сочиняли рассказы о мучениках и других чудесах. Джатаки были правдивыми историями о более ранних воплощениях Гаутамы или других Будд. Буддисты, однако, как и приличествует восточным людям, более терпеливы, нежели христиане: окончательное спасение человечества будет достигнуто Буддой, который появится, согласно нашему календарю, в 5 655 524 году нашей эры.

[127] Произошло, конечно же, то, что все суеверия, порожденные в многонациональном обществе, были включены в новую религию, с рядом умных теологических ухищрений и адаптаций, а также некоторыми дополнениями. Было бы бесполезно вникать в сложные детали. Бесспорным является лишь убеждение святых мужей, что безработица в их бизнесе была бы очень плоха для общества, поэтому они всегда находят средства для предотвращения такого развития событий.

Мы можем быть уверены, что если бы у бедного Гаутамы действительно были способности к пророческому предвидению, то он немедленно дал бы обет вечного молчания и держал бы в секрете те выводы, к которым он пришел. Ему нельзя ставить в вину религию, которую другие люди сотворили от его имени [128] – тем более нельзя его винить за ее всепроникающее влияние на другие религии.

В космическом отрицании Гаутамы присутствовала определенная Арийская сила. [129] Требуется немалая сила духа, чтобы отвергнуть жизнь и поверить, что все вещи, которые мы инстинктивно ценим и желаем, такие как здоровье, физическая энергия, сексуальная любовь, красота, культура, богатство, учение, интеллект и даже наша собственная индивидуальность, все являются лишь пустыми иллюзиями, и что самое большое благо – это уничтожение. Нужна еще б***о***льшая сила духа, чтобы принять эту веру вместе с ее неясными и сомнительными выводами. Ведь эта религия отказывает нам в быстром освобождении путем самоубийства и налагает на нас неприятную необходимость влачить существование, в котором мы отвергаем всё, чего желают здоровые люди и ради чего они живут. Это означает терпеть смерть при жизни. Присутствует ли истина в этом космическом отрицании – вот проблема, которую каждый человек должен решить своими собственными мыслительными способностями, проблема, которую только люди с большой храбростью вообще станут рассматривать.

Отрицание жизни, однако, становится трусливой отговоркой, когда извращенное суеверие предписывает его как средство умиротворения или

---

[128] Я не могу вспомнить какую-то одну книгу, которая бы охватывала все варианты буддизма и его крайне многочисленных сект в прошлом и в настоящем, но подходящий общий обзор основных тенденций в этой религии можно найти в английском переводе версии «Будды и буддизма» Мориса Першерона (Maurice Percheron, Buddha and Buddhism, Лондон, Longmans, Greem, 1957). Я отмечаю, что его симпатия к этой религии не помешала ему однажды признать (стр. 40), что доктрина Гаутамы была совсем другой – колючим кустарником, на котором не было благоухающих роз «духовных» суеверий.

[129] Действительно, отчетливо Арийский дух – это сильное утверждение жизни, решимость жить на пределе возможного, «жить, хотя и в боли», и не бояться страданий и горя – чтобы без страха противостоять трагедии. Это – высокий кодекс аристократической чести, которая заставляет Ахиллеса выбрать отважные дела и раннюю смерть; эта честь заставляет героя-викинга идти на смерть в этом мире так же неустрашимо, как его боги будут вести свой последний бой в предопределенных «сумерках богов» (Götterdammerung). «Честный конец – единственное, чего нельзя отнять у человека», сказал Шпенглер. Ницше суммировал Арийский кодекс в одном предложении: «Гордо умереть, если уже более нет возможности гордо жить». Потому что сущность этого кодекса, который так ненавидят христиане, - это гордость аристократа своим собственным самообладанием и неукротимой волей: именно это делает Гуннара непокорным до конца, даже в яме со змеями, и проявляется в «Манфреде» Байрона: «Да, но взгляни, как он собой владеет, свои мученья воле подчиняя!» Отметьте, однако, что гордость аристократа содержится в непорочности его собственной личности. Если бы он был убежден психологией Гаутамы, которая так заметно напоминает современные теории «лабильной психики», то он отказался бы быть лишь потоком ощущений, и был бы в числе тех, о ком сказал Гленвилл: «Конечно, если бы они были поставлены перед выбором, появиться ли на свет при таких условиях, они скорее предпочли бы всегда быть ничем». И, кстати, состояние «быть ничем», или существование, подобное свету погашенной лампы, и есть именно то, что Гаутама понимал под нирваной.

ублажения бога, который – как мы должны верить одним лишь актом своей веры – будто бы пообещал, что если мы откажемся от всякого инстинкта здоровых мужчин и женщин, то он вознаградит нас после смерти блаженной жизнью вечного безделья, которой он еще большим чудом каким-то образом не позволит превратиться в бесконечную скуку. Если мы станем воздерживаться от половых сношений, чтобы не обрекать других людей на проклятие жизни и всех ее бедствий, то мы будем вести себя рационально и даже благородно, если предпосылка для такого поведения верна. Но если мы расстраиваем наши нормальные желания, чтобы угодить капризу бога – который предположительно наделил нас нашими инстинктами, чтобы причинить нам боль при отказе от них – дабы избежать вечных мучений от рук этого же бога, который к тому же еще и недостаточно щедр, чтобы помочь человечеству быстро исчезнуть, но вместо этого хочет, чтобы человечество размножалось и даже сохраняло свои недостатки и уродства, чтобы обеспечить побольше работы его рукоположенным дервишам – в таком случае, мы стали угодливыми рабами безумного хозяина. Если мы заявляем, что явные различия между расами и между людьми каждой расы стали – в любом практическом смысле – бесконечно малы в сравнении с огромной тщетностью всей человеческой жизни, то мы провозглашаем твердую надежду на уничтожение всех разновидностей антропоидов, способных к страданию, или даже всех видов животных, которым свойственна разумная жизнь. Но если мы верим, что равенство предписано богом, который желает настолько бездумной веры, что он холит и лелеет идиотов с целью разрушения любой формы превосходства, окромя клерикальных хитростей, то мы фактически готовим самоубийство для нашей расы и подлинный ад для наших потомков.

Буддистская религия завершила крах Индии путем аннулирования кастовой системы, пока та еще была доминирующей, но нас здесь интересуют лишь те аспекты суеверия, которые были переняты христианством.

Философская аргументация Гаутамы в пользу того, чтобы мы не воспроизводили наш собственный вид, была низведена до идеи, что полное безбрачие и полное воздержание от половых сношений были сами по себе праведны и похвальны, что произвело «духовные ценности», являющиеся частью обычного запаса шаблонных приемов всех святых мужей. Его пренебрежение любыми формами собственности как отражающими желание жить и стимулирующими это желание, которое необходимо задушить прежде, чем оно создаст еще больше страдания, превратилось в пародию в виде идеи о том, будто бы бедность сама по себе была доказательством духовного превосходства. Союз этих двух идей, естественно, породил орду религиозных нищих, воображаемая неприкосновенность которых давала им право жить за счет духовно уступающих им людей, которые были настолько вульгарны, что сами зарабатывали себе на жизнь и рождали детей, дабы те могли поддержать следующее поколение набожных попрошаек.

Первоначально, буддистский *bhiksu* (бхикшу) был человеком, который, «убив пять чувств» и рассеяв в себе «иллюзию индивидуальности», лишал себя всей

собственности окромя отличительной накидки из грубой ткани, окрашенной в насыщенный ярко-красный цвет (*kasaya*, позже измененной, чтобы обозначать различия между сектами), чаши, в которую можно было собирать еду, которую он просил, и посоха, после чего, сбрив все волосы со своего тела, он начинал жизнь постоянных странствий (*pravrajya*). Нищенствующие монахи находили или получали место для ночлега в хижинах (*viharas*), которые в конечном итоге стали монастырями, обеспечиваемыми набожными людьми. Они превратились в хорошо оборудованные и богатые учреждения, дававшие такую беззаботность и уют, что их *бхикшу* забывали о продолжении своих странствий. И этих *бхикшу* теперь можно было более правильно описать как монахов, хотя буддизм, в отличие от христиан, не делал строгого различия между нищенствующими монахами и монахами, постоянно находящимися в монастыре.

Буддизм в Индии уже пребывал в упадке, когда буддистский монах китаец Сюаньцзан совершил свое паломничество в землю, на которой родилась его религия. И в одной лишь Бенгалии он обнаружил 10 000 вихар [буддистских монастырей]; некоторые из них были, без сомнения, очень небольшими и простыми зданиями, однако некоторые были огромными сооружениями, каждое из которых вмещало больше тысячи отшельников.

Буддистский аскет, «убив пять своих чувств», должен был сохранять их мертвыми, и по этой причине ему запрещали прикасаться к человеку, особенно к женщине. В одной из самых прекрасных санскритских драм буддистский монах наталкивается на женщину, которая была задушена и оставлена умирать. Конечно, он может вылить на нее воду и подуть на нее, чтобы она пришла в себя. Но когда монах помогает ей подняться, она вынуждена хвататься за виноградную лозу, которую он ей протягивает [чтобы не прикасаться к нему].

Пока буддизм процветал в Индии, он не был фанатичен, и поэтому его монашество было более гуманным (и, возможно, менее разложившимся), чем христианская версия, поскольку бхикшу никогда не связывал себя необратимыми, окончательными клятвами. Я не могу удержаться от того, чтобы не упомянуть Бхартрихари, одного из самых очаровательных (и труднее всего переводимых) поэтов-лириков, писавших на санскрите. Как показывают его стихи, он был элегантным и безупречным джентльменом, который с изысканностью не отказывал себе ни в каких чувственных удовольствиях, пока пресыщенность не принесла ему тягу к спокойствию и досугу для размышления. Он, как говорят, колебался между королевским двором и буддистским монастырем, и, наконец, он настолько осознал свою собственную переменчивость, что когда он еще раз отказался от мира и вошел в монастырь, он приказал, чтобы его возница подождала его снаружи. Его поведение, несомненно, воспринималось как странное, однако оно иллюстрирует человечность, которую буддизм в Индии так никогда и не потерял. Возможно, здесь нет параллели с трагедией Марты Дикинсон «Отец Аматус, заточенный в монастырь молодым» («Father Amatus, cloistered young»). Когда этот буддистский институт был

перенесен на Запад, и когда семиты стали ему подражать, он, естественно, приобрел дикий фанатизм, который передался христианству.

ТАПАС

Прежде чем покинуть Индию, нам, возможно, стоит упомянуть еще один элемент, который, как иногда считают, оказал влияние на христианство.

Арийцы (и некоторые другие расы, особенно американские индейцы) инстинктивно восхищались духовной силой и стойкостью людей, которые способны переносить сильную физическую боль, не вздрагивая и не поддаваясь нормальным физическим реакциям. Способность стоически выносить боль всегда пробуждает восхищение, но ее обычно можно демонстрировать только при некоторых ст***о***ящих того обстоятельствах, например, на войне или в других сопоставимых ситуациях, как, например, в случае с известным и по праву уважаемым Гаем Муцием Сцеволой. В пост-ведической Индии, однако, восхищение такой силой духа было извращено в доктрину *тапас* – веру в то, что просто перенося боль, причиняемую самому себе, человек автоматически приобретал духовную (то есть сверхъестественную) силу. Мы должны особенно отметить, что *тапас* производит такую силу с помощью своего рода закона природы, который работает независимо от пожеланий богов и ни в коем случае не зависит от мотивов человека, практикующего такой строгий аскетизм.

Сила *тапас* может быть проиллюстрирована историей, которая изящно пересказана Лафкадио Хирном в его «Заблудших листьях» (Stray Leaves): два злых принца, решительно настроенных на то, чтобы получить власть даже над Тридцатью тремя богами, практикуют мучительно строгий аскетизм на горной вершине, оставаясь абсолютно неподвижными, стоя только на своих больших пальцах ног и не отводя глаз, неподвижно смотрящих на солнце. После многих лет их самоумерщвление дало им такую божественную власть, что вес их мыслей встряхнул земли, подобно землетрясению, и гора задымилась от их святости. Так они смогли разрушить города и превратить густонаселенные земли в пустыни. (Мир и боги были спасены лишь созданием Тилоттамы, самой прекрасной женщины из всех.)

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ: АХУРАМАЗДА

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

В моем чрезвычайно сжатом резюме зороастрийской религии я предположил, что когда Зороастр сообщает нам, что существует только один высший бог добра, он действительно верит в то, что говорит, и что когда он дал этому богу неслыханное прежде имя «Ахурамазда», он придумал это имя своего божества с целью показать, что его бог отличался от всех других известных ранее богов.

Поэтому Ахурамазда является его собственным изобретением. Само собой разумеется, что тео-поэтическое воображение Зороастра находилось под влиянием того, что ему было известно о богах, которые были в моде в его время, и что если у некоторых из тех богов были черты, которые соответствовали его этическим целям, то эти особые черты вновь появлялись в том боге, которого он создавал, исключая, разумеется, те черты, которые он не одобрял. Поэтому можно обнаружить лишь очень ограниченные общие черты. Зороастр, однако, обращается к своему богу и упоминает его только под именем Ахурамазды, и здравый смысл подсказывает, что он придумал новое имя для своего бога именно из-за желания показать, что его бог существенно отличался от всех остальных.

Мой вывод, однако, сильно отличается от того, что вы можете найти в справочной информации о Зороастре, основанной на трудах некоторых современных ученых, которые вычитали в словах Зороастра (насколько это может быть определено из Гат) элементы древней иранской религии в том виде, в каком они ее реконструировали в значительной степени на основе санскритских Вед, нескольких отсылок в Авесте и педантичных работ пехлевийских богословов, самая ранняя из которых должна была быть написана много столетий спустя. Поэтому я чувствую себя обязанным кратко и ясно обосновать свою позицию.

Два главных труда современной учености это:

1. Мариян Моле, «Культ, миф и космология в Древнем Иране: проблема зароастрийства и маздейской традиции» (Marijan Molé, Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien: le problème zoroastrien et la tradition mazdéenne (Paris, 1963 = Annales du Musée Guimet, Bibliothèque d'études, t. 69)). Доктора Моле в первую очередь интересуют поздние труды на языке пехлеви, которые он обильно цитирует, и на основе которых он пытается восстановить, «*à la lumière de la phénoménologie religieuse moderne*» [в свете современной религиозной феноменологии], не столько фактическое верование Зороастра, сколько «*l'image que se font les mazdéens de leur Prophète*» [образ пророка, который был у зороастрийцев], используя тексты, самый ранний из которых не может быть раньше седьмого века (нашей эры). Это очень эрудированная и ценная работа, но она может ввести в заблуждение, если вы не

учтете, сколько времени прошло и сколько превратностей истории имело место между этими трудами и предполагаемой датой нашего текста Авесты, которая в свою очередь включает и разъясняет Гаты, написанные еще намного раньше и являющиеся единственными текстами, насколько это можно предположить, которые примерно сообщают о том, что на самом деле говорил Зороастр. Можно согласиться с тем, что поздние писания на пехлеви сохранили крупицы раннего богословия, однако то, насколько далеко они отошли от Зороастра и от времен Персидской империи, можно оценить по тому факту, что имя Ахурамазды превратилось в Ормузд (Ormuzd, Ormazd, Ohrmazd, Ormizd и т.д.), тогда как имя Ангра-Майнью превратилось в имя Ахриман (Ahriman/Ahraman) или Энак Ме-Нок (Enak Me-nok).

2. Мэри Бойс, «История зороастризма», том I (Mary Boyce, A History of Zoroastrianism, Vol. I (Leiden, 1975 = Handbuch der Orientalistik, I. Abteilung, VIII. Band, I. Abschnitt, Lieferung 2, Heft 2A)). Работа этой очень эрудированной дамы исполнена в четырех томах, но нас интересует только первый, где речь идет о временах Зороастра. Ее труд – самая полная известная мне обработка темы, и ее работа является частью того, что, вероятно, будет оставаться стандартной справочной энциклопедией на протяжении многих десятилетий. Некоторые из ее интерпретаций значительно отличаются от интерпретаций доктора Моле, но, к счастью, это вопросы деталей, которые нам здесь нет нужды обсуждать. Решающие моменты – это (1) идентичность Ахурамазды, (2) значение слова *ahura*, и (3) взгляд Зороастра на определенных индоиранских богов.

1) Нам говорят – на основе некоторых общих черт и большого количества теории, – что богом Зороастра в действительности был Варуна, один из многочисленных богов, упомянутых в гимнах двух ранних Вед, [130] и нам даже дают лингвистическую реконструкцию того, как имя Варуны изменилось бы в авестийском языке, если бы он когда-нибудь упоминался в Авесте. Отождествление основано на двух соображениях: Варуна – один из нескольких богов, которым дают титул «асура» (*asura*) в Ведах (момент, который мы обсудим ниже), и некоторые аспекты Варуны – в том виде, в каком он изображен в Ведах – напоминают признаки бога Зороастра.

Действительно, в одном гимне Ригведы (4.42) Варуна и Индра определяют свои соответствующие сферы влияния, и первый представляет себя как божество законности и правопорядка, всего того, что является нравственно правильным, и этим напоминает Ахурамазду, в то время как Индра, бог, которого Зороастр особенно порицал и осуждал, называя по имени, говорит, что он – покровитель аристократии, которая восхищается войной и поэзией. Следует отметить, что эти два бога появляются в гимне как дружелюбные коллеги в пантеоне, и нет никакого намека на конкуренцию между ними, потому как никто из них не желает даже в

[130] Самые старые гимны в Ригведе это, безусловно, самое раннее выражение примитивной Арийской религии; Атхарваведа появилась позже, но всё еще очень рано. Здесь для нас достаточно лишь сказать, что оба произведения должны были появиться намного раньше Зороастра. Я не столь безрассуден, чтобы попытаться определить точные даты их сочинения.

самой малой степени вторгнуться на божественную территорию другого. Варуна действительно хвастается, что он является самым великим из асуров (независимо от того, что он может под этим понимать), и его воле (то есть закону и порядку) повинуются другие боги. Но это доказывает его превосходство не больше, чем общеизвестные многочисленные романы Зевса со смертными женщинами доказывают то, что Афродита, вдохновляющая сексуальные желания как богов, так и людей, является наивысшей на Олимпе, где Зевс, Посейдон и все другие боги, балующиеся эротическими и любовными приключениями, очевидно, повинуются ее воле. Варуна говорит лишь то, что боги, у которых имеется свое собственное упорядоченное общество, принимают общественный принцип, который он олицетворяет.

Некоторые аспекты Варуны действительно взывают к религиозности, которая была сформирована зороастризмом и его производными. Современные люди склонны чрезмерно впечатляться «духовностью» таких гимнов как Атхарваведа 4.16, в котором Варуне приписывают знание сокровенных мыслей каждого человека, а также (излишнее?) содержание войска невидимых духов, которые, подобно тридцати тысячам агентов Зевса у Гесиода, сообщают ему обо всех действиях людей; а также гимна Ригведа 5.85, в котором верующий просит Варуну простить его грехи, если он когда-либо согрешил против «любящего человека» (то есть «лучшего» друга человека, с которым у него есть особенно тесная связь и близкие отношения; здесь нет никакого гомосексуального подтекста), или обидел брата, друга, товарища, соседа или даже незнакомца. Христианам нравится думать, что такие идеи были замечательными открытиями, сделанными их божеством много столетий спустя, и они обычно недоумевают или сердятся, когда узнают, что Иисус в данной сфере морального увещевания сильно припозднился.

Всё это очень хорошо, но давайте не забывать уравновешивать такие черты другими, которые тоже приписывались Варуне. Возьмите, например, гимн в Атхарваведе (3.25), провозглашаемый человеком, который хочет, чтобы боги заставили женщину полюбить его так, чтобы он мог забрать ее от ее родителей и привести к себе домой. Он очень разумно просит, чтобы Кама (бог сексуальной любви) внушил ей сильное желание его объятий, но затем он просит, чтобы Варуна и Митра промыли ей мозги, чтобы она не могла думать ни о чем ином и не имела бы собственной воли, и потому не смогла бы отказаться от тайного побега с ним. Можем ли мы представить себе зороастрийца, который просит Ахурамазду помочь ему обольстить женщину? Если нет, то Ахурамазда – бог, отличающийся по самой своей сути.

2) Зороастр назвал своего доброго бога Ахурамаздой, и второе из этих слов – «мазда» – означает «прославленный, яркий, сияющий» (и оно логичным образом несколько десятилетий назад использовалось в Соединенных Штатах как название улучшенного вида электрической лампочки), а «яркий» всегда предполагает «мудрый», когда относится к людям. Новый бог был «блестящим, ярким Ахурой», а Ахура (*ahura*) – это великая сверхъестественная сила, то есть бог. Авестийское

слово ahura – это очевидно, диалектическая форма, соответствующая санскритскому слову asura, которое применяется в Ведах к некоторым из богов, которых в них чтят.

Общее название для «бога» на санскрите – слово deva (дэва), которое становится daeva в авестийском, и Зороастр своей решительной и эпохальной переоценкой превратил всех дэв в злых существ (дэвов или дивов), слуг Ангра-Майнью, так чтобы на его языке daeva означало «дьявола», отвратительного демона, поклонение которому должно быть запрещено. [131] Он резко осуждает почитание и даже знаки уважения таким агентам чистого зла, и хотя он выбирает для особого оскорбления Индру, который был эквивалентом Тора для Арийцев Индии, он, конечно же, распространяет свое сердитое осуждение и на всех других *дэвов*, о которых он знал и, косвенно, на всех богов, о которых он никогда даже не слышал. Недавние ученые, однако, утверждали, что в то время как Зороастр проклинает всех дэвов, он делает исключение для богов, которых в Ведах называют асурами, так как он называет тем же словом и своего собственного бога.

Общее название для «бога», *дэва*, вероятно, первоначально означало «сияющий, яркое существо», по-видимому, с особой отсылкой к яркому небу, в то время как слово *асура*, похоже, означает «господин», хотя его происхождение спорно. [132] Поэтому остается вопрос: было ли в старых гимнах Вед (и, следовательно, в понимании Зороастра) слово асура понятием, обозначавшим некое существо, отличавшееся от дэвы, или же это был просто эпитет как *адитья*, который

---

[131] Когда Зороастр сделал «daeva» словом, обозначающим чрезвычайное зло, он, скажем так, сделал это на пределе возможного, поскольку он должен был сохранить очевидно родственное слово, «daena» (даэна), обычно переводимое как «религия», в качестве термина для похвальной деятельности. Авестийское «daena» становится «den» на пехлеви и является частью чрезвычайно распространенного слова, обозначающего зороастризм - «Veh Den» - то есть «правильная, истинная религия». В авестийском языке, однако, некоторых обнаруженных недоумений можно было избежать, переводя «daena» как «духовный» и подставляя из контекста слова «вещи» или «природа» в качестве сопровождающих существительных. В некоторых контекстах это слово действительно означает почтение к духовным вопросам, но в других оно должно определять «духовную природу», которую человек создает для себя праведным или греховным поведением на протяжении своей жизни. В зороастрийской эсхатологии, которая, вероятно, была придумана самим Зороастром, душа мертвеца должна пойти на мост Синвато, где ее будут судить: истинные верующие пройдут по мосту к Небесам, но грешники (включая, конечно же, всех неверных) сорвутся с моста и попадут в пропасть Ада. Процедура описывается несколькими вариантами, однако общее объяснение состоит в том, что душу человека сопровождает ее «даэна», которая появляется в виде сопутствующей девы или духа женского пола; если она праведна, она поддерживает его, пока он идет по очень узкому мосту, но если она несет его накопившиеся злые поступки, то ее вес, пока она цепляется за него, заставит его потерять равновесие и упасть к своей ужасной погибели.

[132] Общепринятая этимология выводит это слово из «Ашшур» («Ассур»), ассирийского названия своей страны, своей столицы и своего бога-покровителя. Таким образом, это слово якобы обозначало богов враждебного государства, что объяснит более позднее использование термина «asura», о чем я упомяну вскоре – но с чего Арийцам применять это слово к своим собственным богам? Конечно, возможно, что мы имеем два слова полностью различного происхождения, которые стали произноситься схожим образом, откуда и возникла путаница.

применялся к различным богам, не подразумевая, что они были каким-то особым классом существ?

Хотя слово асура, кажется, наиболее часто применялось к трем богам в старых ведических гимнах – Дьяусу, Варуне и Митре – нельзя доказать, что оно было призвано обозначать какое-то общее различие. Определенно, здесь нет никакого признака антагонизма или конкуренции. Я уже упомянул гимн, в котором Варуна и Индра как дружелюбные коллеги разграничивают на небе свои сферы влияния. Боги, которых называют асурами, включены в *visve devah* [«все-боги», то есть, пантеон]. И в гимнах богам, которых часто называют асурами, поклоняются с теми же обрядами и те же самые жрецы, что и другим богам. Из этих трех богов, к которым обычно применяется этот термин, Дьяус становится греческим Зевсом, но исчезает из индийского пантеона в более поздние времена; Митра (Mitra) аналогично постепенно исчезает, но появляется в более позднем зороастрийском культе как Митра (Mithra, с «th»); но Варуне продолжают поклоняться как одному из Тридцати трех богов, и ему дается власть над океаном (то есть у индусов он играет ту же роль, что и Нептун у римлян), и он является Регентом Запада (то есть одним из четырех *Lokapalas*, богов, которые осуществляют контроль над четырьмя странами света и иностранными государствами, которые лежат в указанном направлении).

Очевидно, Зороастр намеревался использовать слово асура для обозначения им чего-то радикально отличного от дэвы, когда он применил это слово к своему богу, однако решив назвать последнего «сияющим, ярким», он нуждался в существительном, которое заняло бы место дэвы, и его выбор был ограничен. Я могу подумать только о двух доступных альтернативах. Санскритское «*адитья*» (aditya), «небесное существо», намекало бы на расплывчатый ведический миф о богине, Адити, которая была их матерью, и если бог Зороастра должен был существовать с начала времен, то у него не могло быть родителей. Слово «*бхага*» (bhaga) (авестийское bagha, древнеперсидское baga), кажется, первоначально означало «дающего подарки, дарующего удачу», и было, как и английское слово «господин», термином, применимым и к людям, и к сверхъестественным существам. Оно действительно означает «бог» на древнеперсидском языке и поэтому было применимо к Ахурамазде, но у Зороастра, вероятно, было бы другое понимание контекста этого слова; оно очень часто появляется в Ригведе (например, 3.62.11) в качестве эпитета бога Савитра, который – независимо от того, должен ли он был быть отождествлен с Индрой или нет – был дэвой по мнению Зороастра, и это слово также появляется, по крайней мере, однажды (10.85.36) как имя бога, который очевидно осуществляет контроль над браками, чтобы гарантировать процветание обрученной пары, придавая этим другой контекст, которого Зороастр стремился бы избежать. Насколько я могу сегодня судить, асура, означая что-то вроде «господина» – и это слово не связано с каким-либо одним более ранним богом, равно как и с любым приписыванием генеалогического происхождения – было практически единственным словом, означавшим божество, которое было в распоряжении у Зороастра.

Причиной трудностей, конечно же, является то, что на пост-ведическом санскрите слово асура действительно становится общим названием расы сверхъестественных существ, которые являются врагами индийских богов, хотя следует осторожно отметить, что боги, которых называют асурами в ранних Ведах, никогда не появляются среди асуров более поздних мифов. Трудно сказать, как слово асура приобрело данное иное значение. [133] Я забавлялся идеей, что в действительности именно Зороастр был тому причиной, и то, что мы находим в Индии, было реакцией индуистских браминов на его нападки на их дэвов как на злых существ и его попытку вытеснить их асурами своего собственного создания. Все мы знаем, как святые мужи реагируют на угрозу своему бизнесу, и реакция была бы сильна даже среди простых людей, если ранние зороастрийцы настолько активно пытались способствовать благочестию с помощью меча, как на это намекают их традиции, или даже если индусам просто докучали миссионеры.

В более позднем индуистском богословии аксиомой стало то, что асуры – враги богов, подобно тому, как многочисленные расы демонов – враги смертных людей. Большинство этих демонов – которые в основном заметны в литературе, потому что Арийские герои убивают их многими тысячами – очевидно, представляет чуждые расы аборигенов, с которыми Арийцы столкнулись в Индии, когда они вторглись на этот субконтинент, или позже. [134] В соответствии с этим можно было бы думать об асурах как об иностранных богах, хотя это не является обязательным следствием. Я думаю, стоит упомянуть, что асуры – антибоги, а не дьяволы, и они сохраняют свое достоинство в лучшей санскритской литературе, культурной смеси, в которой надолго сохранились отчетливо Арийские элементы, так что на асуров смотрели с уважением, которого наша раса удостаивает отважных врагов. [135] Но я не вижу причины вычитывать в очень ранних гимнах Вед – и,

---

[133] Одно объяснение дано в предыдущем примечании. Другая возможность состоит в том, что «asura» изначально было словом очень широкого значения в его приложении к сверхъестественным существам, как и некоторые сопоставимые слова на английском языке: среднестатистический христианин в своем сознании обычно не связывает своего Святого духа с неисчислимыми духами (призраками, привидениями), которые населяют здания и невнятно бормочут по ночам, пугая глупых женщин.

[134] Это наиболее ясно замечено в «даса» (Dasas), которые являются расой демонов, но очевидно представляют темнокожих аборигенов, так как это слово всегда сохраняло значение «раб» или «шудра». Ракшасы (Raksasas), возможно, первоначально были монголоидами, чьи характерные косые глаза были гиперболизированы, превратившись в вертикальные глаза демонов, в то время как к их желтому цвета лица добавились другие цвета. Пишиташины/пишиташи (Pisitasins/Pisitasas) были, очевидно, людоедскими туземными племенами, прежде чем они стали вампирами. Пишачи (Pisacas) были варварами, язык которых был способен к литературному выражению; я часто задавался вопросом, кем они были.

[135] Один пример приведен выше, стр. 99, примечание. Действительно, асуры появляются в некоторых мифах как разрушители, но их никогда не унижают до простых бесов. В «Катхасаритсагара» («Океан сказаний»), например, нам дважды рассказывают историю Асуры Ангараки, отца самой красивой женщины в мире. Она, сраженная любовью к царю Махасене, в конечном итоге предает своего отца - она так же чувственно импульсивна, как Скилла, которая предает Ниса в стихотворении Вергилия. Но пока она это делает, Ангарака убивает полицейских

следовательно, в сознании Зороастра – то значение этого слова, которое засвидетельствовано лишь намного позже. По этой причине я отвергаю представления многих современных ученых.

Насколько бы интересным это ни было, я всё же добавлю догадку, что трансформация понятия «асура», возможно, облегчилась своего рода религиозной эволюцией, которая сама по себе может быть интересной. Боги Вед стали банальными и, если можно так выразиться, «поизносились», так как даже набожные верующие, в конце концов, начали подозревать, что они напрасно докучали божествам, не способным ответить на их молитвы. Когда брамины укрепили свою доходную монополию на религию, они подчинили старый пантеон, часто называемый «Тридцатью тремя богами», более новому и более могущественному божеству Троицы: Брахману, Вишну и Шиве. И, что достаточно странно, брамины в определенной степени разделяли враждебность Зороастра, так как они прилагали особые усилия, чтобы опорочить Индру, являвшегося *par excellence* [воистину] Арийским богом, и унизить его до статуса второразрядного бога, который, сохраняя ограниченные полномочия в своем собственном небесном княжестве, согрешил и был наказан за свои грехи высшей силой. Профессиональные торговцы Спасением выплеснули на Индру свою ядовитую ненависть к Арийской аристократии – враждебность, которая, возможно, также была расовой, как мы предположили выше.

Индру оставили во владении его собственными особыми небесами – Сваргой, которая является самым высоким раем, доступным для тех, кто не стал «чистым разумом». Это – индуистская Валгалла, в которой Индра приветствует души воинов, погибших в сражении, и это также те небеса, на которые стоит стремиться попасть, потому что они изобилуют всей роскошью и чувственными удовольствиями, от волшебных деревьев (kalpapadapa, и т.д.), которые дают всё, о чем их попросишь, до сверкающе красивых *ancap* (Apsarasas), райских куртизанок. Однако бедный Индра был унижен почти что до комической фигуры, поскольку его научили тому, что даже бог его уровня должен уважать неприкосновенность святых мужей. Есть, например, индуистский аналог известной истории Зевса и Алкмены: Индра притворился Гаутамой, великим мудрецом, и таким образом обольстил Ахалью, жену мудреца. Но Гаутама, святой человек, который своим благочестием приобрел большую духовную силу, проклял влюбчивого бога, тело которого было покрыто одной тысячей миниатюрных изображений женских половых органов, и опозоренный бог должен был скрываться с позором, пока святого человека, наконец, не убедили смягчиться и изменить стигматы с половых органов на глаза. Индра, который когда-то был *pater hominum divômque* [«божественный отец людей»] Арийцев, провинился даже в самом ужасном, отвратительном и почти невыразимом словами грехе: он случайно убил брамина! Он сбежал в ужасе на край земли и скрылся среди цветов лотоса, плавающих на водах пропасти. И он оставался в бегах,

---

Махасены и, под видом огромного борова, разоряет окрестные села - но он поступает так, нам говорят, потому что божественное проклятие вынудило его стать ракшасом, чтобы искупить грех. Это сохраняет чистоту сверхъестественного происхождения его дочери и щадит достоинство асуров.

дрожа, пока Брихаспати (Брхаспати), Жрец Богов, принеся много небесных коней в жертву в обряде *асвамедха* (asvamedha) и проведя много других сильных богослужений и ритуалов, наконец, не очистил испуганного бога от его ужасного преступления. В Индии жречество закрепилось во власти даже еще более изобретательным образом, чем их коллеги на Западе.

3) Нам говорят, что Ахурамазда не был единственным богом Зороастра, потому что он «должен был» допускать поклонение определенным богам – предположительно, тем, которым симпатизировали его современники – так как эти боги (например, Митра) обнаруживаются в пантеоне более поздних зороастрийских сект. Я думаю, это было бы действительно странно, если бы Зороастр не просто забыл упомянуть пользующиеся благосклонностью божества, но и придумал бы шесть Амеша Спента в качестве непосредственных подчиненных Ахурамазды и единственных, кого он упоминает. Нет никаких упоминаний о Митре ни в одной Гате или в каком-либо другом тексте, который, очевидно, мог происходить из времен Зороастра, зато сам Зороастр очень часто упоминает только своих шестерых великих архангелов. Мисс Бойс пытается вычитать имя Митры в двух словах (*mazda ahurañho*) в строке, которая могла быть древней. Грамматическая связь этих двух слов сбивает с толку, и текст, вероятно, является испорченным или неправильным. Но как бы там ни было, если бы у вас был текст, который постоянно упоминает Яхве и всё время обращается к Гавриилу, Михаилу, Итуриилу, Рафаилу и другим архангелам, но никогда не упоминает Иисуса, то поверили ли бы вы утверждению, что когда автор в одной строке написал «бог и компания», он тем самым намеревался выразить свое почитание Иисуса? Что касается общераспространенного аргумента, что Зороастр, должно быть, разрешал почитание Митры, потому что он определенно его не запрещал, – ну, я не буду столь недобрым, чтобы это комментировать.

Я не могу считать этот вопрос настолько уж важным. Если Зороастр и правда случайным образом удостоил милости несколько из предполагаемых иранских богов, то он заставил их подчиниться шести великим архангелам. Мисс Бойс признает (стр. 192), что «ядром нового учения Зороастра» было его утверждение, что «в самом начале... был только один добрый бог... а именно, Ахурамазда», который создал этих шестерых архангелов, чтобы те помогли ему в войне против Ангра-Майнью. Из этого должно следовать, что любые иранские боги, которых Зороастр, возможно, освободил от своего общего проклятия всех других богов, были созданы Ахурамаздой (или архангелами) как духи (*yazatas*), подчиненные этим шестерым и поэтому лишь во вторую очередь подчиненные высшему богу.

Мисс Бойс признаёт (стр. 255), что Ангра-Майнью, высший бог зла, полностью является изобретением Зороастра, и что он превратил всех ведических дэвов в дьяволов (дэвов или дивов, по-авестийски daevas), созданий и слуг его высшего бога зла. Если Зороастр позволил нескольким иранским богам служить его доброму богу, то это ни в малейшей степени не меняет его большое и чрезвычайно важное нововведение: превращение всего мира в мир, разделенный между двумя

богами, из которых один – бог чистого добра, а другой – бог чистого зла. И он сделал всех (или практически всех) богов, которым ранее поклонялись люди – независимо от того, насколько справедливы и добры были эти боги – злобными слугами бога чистого зла и поэтому врагами всех праведных мужей, которые по этой причине были обязаны обратить в истинную веру или истребить всех почитателей этих богов.

Это, я соглашусь, было эпохальным новшеством и катастрофой для всего цивилизованного мира – катаклизмом, от последствий которого мы всё еще страдаем и по сей день.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ:
БОЛЕЕ ПОЗДНИЙ ЗОРОАСТРИЗМ

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Так как одна из более поздних зороастрийских сект оказала большое влияние на раннее христианство, хоть какое-то упоминание о ней на этих страницах представляется необходимым.

Первоклассный богослов всегда хочет подняться ввысь и блистать, придумав какой-то новый внезапный поворот или практическое применение доктрины, и можно с уверенностью предположить, что во времена Персидской империи многие честолюбивые маги пытались добиться известности. Но мы не знаем, какие методы сдерживания ересей существовали в то время. Мы не знаем, как были организованы маги, какими дисциплинарными мерами они поддерживали разумную однородность догмы, или были ли они способны, как это обычно бывает, прибегнуть к помощи «светской власти» в случаях неповиновения. В истории всех религий ересь – это доктрина, осужденная богословами, которые в данный момент являются «ортодоксальными», потому что у них имеется власть проводить в жизнь свои взгляды, особенно когда их ортодоксальность гарантируется полицией и палачами. Когда таких обязательных стражей Истинной Веры недостаточно или же они оказываются неэффективными, обычным результатом является схизма [ересь] и огромные расходы чернил и папируса (или бумаги). Но было бы безрассудно строить догадки, развивалась ли эта религия в Персидской империи обычным образом или нет.

Имеются некоторые доказательства того, что центр тяжести этой религии переместился в Вавилон спустя некоторое время после персидского завоевания. В этом большом и богатом городе маги вошли бы в контакт с семитскими суевериями, особенно с культом бога Мардука. И можно вполне разумно предположить, что они поощряли или приветствовали действия Ксеркса, когда он осквернил храм этого бога и конфисковал его огромную статую, по сообщениям, изготовленную из чистого золота. В этом городе маги вошли в контакт (если предположить, что раньше таких отношений не было) и с большой и богатой колонией коварных жидов, но мы не знаем, какими способами жиды пытались их эксплуатировать. Зороастрийские святые мужи в Вавилоне также оказались в столице одного из самых древних и самых прибыльных суеверий в мире – астрологии. Кроме того, это было суеверие, которое как тогда, так и на протяжении многих последующих столетий, могло правдоподобно утверждать, что являлось научным наблюдением за реальным миром. [136]

---

[136] В античности ошибки и ложные выводы большей части фокусов астрологов были очевидны для способных умов задолго до Карнеада, и Академики систематически боролись с этим обманом. Но, как должен был признать Цицерон в De divinatione (II.43.90), существовал один аргумент в пользу влияния планет на человеческую жизнь, который нельзя было отклонить или опровергнуть. По

Предпосылки религии Зороастра – и, на самом деле, большинства религий – должны были бы исключать астрологию, но плох тот богослов, который не может заставить свои священные писания говорить именно то, что он считает целесообразным. Было бы интересно узнать, до какой степени астрология проникла в доктрины предположительно ортодоксальных жрецов в Персидской империи, однако всё, что мы знаем, это лишь то, что астрология халдеев была перенята магами, которые работали в греческих городах Средиземноморья и которые, если наша упомянутая выше догадка верна, дали имени своего Спасителя ту форму, в которой оно известно сегодня.

Проповедование евангелия Зороастра всему миру было прервано одним из переломных событий в истории – завоеванием Персидской империи Александром Македонским и последовавшей колонизацией греками Азии от Средиземноморья до границ Китая и от Каспийского моря до Ганга. Со своего статуса официальной религии могущественной империи зороастризм внезапно упал до презренного

этой причине такие искренние и объективные исследователи, как Диоген Селевкийский (которого Цицерон цитирует в том же месте), должны были признать за астрологией значительный элемент вероятной правды. Во все времена все люди замечали, что дети одного мужчины от одной женщины - если они не были идентичными близнецами - всегда отличаются друг от друга. И они часто отличаются радикально, не только по физическим характеристикам, таким как черты лица, рост и фигура, но также и по характеру и менталитету, хотя они и получают одинаковое питание и одинаковое воспитание. Большие различия между потомством одной пары родителей, наблюдаемых при обстоятельствах, которые бы исключили все подозрения в супружеской измене, и даже между детьми брата и сестры (как в Египте или среди магов), должны были быть объяснены воздействием какого-то переменного фактора. И до того, как в наши дни наукой были открыты генетические процессы, которые неизбежно определяют врожденные качества, существенными переменными, казалось, были времена зачатия и рождения, и, следовательно, влияния звезд, так как наблюдение быстро исключило бы такие факторы, как погода и времена года. Альтернативами были: (1) неосознанные причины, (2) метемпсихоз (переселение душ), и (3) особое создание людей богом или богами, которые мастерски избегали дублирования в своей ручной работе. Первая из альтернатив была бы просто признанием безнадежного невежества, а третья была фантастической, оставляя с практической точки зрения лишь вторую. Гипотеза, что существовали невидимые и неосязаемые души, которые могли накапливаться в ходе последовательно прожитых жизней, которые эти души не могли вспомнить, была при объективном рассмотрении гораздо менее вероятна, чем гипотеза, что какое-то влияние, исходящее от планет, - невидимое, подобно невидимому влиянию магнита на железо - воздействовало на плод в матке с самого момента зачатия. Таким образом, способности и характеры мужчин и женщин до некоторой степени - а возможно и почти полностью - определялись влиянием планет до и во время рождения; и характер в определенных рамках действительно определяет судьбу человека. Это открыло дверь для утверждений предсказателей, что влияния планет, которые определяли характер человека, могли в течение жизни оказывать - по крайней мере, некоторое - влияние на существо, которое они сформировали. До современной науки о генетике это было настоящей проблемой, и мы не должны относиться к астрологии в старину с тем презрением, которое мы чувствуем к занятиям ею сегодня, когда она представляет собой просто заведомый обман легковерных и суеверных людей. Неудивительно, что астрологическое мошенничество сегодня стало настолько прибыльным: умы, которые были подвергнуты настолько вредному воздействию, что после него они способны поверить в равенство рас, могут поверить во что угодно.

положения веры только что завоеванных народов, дискредитированной сокрушительным поражением ее набожных монархов и оставленной значительной частью ее бывших сторонников, потому что они потеряли веру в бессильного бога, или потому что они признали культурное превосходство греков, подтвержденное военным превосходством завоевателей, или потому что они видели преимущества присоединения к победителям, или даже просто потому, что они придерживались зороастризма лишь по той причине, что он был в моде. Для магов это, вероятно, казалось концом света, и мы можем быть уверены, что в тот момент они начали разрабатывать теологию, которая объясняла катастрофу результатом некоей сделки между Ахурамаздой и Ангра-Майнью, посредством которой последнему был предоставлен заранее оговоренный период доминирования. [137]

Зороастризм лишился своего блеска, однако было бы преувеличением сказать, что он ушел в подполье. Конечно же, не было никакого преследования, никакой оппозиции зороастризму, никакого официального неодобрения его греками, которые были слишком умными и цивилизованными, чтобы быть восприимчивыми к фанатизму и набожному бреду, возбужденному мировыми, «универсальными» религиями. Произошло лишь то, что лучшая часть населения спонтанно признала превосходство греческой цивилизации и переняла ее, включая ее бесподобный язык, ее изящную культуру и Арийское отношение к религии. Нельзя забывать, что доминирующая часть населения Персидской империи состояла из персов, мидян и других Арийцев, в расовом отношении родственников победителей, и поэтому разделявших их основные расовые инстинкты. [138] Я могу предположить, что многим

[137] Самое общепринятое объяснение состояло в том, что в самом начале времен Ахурамазда установил предопределенную хронологию и серию эпох, в которые Ангра-Майнью должен был занимать доминирующее положение. Первая эра закончилась, когда бог послал Зороастра, чтобы восстановить праведность, однако в расписании было указано повторное впадение в грех, до тех пор пока в конце следующего периода один из запоздалых сыновей Зороастра не родится в ходе того удивительного процесса, который мы описали ранее. Эта идея вновь появляется, конечно же, в различных христианских доктринах о том, что Яхве отвёл Сатане определенный период процветания, однако христиане обычно не предполагают сделки между этими двумя богами. В распространенной версии Евангелия от Фомы сам Фома сталкивается со змеем, который обольстил Еву в райском саду, после чего заставляет змея вернуть к жизни одного мертвеца, высасывая яд, которым этот змей его убил. После чего змей, зараженный своим собственным смертельным ядом, раздувается и лопается, но успевает перед этим пожаловаться, что Фома уничтожил его до окончания отведенного ему срока. Подобные жалобы делают и черти, которых Фома изгоняет с помощью того, что они расценивают как «тираническое» нарушение их прав, однако нам не объясняют, кто составлял этот временной график. Неловко было бы признать то, что добрый бог сам был ответственным за успехи злого бога, равно как и то, что добрый бог был бессилен предотвратить эти успехи. Такова неизбежная дилемма любого дитеизма.

[138] Чрезвычайно странно, что даже такой прилежный ученый как Тарн упустил этот очевидный факт и приписал Александру жажду смешения рас и всеобщего братства полукровок. Простой факт: Александр поощрял смешанные браки только между людьми из своей свиты и персами знатного происхождения, которые имели чистое или относительно чистое Арийское происхождение. Не будучи тупым, Александр понял бы этот факт - если он уже и так не знал его - по их чертам лица и физической наружности. Помимо этого, их язык был древнеперсидским языком, который отличался от аттического, ионийского и дорического диалектов греческого языка ненамного больше, чем отличались некоторые из локальных и загрязненных диалектов греческого

культурным персам достаточно было лишь познакомиться с греческой литературой и философией, чтобы освободиться от ворожбы религии «откровения» и с удовольствием начать пинками прогонять торговцев спасением от своих дверей. Что касается неарийских подданных бывшей империи, то у них теперь были новые хозяева, которых можно было умиротворять и эксплуатировать.

Греки построили греческие города на всех землях, которые завоевал Александр, и греческий язык стал языком всех людей, у которых имелись какие-либо претензии на культуру. Арамейский язык – семитский язык, который был «лингва франка» Персидской империи – стал в значительной степени языком неграмотных, на котором говорили семиты среди невежественного крестьянства в деревнях и полукровки или чужаки из среды пролетариата, ставшего самой низшей социальной стратой городов. Ахурамазда, имя которого было модернизировано на Хоромаздес (Horomasdes), потерял свою мировую империю и стал лишь еще одним простым божеством в сверхъестественном мире, уже и так переполненном множеством богов. Его евангелия не могли быть проданы в хорошо воспитанном и вежливом обществе: фанатизм стал считаться неотесанным и грубым. Маги, которые считались земными представителями бога и уполномоченными продавцами вечной жизни и блаженства после смерти, упали до статуса жуликов, которые изображают из себя «евангелистов» и «экстрасенсов» в нашем сегодняшнем обществе. Они вынуждены были адаптировать свои коммерческие бизнес-планы к своим клиентам, невежественным и легковерным, и их навыки в фокусах ловкости рук, психологических обманах и прикладной химии подарили слово «магия» всем современным языкам.

Однако в период греческого владычества чужеродные суеверия просачивались вверх из многонациональной почвы, на которой греческое общество было построено в Азии, подтверждая тем самым гипотезу Гюнтера, которую мы упоминали выше. [139] Недостаточный фанатизм Арийцев делает их терпимыми к чужеземным суевериям, и к этому добавляется то, что мы можем назвать географическим релятивизмом в религии, который мы обычно считаем настолько

языка, с которыми можно познакомиться в Handbuch der griechischen Dialekte («Справочник греческих диалектов») А. Тумба (A. Thumb), пересмотренном Кикерсом (Kieckers) и Шерером (Scherer) (Гейдельберг, 1932-59). То, что предложил Александр, было ничуть не более радикальным, чем брак между англосаксами и ирландцами или между немцами и северными итальянцами. Нет вообще никаких доказательств, поддерживающих полностью беспочвенное предположение, будто бы Александр одобрял смешение рас. Пропаганда о том, что он якобы это делал, была придумана в те столетия, которые последовали за его смертью, и придумана она была, вероятно, жидами. Одной наглой подделкой было мнимое письмо Аристотеля Александру, где Аристотель советовал ему перемешать население Азии и Европы, чтобы создать таким образом смешанный Единый Мир; до наших дней это письмо дошло только в арабском переводе. См. С. М. Стерн, «Аристотель о Всемирном государстве» (S. M. Stern, Aristotle on the World State, Оксфорд, Cassirer, 1968), где вы также найдете многочисленные упоминания о том, как жиды эксплуатировали эту фальшивку.

[139] См. выше, стр. 45.

само собой разумеющимся в современном мире, что упускаем его из виду. [140] Однако он действительно поражает нас, когда мы впервые сталкиваемся с ним в древнем мире, где он обычно принимал форму теократии, которая, на первый взгляд, кажется нам невероятной. Мы, приученные к христианской догме и ее претензиям на знание «истины» о своем тройном божестве, просто открываем рот от удивления, когда впервые видим, что Геродот дает египетской богине Хатхор с головой коровы имя доброй и красивой Афродиты греков. Нам, не верящим ни в одну из богинь, это кажется профанацией; но это совсем не казалось профанацией Геродоту, который идентифицировал их как аспекты одного единственного божества, в существование которого он был готов временно поверить. Когда мы впервые читаем «Ифигению в Тавриде», нас удивляет, почему афиняне, соотечественники Еврипида, не обвиняли его в самом возмутительном богохульстве

---

[140] Еще будучи молодыми мы обычно читаем величайшую поэму Чосера:
«Когда Апрель обильными дождями
Разрыхлил землю, взрытую ростками,
И, мартовскую жажду утоля,
От корня до зеленого стебля
Набухли жилки той весенней силой,
Что в каждой роще почки распустила,
А солнце юное в своем пути
Весь Овна знак успело обойти,
И, ни на миг в ночи не засыпая,
Без умолку звенели птичьи стаи,
Так сердце им встревожил зов весны,
Тогда со всех концов родной страны
Паломников бессчетных вереницы
Мощам заморским снова поклониться
Стремились истово…»

Паломники берут отпуск, чтобы насладиться путешествием по красивой сельской местности. Но почему они идут в Кентербери, «чтобы увидеть святого благословенного мученика»? Разве Томас (Фома) Бекет находится не с Иисусом в его раю где-нибудь выше облаков? Или же он всё еще в своей могиле в Соборе? Паломники рады возможности путешествовать на чистом воздухе, и, конечно же, не хотят беспокоиться о таких тонких моментах богословия. Много лет назад я посетил известную святыню в Гвадалупе Идальго, и мне выпала возможность побеседовать с культурной дамой испанского происхождения, которая приехала из Гвадалахары, через половину Мексики, чтобы попросить поддержки у Святой Девы Марии Гваделупской. Она признала, что святыни Девы Марии были и в Гвадалахаре, и она согласилась с тем, что Дева была той же самой Девой везде. Но она, тем не менее, была убеждена, что Дева в Гваделупе сделает то, что не сделала бы Дева в Гвадалахаре. Наше чувство религиозной географии сильнее абстракций догмы. Много мужчин и женщин идут в Лурд и излечиваются от психосоматических болезней сильными чувствами, которые возбуждаются их внутренней уверенностью, что Дева совершит именно там чудеса, которые она не хочет или не может совершить в другом месте, даже при том, что она теперь смотрит на людей сверху из своего жилища высоко над землей. Дева Мария в Лурде столь же эффективна, как была и богиня Секвана в своем святилище, которое было открыто археологами несколько лет назад. Но политеист, который путешествовал в храм Секваны девятнадцать столетий назад, делал это на вполне логичных основаниях: она была местной богиней и, хотя она и была невидимой, проживала именно там, где ей поклонялись. Нельзя было ожидать, что она уедет из дома и придет к вам, поэтому, вы, естественно, должны были пойти к ней. Ее терапевтические способности, без сомнения, были очень большими, однако все ее полномочия ограничивались небольшой площадью, которая ей принадлежала.

против Артемиды, когда он изобразил эту прекрасную деву как варварски кровавую богиню кровожадных варваров. Это озадачивает нас, пока мы не поймем, что грек был готов увидеть в иностранном божестве эквивалент традиционного греческого бога, на которого он или она более всего походили, и верить в то, что если сверхъестественные существа действительно существуют, и раз они по своей природе непостижимы, то экзотические боги вполне могли бы представлять те же религиозные понятия, хоть и приспособленные к радикально иной культуре радикально отличных людей в какой-то отдаленной части мира. [141]

Поразительное и недавнее подтверждение гипотезы Гюнтера дали ведущиеся в данный момент раскопки на территории большого греческого города у места слиянии рек Оксус (Амударья) и Кокоха в северо-восточном районе Афганистана, в трех тысячах миль от Греции. [142] Этот город, вероятно, и есть Евкратидия, один из многих городов, основанных греческими колонистами на тогдашней плодородной земле древней Бактрии. Греки, которые в течение нескольких столетий цивилизовали эту отдаленную землю, возможно, ослабили себя смешением рас, хотя их правители – о чем свидетельствуют изображения на их монетах – до конца оставались красивыми Арийцами. Греки Бактрии, конечно же, ослабили себя почти непрерывными войнами против своих соплеменников-греков из империи Селевкидов, независимость от которой они провозгласили, и против греческих королей Индии, которые были решительно настроены оставаться независимыми от Бактрии, если они были не в состоянии завоевать ее. Греки еще сильнее ослабили себя в ходе нескольких гражданских войн, в которых, как мы можем убедиться, более низкие расы получали выгоду за счет своих греческих хозяев. Таким образом, греки и цивилизация в Бактрии, в конечном счете, уступили ордам варваров, потоком приходивших с земель, которые ныне являются частью Китая. Однако раскопки показывают, что до самого конца греки сохраняли и лелеяли свой изящный язык и свою несравнимую литературу. Они содержали в порядке свои характерные институты, такие как гимназии, столь противные восточной вульгарности и притворной стыдливости. Они изобретательно приспособили свою архитектуру к климату региона, в котором подходящий для строительства камень был редок. И еще, что важно, единственные доказательства культурного смешения рас обнаруживаются в религии: немногие божества, найденные к настоящему времени, все являются очевидно негреческими, и пока что не было найдено надписей, которые сообщили бы нам, какие имена были даны этим богам.

---

[141] Этой разумной позиции, конечно же, способствовало разнообразие их собственных богов, что создавало вопросы, которые Цицерон отметил в последней книге De natura deorum. Есть, например, пять разных историй о происхождении и месте рождения Минервы: означает ли это, что фактически есть пять омонимичных богинь? Если нет, то почему нет? У христианского богослова, приученного к созданию Троиц, не было бы никакой трудности в создании «Пятерицы» («квинтета») из Минервы, однако над ним стали бы смеяться. Политеист разумно спросил бы богослова, откуда он всё это узнал, и подобная дерзость всегда вызывает у святых мужей истерики.

[142] См. отчет в The Scientific American, CCXLVI #1 (январь 1982), стр. 148-159.

Возможно, что греки рассматривали их как местные варианты их собственных богов.

Маги – теперь жившие в мире, ставшем настолько порочным, что их доходы резко упали – вынуждены были приспособить свои благие вести к текущему рынку. У них, без сомнения, всё еще были клиенты среди крестьянства и городского пролетариата, однако оба сословия, увы, были обедневшими. Астрология, которую даже хорошие умы должны были принимать как имеющую право на существование, была, конечно же, главным продуктом, на который всегда имелся приличный спрос. В действительности же, зороастризм выжил в ересях, которые заставили бы Зороастра в ужасе утратить дар речи. Греки не стали бы слушать ерунду о высшем боге, который превратил в дьяволов всех любезных и общительных богов всего мира, но они в достаточной мере были готовы поверить в то, что во внутренней Азии Зевс также был Хоромаздесом. Почему нет? Он был Амоном в Египте, и было вполне разумно, что он мог по-разному представляться разным людям.

Одним следствием греческого завоевания Азии было то, что зороастризм сохранился в побочных культах, которые вызвали бы инфаркт у его основателя.

Очень хороший пример – удивительный памятник, который частично пережил опустошения и мародерство двух тысячелетий, стоящий на высокой горе, которую турки называют Немрут-Даг, близко к верховьям Евфрата и приблизительно в 365 милях к востоку-юго-востоку от Анкары. [143] Там, настолько близко к небесам, насколько люди могли подняться, Антиох I, правитель небольшого буферного Коммагенского царства, утверждавший, что его предками были как Александр Македонский, так и Дарий, установил с обеих сторон искусственного холма, насыпанного на вершине, колоссальные статуи своих богов. Эти боги носят восточные одежды и персидский головной убор поверх физических черт, которые изображены в греческом стиле, и которые, если рассматривать их без прочих атрибутов, можно было бы посчитать греческими. Один из двух главных богов, который в своем величии смотрит на широкую долину внизу, является сплавом Зевса и Оромазда (= Ахурамазды), что покажется нам причудливым сочетанием. Второй, столь же величественный, является смесью Аполлона, Гелиоса и Митры (с небольшим дополнением Гермеса). Три бога-помощника также являются «гибридными».

Мы не должны улыбаться такому примеру религиозного гибрида, и не должны забавляться, воображая, какую ненависть этот великий монумент вызвал бы у Зороастра, учившего, что мы должны поклоняться только Ахурамазде и представлять его исключительно в неиконической форме как огонь – чистый элемент, являющийся сущностью божества. Святилище, несмотря на греческий камуфляж, данный ему Антиохом, является поздне-зороастрийским, и оно даже

---

[143] Краткий рассказ о памятнике с превосходными фотографиями можно найти в уважаемом периодическом издании, издаваемом в Цюрихе, «Античный мир» (Antike Welt), Sondernummer 1975.

включало массивный алтарь, на котором, возможно, постоянно поддерживалось горение священного огня. Антиох – сравнительно мелкий царь, который под римским патронажем правил своим царством-клиентом с 64 до 38 года до нашей эры – несомненно, говорил на довольно чистом греческом языке и с непониманием уставился бы на текст на древнеперсидском, авестийском или арамейском языке. Во что он сам верил, мы никак не можем узнать, но крайне маловероятно, что он мог быть одурачен своими собственными иллюзиями. Он знал, что цари должны окружать себя божественной силой, и что было целесообразно связать себя с зороастрийской религией, которая была восстановлена парфянами после краха державы Селевкидов (то есть греков) в Азии. [144]

На юго-востоке от Немрут-Дага всё еще можно увидеть лишенное своих некогда богатых украшений замечательное святилище, которое было, вероятно, построено и выкопано Антиохом для ежегодного празднования чудесного рождения Сына Бога, Митры, который, как и более поздний Иисус, родился в пещере, [145] где

---

[144] Антиох I Коммагенский был, несомненно, культурным человеком, который не мог отбросить прочь греческую культуру или игнорировать богов, традиционно связанных с нею. Его царство было буфером между Римской империей с одной стороны и агрессивной Парфянской империей с другой, самый великий царь которой, Митридат VI Евпатор (почитатель Митры, как указывает его имя), вел ряд кровавых войн с римлянами с 88 по 66 год, когда он, наконец, был окончательно побежден Помпеем и сбежал на свои территории в Крыму, где он совершил самоубийство. Парфянская сила всё еще была огромна, как Крассу довелось узнать в битве при Каррах. Вероятно, что наибольшая часть многонациональных подданных Антиоха хранила верность некоторой форме зороастризма, так что его теократия была, очевидно, политической необходимостью. Ученые по-разному оценивают степень, в которой это могло быть его собственным изобретением. В дошедшей до нас надписи он подтверждает, что когда его тело будет помещено в могилу, которую он для этого подготовил (и которую археологи еще не нашли), его душа поднимется к Небесам, чтобы присоединиться к другим богам. Боги, однако, забыли дать ему совет, который уберег бы его от неправильной оценки ситуации во время римских гражданских войн, последовавших за убийством Юлия Цезаря.

[145] Хорошо известно, конечно же, что в ранней форме христианского мифа, сохранившейся в нескольких редакциях текста Евангелия от Иакова, якобы сочиненного братом Иисуса (который должен был это знать!), Иисус родился в пещере. Это была история, известная ранним отцам церкви, включая Тертуллиана и Евсевия, и последний, в биографии Константина (которую он сочинил, чтобы распространить выдумку об «обращении» этого императора в христианство благодаря чуду «in hoc signo vinces» [«С этим знаком победишь»]) намекал, что Константин построил церковь перед священной пещерой. До недавнего времени эту пещеру показывали, и, возможно, ее всё еще показывают как сцену Воплощения восхищенным туристам, посещающим церковь Рождества в Иерусалиме. Всё это заставляет предположить, что изменение места действия на дом в Евангелии от Матфея 2.11 и на хлев у Луки 2.7 было более поздним ретушированием этих рассказов, произведенным тогда, когда, как думали, следовало бы умалить историю о магах и пророчестве Зороастра. Можно понять, почему считалось желательным минимизировать сходство с Рождением Митры, но невозможно вообразить, почему Отцы не согласовали истории в этих двух евангелиях прежде, чем включить их в свою антологию. Единственным объяснением представляется банальная халатность с их стороны. В евангелиях от Иакова (в одном из евангелий, приписанных Матфею, равно как и в других) рождение в пещере логически объяснено тем, что у Марии начинаются схватки, когда она и Иосиф находятся в пустыне, на некотором расстоянии от ближайшего городка. Очень забавный пример небрежности богословов можно легко найти в двух латинских «Евангелиях Детства», отредактированных М. Р. Джеймсом (Кембридж, 1927). Оба

его приветствовали хоры радующихся ангелов, после чего первыми ему поклонились удивленные по понятной причине пастухи. Митра, однако, родился взрослым, так что его Богоявление [146] последовало незамедлительно за его Рождеством, когда он появился из материнской пещеры.

Это святилище было большой пещерой в склоне горы. Перед ним была создана широкая терраса, и вход представлял собой арку в стенах, покрытых рельефными изображениями и надписями, которые давно исчезли. От дна пещеры инженеры опустили туннель, под углом 45 градусов вниз, внутрь горы на 520 футов и расширили его до помещения значительного размера в основании. По всей вероятности, святилище использовалось для воспроизведения Богоявления Спасителя, несомненно, в день возрождения солнца двадцать пятого декабря, после зимнего солнцестояния. В комнате в основании Антиох, вероятно, совершал религиозные обряды, чтобы обновить свою собственную долю божественной силы. Он надевал соответствующую одежду, чтобы исполнить роль Митры, и появлялся, вероятно, в драматический момент восхода солнца на террасе как *theos epiphanes* [«Бог лучезарный»], намекая собранным верующим, что он был если и не перевоплощением Митры, то, по крайней мере, божественно назначенным представителем Спасителя на земле. Ему, несомненно, воздавали почести пастухи, которые тщательно репетировали свои роли, и он получал аплодисменты от множества людей, собранных отовсюду, чтобы увидеть своими глазами повторение чуда, которое должно было взволновать их набожные сердца. [147] Хоры ангелов (*фраваши, fravasi*), к сожалению, пришлось исключить из шоу. Возможно, что Антиоху всё же обеспечивали подходящий музыкальный фон на церемонии, с помощью которой он убеждал простых людей, что был действительно Наместником Бога на Земле, конечно же, в надежде на то, что правоверные были слишком

евангелия – очевидно, работа святых мужей, которые подправляют историю, чтобы она удовлетворяла их несколько различающиеся вкусы. В обоих рассказах Мария, ее муж и ее пасынок идут к Вифлеему, и так как Мария на последних сроках беременности, ей приходится идти очень медленно. Иосиф поэтому сам идет вперед в город и, так как он не может найти комнату в гостинице, он выбирает пустой хлев и готовит его для Марии. В обеих версиях Мария, наконец, приходит в сопровождении своего пасынка, который объясняет, что ей приходилось часто останавливаться и отдыхать по пути, но в одной версии она затем спешивается с осла! В обеих версиях Иосиф ведет ее в то место, которое он подготовил, и которое, благодаря чуду редактирования, внезапно превратилось в пещеру! Хлев становится пещерой на протяжении одной печатной страницы в обеих версиях, давая нам тем самым определенное представление о силе памяти евангелистов.

[146] Богоявление - праздник в память о явлении Иисуса волхвам с Востока; празднуется 6 января.

[147] У священников, должно быть, была своя роль в церемонии, однако трудно предположить, в чем именно она состояла. Маги не могли приносить дары, поскольку нет никакого прецедента для такого действия в мифе о Митре, согласно которому именно пастухи приносят первые плоды от своих стад и полей как подарки новорожденному богу, и маги вообще не появляются на сцене, так как им впервые принес благие вести о Спасении Зороастр, что произошло намного позже. Митра был божественным Посредником (этот титул позже был дан Иисусу в «Новом Завете») между Создателем и его созданиями, однако священники, как обычно, приобрели монополию на посредничество между людьми и Посредником, чтобы про них нельзя было забыть. Например, только маги могли ухаживать за священным огнем, который отгонял демонов.

невежественны и глупы, чтобы осознать, что он в своей относительно ограниченной области был всего лишь наместником любого римского генерала, обладавшего проконсульской властью в Азии.

Помимо исполнения роли Митры на ежегодном праздновании дня рождения Митры, Антиох поручил изобразить себя в любимой позе большинства восточных царей, *tête-à-tête* [один на один] со своим богом. Он и Митра, оба крепкие и рослые, изображены одетыми в персидское платье (свободные брюки и туника), они стоят друг перед другом и соединяют свои руки, несомненно, скрепляя соглашение рукопожатием. Антиоха отличает его корона, Митру – лучи солнца, которые появляются позади его фригийского колпака. Эти двое изображены равными: Антиох не страдал манией величия, а просто был хорошим политиком.

Он также поручил изобразить себя пожимающим руку Ахурамазде, который остается сидеть на своем троне, так как высший бог наделен правом на такое социальное превосходство. Однако такому преобладающему положению угрожали два процесса в зороастрийском богословии, которые мы должны здесь упомянуть.

Некоторые серьезные богословы явно были озадачены сосуществованием высшего бога добра и высшего бога зла. Казалось неправильным, что первый создал последнего, поскольку почтенный бог действительно не должен был быть настолько глупым, чтобы создать, добровольно или по невнимательности, непримиримого противника, столь же могущественного, как и он сам. Эта проблема, как и эквивалентные проблемы в христианстве и других подобных религиях, конечно же, является неразрешимой, однако чувствовалось, что это будет менее неприятно и вызовет меньшие возражения, если сделать божественных антагонистов братьями, поэтому для них был создан отец из понятия времени (*zurvan, зурван*). Этого изначального бога, Зурвана, позже Зервана, обычно называли на греческом языке и на латыни Эоном или Кроносом (то есть Сатурном, но его имя было перепутано с Кроносом). Первоначально этого бога представляли как гермафродита и потому способного породить детей самостоятельно. В конце концов, его стали изображать как нагую фигуру мужского пола, имеющую крылья и львиную голову, и со змеей, много раз обвивавшей его тело. Само собой разумеется, эта теологическая уловка просто отодвинула дилемму еще на один шаг назад: Кто был папой Зервана? И если уж на то пошло, раз его пол безошибочно определялся в большинстве его изображений, то где он нашел маму для своих мальчиков, когда он был единственным существом в целой вселенной? И почему Зерван безответственно или злонамеренно породил злого сына, чтобы тот ненавидел и стремился уничтожить его доброго сына, не говоря уже о том, чтобы устраивать ад на той земле, которую добрый сын собирался создать? Как и во всех религиях, ответ, конечно же, звучал так: «Беспокоить богословов смущающими вопросами – это ужасно плохое и греховное дело. У вас должна быть Вера!»

Зерван, однако, создал другую трудность, полностью преодолеть которую не могло даже самое большое количество веры. Фундаментальное зороастрийское

учение состояло в том, что после Воскресения Мертвых и Последнего суда торжествующий Ахурамазда положит конец времени, и если Время было его отцом, то он сам стал бы отцеубийцей. Можно было, конечно же, дать стандартное объяснение, что это было «мистерией» [тайной], о которой не должен думать человеческий разум, но доктрина в зороастризме была настолько фундаментальной, что подобное болеутоляющее средство могло сработать не всегда. Когда христиане перехватили идею Воскресения и Последнего суда, они были удовлетворены фразой «времени больше не должно быть», не пытаясь ее понять. В зороастрийской эсхатологии, однако, должно быть понято различие между временем и вечностью. Время – это то, что вызывает печальное положение дел в мире, в котором оно порождает изменения, явления, процессы, события, и таким образом создает историю. Таким образом, время – фатальный недостаток в мире, который разрешает силам зла причинять страдания человечеству. Поэтому после Последнего суда Ахурамазда отменит время и вернет вселенной ее состояние бесконечного совершенства, а так как совершенство не допускает изменений, то это будет вечность, в которой ничто никогда не сможет произойти снова. Каким образом добрые смогут наслаждаться этим блаженством, а грешники смогут терпеть самые жестокие муки, если они будут оставаться такими же неизменными, как мраморные статуи, не объяснялось.

Зерван фактически заменил Ахурамазду, который, таким образом, оказался уменьшен до простого связующего звена между своим Отцом и своим Сыном, и можно увидеть, почему многие маги не согласились с таким нововведением. Зерванисты, однако, процветали примерно до 531 года, когда «ортодоксальные» маги получили возможность влиять на Хосрова I, самого великого из сасанидских царей Персии, который постановил, что зерванисты были еретиками. Так как лояльность его войска не вызывала вопросов, он и бог пришли к однозначному согласию в этом богословском вопросе. [148]

---

[148] Хосров уже доказал свою непогрешимость как богослов, истребляя маздакитов - многочисленную и популярную секту, которой благоволил его отец. Чтобы спасти своих подданных от будущих заблуждений, Хосров уполномочил своих ортодоксальных магов составить авторитетный текст Авесты и дал ему свое одобрение, которое, естественно, имело большой вес. Именно эта версия была основой текста, который сегодня имеется у нас.
Хосров защищал христиан на своих территориях, даже после того, как многие из них были схвачены как участники неудачного заговора, целью которого было заменить Хосрова его сыном. Он, возможно, находился под влиянием того соображения, что почти все христиане в Персии были несторианами, которых его главный враг, Юстиниан, набожный христианский император в Константинополе, стремился истребить. Одно из действий Хосрова заслуживает большого уважения и достойно того, чтобы его вспомнить. В 529 году Юстиниан закрыл «университет» в Афинах, чтобы искоренить последние, выродившиеся остатки греческой философии. Семь тамошних учителей-неоплатонистов, будучи лишенными средств к существованию и, вероятно, привлекаемые разговорами о «социальной справедливости» в Персии во время господства маздакитов, мигрировали туда в 531 году, возможно, с теми же иллюзиями, которые заставили невежественных «интеллектуалов» толпами съезжаться в Россию после 1918 года. Хосров любезно принял их, но они, естественно, оказались разочарованы тем открытием, что Персия не была раем на земле, а также, вероятно, тем открытием, что палачи только что исправили теологические ошибки маздакитов. Когда Юстиниан в 533 году договорился с Хосровом о

На бедного бога давили сверху и снизу, потому что его Сын Митра, став Спасителем человечества и богом, с которым нужно было связываться для получения божественной благосклонности, уменьшил его самого до простого номинального главы многих из зороастрийских конфессий, включая зерванистов и прочих. Почитатели Митры, несомненно, рано обеспечили его непорочным зачатием, считая, что он родился от скалы священной горы, и дали отличительное объяснение его трудов в качестве Спасителя. Он убил Космического быка, и, если я правильно понимаю неоднозначные отсылки, именно от этого быка он получил «вечную кровь», которая была пролита ради Спасения человечества. [149] Эта кровь, возможно, первоначально представлялась как галлюциногенный наркотик хаома, однако общераспространенная традиция сообщала, что Митра и его компаньоны пили вино на Последнем ужине, когда они праздновали завершение его трудов по Спасению. И когда его верующие собирались для пиров братской любви, на которых они праздновали тот Последний ужин, вино было «сотерической» [спасающей, защищающей] кровью. Митра был либо солнцем, либо героем, который освободил солнце от темноты, либо героем, который завоевал солнце и заставил его внимательно исполнять свои обязанности. Богословы не пришли к согласию относительно этого довольно важного пункта Веры, что можно легко заметить по очень большому количеству сделанных по обету [вотивных] надписей на латыни, многие из которых обращаются к «Митре, Непобедимому Солнцу», в то время как столь же многие другие видят в Митре компаньона солнца. [150] Последняя

«вечном мире» (который в действительности продлился почти семь лет, что больше нормального времени соблюдения таких соглашений), Хосров настоял на условии, что семи неоплатоникам нужно разрешить вернуться домой и жить после этого без приставаний набожных христиан. Одним из этих семи был Симпликий, который позже написал известные комментарии к Аристотелю и Эпиктету, сохранившие для нас важные фрагменты работ греческих философов, труды которых были впоследствии утеряны. Поэтому мы благодарны зороастрийскому «тирану» и за информацию, и за пример заботы о гуманитарных науках.

[149] Надпись (к сожалению, испорченная) в митреуме под церковью Святой Priски на Авентине в Риме является молитвой к Митре, содержащей похвалу «nos servasti <a>eternali sanguine fuso». Профессор Швертхайм в номере «Античного мира», который я упомяну ниже, цитирует поздний и странный митраический текст, в котором Митра говорит: «Тот, кто не ест моего тела и не пьет моей крови, так, чтобы он получил часть меня, как я [таким образом] соединяюсь с ним, никогда не достигнет Спасения». Я думаю, что это должно было быть еретической идеей в зороастризме, поскольку, насколько я знаю, нет никаких других доказательств, что верующие Митры воспринимали свои святые вечери как теофагические [theophagous, сопряженные с поеданием божества], с людоедским подтекстом их христианской имитации. Их Последние ужины проводились в память о - и, следовательно, несомненно, подражали - священной трапезе, в которой Митра и его помощники, празднуя свою победу над силами зла, разделяли хлеб и вино: хлеб, сделанный из пшеницы, которая проросла из спинного хребта убитого Быка, и вина из винограда, который возник из крови Быка. Митраистская идея Искупления кровью появляется в тауроболии [taurobolia], ритуальном жертвоприношении быка, так часто празднуемом религиозными людьми в слабеющей Римской империи: их очищала от их грехов кровь быка, которого убивали в очевидной имитации убийства Митрой Космического Быка.

[150] Посвящения обычно дают имя бога в дательном падеже, таким образом, у нас есть «Soli Invicto Mithrae» в отличие от «Soli Invicto et Mithrae». Я не могу экспромтом сказать, какая форма более распространена. В скульптурах, представляющих великую Тавроктонию (бой Митры с быком),

концепция соответствует обычной форме мифа, что Гелиос был помощником Митры в борьбе с целью спасти человечество от сил тьмы, и что он даже спас Митру, благополучно перенеся его над полным демонов океаном. После их победы два небесных компаньона и их помощники разделили священную трапезу, которую мы уже упомянули, и преданные митраисты подражали этому в своих священных вечерях, которые были залогом их товарищества и взаимной привязанности в их общей борьбе против мирового зла. Третья интерпретация исходит из дополнительного мифа о том, что вскоре после своего рождения Митра подвергся нападению со стороны ревнивого бога солнца. Но Митра победил бога солнца в поединке, вынудил его выказать Митре уважение и заставил его регулярно пересекать небеса и проливать на мир свет. Митра короновал своего побежденного конкурента сиянием, которое солнце с тех пор и имеет над своей головой, и подал ему правую руку дружбы, заключив тем самым союз, который они оба с того времени преданно соблюдают. Этот миф, очевидно, был разработан с целью доказать, что Митра подчинил и присоединил к себе вавилонского бога солнца Шамаша, который известен как Шемеш читателям «Ветхого Завета» в распространенной английской версии. [151]

Мы не станем входить в запутанный лабиринт богословия митраизма, но отметим одну любопытную деталь, которая может свидетельствовать о некоторой склонности к тринитарной идее. В большинстве скульптурных изображений Митру сопровождают две фигуры, имена которых, неопределенного происхождения и значения, звучат как Кауто (Cautes) и Каутопат (Cautopates), и которых обычно называют dadophori [факелоносцы], потому что они несут факелы; один поднял факел вверх, тогда как другой направил его вниз. Они похожи на точные копии Митры и, несомненно, представляют его аспекты (восходящее и заходящее солнце?), которые объяснялись верующим в ходе длительных наставлений, которые им давали до того, как они приобщались к каждой из нескольких степеней культа,

---

боковые панели, если они включают Гелиоса, иногда изображают его пожимающим руку Митре в знак дружбы, а иногда кротко становящимся на колени перед своим новым хозяином.

[151] Имя этого бога – Самсу в теофорных [носящих имя бога] именах со времен Хаммурапи (включая времена его сына и преемника) и Шамшу на глиняных табличках из Мари, причем последняя форма более распространена. Произношение древнежидовского эквивалента во втором и первом веках до нашей эры показано написанием в Септуагинте, но у греческого алфавита тогда не было способа различения звуков «с» и «ш». Этот вавилонский бог был, несомненно, героем легенды о сверх-сильном человеке, которого называют Самсоном (Шимшон) в жидовской адаптации этого мифа. Имя этого сильного человека по общему признанию означает на иврите «принадлежащий солнцу, солнечный», что оно, несомненно, и означало в вавилонском оригинале: «сын солнца». В жидовском мифе он родился и был похоронен около храма вавилонского бога (Бет-Самус), и жидовский рассказ о его удивительном рождении с небесным возвещением и влиянием - как в более позднем рассказе об Иисусе - является, вероятно, расширенной гиперболизацией вавилонского рассказа о рождении героя, который, как Энкиду, пал жертвой хитрости проститутки. Исследователи религий могут бесконечно размышлять и дискутировать о том, был ли рассказ митраистов о Космическом быке, в конечном счете, взят из вавилонской истории о небесном быке, который был убит Гильгамешем и Энкиду как жертвоприношение Шамашу, или же он был исконно Арийской идеей, основанной на известном Арийском отношении к рогатому скоту, которое оставило заметный и в наше время след в суеверии индусов.

так как последний стал «религией мистерий», подражая Элевсинским и другим ранним греческим мистериям.

Как хорошо известно, раз Митра родился в пещере, то митреумы, «церкви» культа, должны были располагаться под землей. И если поблизости не было подходящей пещеры, то на участке земли выкапывали яму и настилали крышу. Этот факт объясняет частичное сохранение так многих *spelaea* [пещер], так как христиане, когда они победили, довольствовались тем, что оскверняли святилище и затем строили одну из своих церквей поверх него, чтобы гарантировать, что магия дьявола навечно останется похороненной и недоступной. Обычный митреум вмещал за один раз лишь тридцать или тридцать пять верующих. [152] Можно с уверенностью утверждать, что размер прихода был ограничен сознательно, чтобы гарантировать, что его члены действительно объединятся как товарищи, чувствуя близкое родство и взаимное доверие и привязанность, которые были столь важной частью культа. Можно по аналогии вспомнить «ложи» масонов и, возможно, другие по своей сути религиозные «братские» общества наших дней.

Почитание Митры было исключительно для мужчин. Их жены шли в храм Великой матери (Magna Mater) (развитие Кибелы), который обычно располагался для их удобства просто по другую сторону улицы. Так как такие храмы были исключительно наземными, их обычно полностью уничтожила ярость христиан, когда они, наконец, смогли захватить власть. Непременно существовал близкий союз между культом Митры и культом Великой матери, детали которого ускользают от нас, и имело место до некоторой степени взаимопроникновение этих двух теологий. Как свидетельствуют многочисленные надписи, женщины могли участвовать в тавроболии [taurobolium – обряд жертвоприношения быка] и смывать свои грехи волшебной кровью быка, которого убивали в память о Космическом быке, и кровь которого (во что, несомненно, верили) заряжалась религиозной эффективностью посредством своего рода простой транссубстанциации [пресуществления]. Они также познакомились с использованием святой воды для ритуального очищения, и один или два ученых предположили, что Великая мать, возможно, считалась соответствующей Анахите в божественной троице, признанной Артаксерксом в начальный период этой религии.

Читатель заметит внушительную религиозную эволюцию. Мы начали с религии, в которой Ахурамазда, представленный только в неиконической форме священным огнем, являлся единственным богом, которому можно было поклоняться, и тогда не было никакого намека на предположение, что у него мог бы быть сын. [153] В культе Митры Сын практически изгнал Отца, который существует лишь как связующее звено между Зерваном и Митрой, так что можно было бы легко

---

[152] Митреум, который, возможно, мог вместить сто верующих, был найден в Риме, но, насколько я знаю, это исключение. Многие митреумы могли вместить лишь приблизительно двадцать празднующих без невыносимой давки. Использовался ли данный митреум больше, чем одним сообществом Братьев, неизвестно.

[153] Я рассмотрел этот вопрос в Приложении I.

обойтись без бедного старого Ахурамазды без существенных изменений в культе или даже в его богословии; священный же огонь был заменен скульптурами, часть которых была прекрасного качества, и такими обрядами, как Последние ужины.

Читатель также заметит, что в ходе нашего обсуждения митраизма мы двигались из Персии по направлению к римскому миру. Это было так, потому что только в римском мире у нас имеется хоть какая-то надежная информация об этом культе. [154] Митраизм почти наверняка возник на старой персидской территории или неподалеку от нее, и его легче всего можно было бы объяснить как ересь ереси. Он сохранил богословие зерванистов, и поэтому должен был быть ответвлением зерванизма, показывая еще большую преданность Сыну Бога и, возможно, принимая новую религиозную организацию, ограничивая членство прозелитами мужского пола, которые были готовы сформировать группы, сопоставимые с ложами современных религиозных клубов, таких как масоны, и проходить через несколько степеней инициации, учась и запоминая новые «тайны» на каждой стадии, чтобы достигнуть полноценного членства. [155]

После постепенного возрождения зороастризма при парфянах зерванисты, как мы уже говорили, процветали на старых персидских территориях как одна из зороастрийских сект, пока Хосров не объявил их еретиками. У нас, насколько я знаю, нет никаких письменных материалов с информацией о секте митраистов на той же территории, и это предполагает, что митраисты были или относительно незначительной сектой, или их культ подвергся значительным модификациям для экспорта. Учитывая ограниченность наших источников, это не обязательно должно быть так. Я часто думал, что культ Митры – в той форме, в которой мы его знаем – был бы особенно привлекательным для парфянской аристократии, особая

---

[154] Превосходный короткий и красиво иллюстрированный рассказ о митраизме в Римской империи доктора Эльмара Швертхайма (Elmar Schwertheim) составляет Sondernummer (специальный номер) 1979 года известного журнала об общей археологии «Antike Welt» («Античный мир»). Хорошие фотографии показывают многие из лучше всего сохранившихся скульптур Митры и - что не распространено - портреты двух магов, в которых историки искусства могут увидеть предвосхищение стиля византийской религиозной живописи. Также показана «волшебная стрела», одно из устройств, обычно заставлявших простаков таращить глаза в набожном страхе; это, конечно же, предвосхищение устройства, ныне обычно используемого в театре и в кино, когда нужно показать, как человека пронзает стрела, или как меч проходит через его тело. Для англоязычного читателя есть краткий отчет в переводе Франца Кюмона «Мистерии Митры» (Franz Cumont, The Mysteries of Mithra), который доступен в Дуврской перепечатке. Серия академических томов, посвященных митраизму, продолжает публиковаться в Лейдене как часть коллекции «Études préliminaires aux religions orientales dans l’empire romaine». Надписи собраны в «Corpus inscriptionum и monumentorum religionis Mithriacae», отредактированном М. Й. Вермазереном (M. J. Vermaseren). Для основной библиографии других работ, см. примечания к длинной статье доктора Швертхайма.

[155] Масонские ритуалы и причудливые мифы о Яхве, Соломоне, Хираме и о трио преступников, которых звали Джубела, Джубело и Джубелум, можно найти в книгах «Christian by Degrees» (Лондон, 1964) и «Darkness Visible» (Лондон, 1966) преподобного Уолтона Ханы (Walton Hannah). Мифы эти, как говорят, понимаются адептами символически, а не буквально, но христиане беспокоятся о том, совместимы ли эти символы с их религией.

преданность которой Митре засвидетельствована использованием ею таких распространенных имен как Митридат. Эти аристократы официально были зороастрийцами и содержали магов при своих дворах, чтобы те поддерживали горение священных костров и при необходимости обеспечивали святость, но они были настолько небрежны в своем соблюдении зороастрийских правил приличия, что зороастрийцы периода Сасанидов оценивали их лишь немного лучше, чем неверных. У них, как и у митраистов, которых мы знаем, было так мало набожности, что они никогда не чувствовали ни малейшего желания преследовать и убивать людей к вящей славе Божией. Такое отсутствие рвения среди парфянской аристократии было настолько заметным, что профессор Тарн отмечает, что «может создаться впечатление, что они считали все религии полезными, но ни одну – важной; для человека имели значение его конь, его лук и его собственная правая рука». Возможно, конечно, что это заходит слишком далеко. Разве их рыцарский дух не нашел бы религиозного удовлетворения в своего рода культе мистерий, который сформировал бы их в малочисленные сообщества товарищей, связанных своего рода военным таинством, для почитания героического Сына Бога, который покорил даже солнце и который был всегда готов бороться со злом? Это предположение мне нравится, но я не знаю никаких свидетельств, которые могли бы доказать или хотя бы поддержать эту догадку. [156]

О культе Митры мы впервые слышим в Киликии в начале первого столетия до нашей эры. Такая мужественная религия, очевидно, была привлекательна для военных, и поэтому без сомнения верно считается то, что всюду по римскому миру ее распространяли римские солдаты. Им она предлагала двойной шанс бессмертия: душа человека, которая спустилась с Небес, чтобы быть заключенной в тюрьме плоти, могла – если человек сберег ее в достаточной чистоте от неправды и зла в этой жизни – подняться после его смерти прямо на небеса, возможно, последовательно через семь небес. Это отличается от христианского учения, согласно которому душа умершего человека должна спать до окончательного Воскресения, когда она воссоединится с его воссозданным телом для Последнего суда, после которого, если человека признают достойным, он сможет жить в Раю Бога, в противном же случае, если он будет признан запятнанным неискоренимым злом, он будет уничтожен. У культа Митры не было тех садистских мотивов, которые заставляли христиан надеяться увидеть неверующих и грешников вечно пытаемыми в аду с самой жестокой изобретательностью.

Для зороастрийцев, которые сохранили хоть какое-то знание религии, провозглашенной Зороастром, митраизм должен был казаться отвратительно злым извращением, даже более безбожным, чем зерванизм, от которого он произошел. Если на персидской территории во времена Хосрова были митраисты, то они, несомненно, исчезли вместе с зерванистами. Великий царь обязался восстановить и

---

[156] По моему мнению, на парфянское происхождение указывает тот факт, что прозелит мог пройти через семь степеней, из которых пятой была «Перс». (Шестой степенью была «Посланник Солнца», то есть Митра, а седьмой была «Отец», то есть рукоположенный священник.) Это соответствует уважению, испытываемому парфянами к персам, которыми они правили.

насильно навязать ортодоксальность, основанную на том, что дошло до его времени, или же предположительно дошло, из старых зороастрийских священных писаний. Для Зороастра слово «митра», кажется, было лишь существительным, означающим «договор, соглашение», однако Митра как какого-то рода дух был упомянут в Авесте, и он слишком твердо укрепился, чтобы его можно было вычеркнуть, хотя ортодоксальные маги и сумели быстро уменьшить его масштаб. Отец вернулся в славе к своему прежнему верховенству.

Ирония состоит в том, что христианство, которое является переделанным зороастризмом, также позаимствовало многие из своих атрибутов, церемониалов и украшений у зороастрийской ереси, с которой ему пришлось конкурировать в годы своего формирования.

[О Митре как солнечном герое и о том, как европейцы перенесли этот образ на Иисуса Христа, см. также: Деннис Крюгер, «Непобежденный бог солнца. Религиозная непрерывность от культур мегалитов до христианства»; о религиозных взглядах европейцев в бронзовом веке см.: Бритта Ферхаген, «Боги на утреннем небе. Религия североевропейского бронзового века». – прим. перев.]